

Andrzej
Dilipiuk
Kuzynki

Fabryka słów™

Фантастическая сказка.

Агент Бюро Безопасности Польши Катаржина Крушевская ищет и находит в славном городе Кракове свою «кузину», которой исполнилось 430 лет. К ним присоединяется вампирица Моника, боснийская княжна... А потом они встречаются алхимика Михала Сендзивоя, с которым изготавливают философский камень.

Легкое, приятное чтение для любителей Кракова, истории, алхимии.

▣ ▣ ▣

Книга добавлена по причине исправления кое-каких погрешностей в переводе + коррекции с очередным (2014 года) переизданием.

АНДЖЕЙ ПИЛИПЮК СЕСТРЕНКИ

(ANDRZEJ PILIPIUK. KUZYNKI^[1])

Эпиграф:

Отдели материю мокрую от сухой. Раздели то, что обнаружишь

сверху, от того, что внизу. Раздели то, что родом с востока, от того, что родилось на западе. Когда же свершишь все это, тебе станет известна тайна воды, что не смачивает рук, и, продолжая

так с терпением, свершишь великое деяние.

Анонимный алхимический текст

Золотая польская осень... Небольшая квартирка без кухни в старинном, насчитывающем чуть ли не столетие каменном доме. Тридцать четыре квадратных метра, две комнатки, паркет, еще помнящий австро-венгерскую монархию. Лепнина, а точнее, ее остатки, на потолке. Бронзовые дверные ручки. Двери в прошлом несколько раз красили масляной краской, но отскрести удалось. Небольшая такая квартирка, в самый раз для молоденькой девушки.

Столетний чемодан — воловья кожа на палисандровой раме — забросила на антресоли. Над дверью повесила серебряный крест, привезенный из Аксума. Столик, оставшийся после предыдущих хозяев, накрыла кружевной салфеткой, связанной в XIX веке. Из антикварного магазина притащила латунный самовар, изготовленный в сибирском городе Тула^[2] приблизительно тогда же, что и салфетка. Пузача поместила на широком подоконнике. На стене повесила скрещенные, извлеченные из тайника, сабли. Они спокойно пролежали в земле, завернутые в пропитанные керосином тряпки. Но, точно так же, как и тяжелый российский наган, испытание сабли пережили очень даже хорошо. Револьвер, на всякий случай, был пристрелян, сейчас же он покоится на своем месте, в сумочке. Темно-зеленые ширмы и узкая кровать с жестким матрасом дополнили интерьер. Шкуру северного оленя с длинным мехом она привезла из Варшавы.

Зеркало в узкой, деревянной раме отражает образ лежащей на шкурке девушки. Она улеглась на животе, болтая ногами в воздухе. Сейчас задумчиво просматривает театральные репертуар. Имена исполнителей ей совершенно ничего не говорят. Но ведь у нее куча времени, чтобы отработать долги... Возле кровати стоит «грюндиг» с двумя колонками. Снятый со старой пластинки голос Федора Шаляпина с помощью компьютера очистили от шумов и тресков. Эх, царская Россия... Вот тогда были театры!...

Колонна военных машин не слишком даже длинная. Спереди газик, за ним два бронированных транспортера. Территория, в принципе, безопасная. Скучный, рутинный патрульный объезд. Польский батальон Кей-ФОР^[3] прибыл сюда, чтобы разделять воюющие стороны и проследить за договоренными условиями прекращения огня. Неофициально же польские солдаты должны были следить за тем, чтобы победившие албанцы не вырезали до последнего побежденных сербов. Но когда военные прибыли сюда, то увидели, как позорно опоздали. Территория, за которой они должны были следить, оказалась в этническом плане совершенно единообразной. Лишь десяток трупов в общих могилах свидетельствуют о том, что когда-то было иначе. Определение виновных, в принципе, было делом несложным. Жаль только, что никого из свидетелей в живых уже нет...

Капитан Голембёвский, сидя в джипе, обводил взглядом округу. Крутая дорога и перевал. В долине лежала деревушка.

— Что-то там происходит, — бросил он в переговорное устройство.

Машины прибавили скорости. На холме возле деревни собрались, похоже, все ее жители, окружив кого-то или что-то. Голембёвский схватил бинокль и оглядел сборище.

— Малиновский, прикрытие, — отдал он приказ.

— Есть, — подтвердил поручик. — Преступление в полном ходу. Вмешиваемся, а не то сейчас там зарежут какую-то девчонку. Равич!

— Есть.

— Въезжаем.

Машины остановились на не мощеной деревенской дороге, вздымая облака пыли.

— Рота, вперед! — отдал приказ Голембёвский. — И прикладов не жалеть.

Враждебно настроенная толпа неохотно расступилась. Малиновский положил руки на рукоятках пулемета. В случае чего, он был готов накрыть сборище огнем. Всего лишь несколько пастухов с палками пыталось остановить поляков. Тут пошли в ход приклады. Голембёвский выставил калашникова и выпустил короткую очередь в небо.

Больше уже никто препятствовать им не пробовал. Четверо бандитского вида типов все еще не отпускали маленькую блондиночку. Один из них явно готовился придушить ее куском цепи, которой, обычно, привязывали быков... Равич отпихнул пожилого мужчину. Что-то блеснуло, упав на землю. Толстая, серебряная монета? Капитан схватил за плечо терявшую сознание девочку.

Туземцы окружали их сбитой массой. Равич отдал очередь по земле. Пули затанцевали в сантиметре от сапог и босых ног деревенских, рикошетом отскакивая между ногами. Но те не отошли даже на шаг.

— Разойтись! — крикнул капитан по-албански.

Никто не отреагировал. Двигатель одного из транспортеров завыл, машина въехала прямо в толпу.

— Сожжем деревню, — заявил Малиновский в мегафон.

Поручика в батальоне считали тем еще психом. Теперь его безумие могло, наконец, и пригодиться... Вновь никто и не пошевелился. Тогда он спокойно перезарядил русский гранатомет и послал снаряд в сторону ближайшей хаты. Взрыв смел целую стену. Пастухи,

медленно и неохотно, расступились. Транспортёр подъехал к группе. Капитан занес бесчувственную девочку вовнутрь, за ним в машину вскочили солдаты. Колонна тронулась. Малиновский, сидя наверху, водил взглядом по округе. Местные все так же стояли, враждебно молча. В конце концов, когда до них дошло, что жертва окончательно потеряна, они бросили на землю камни, которые до сих пор сжимали в руках.

— Убийцы хреновы, — фыркнул капитан.

В тесной кабине сложно было найти хотя бы сантиметр свободного места. Девочку уложили на скамье. Голембёвский поспешно ощупал ее ребра и руки в поисках переломов или ран. Кто-то подал ему боевой нож. Капитан осторожно перерезал веревку, связывавшую запястья. Связали, сволочи, по-настоящему крепко, кожа в нескольких местах лопнула. Царапина на лбу, кровоточащая ссадина от камня на виске...

Походило на то, что над ней здорово поиздевались, но серьезных повреждений не было. Равич подал ему намоченную в воде губку. Капитан осторожно пытался смыть кровь. Девочка открыла глаза. Сознание вернулось к ней в одно мгновение. Она облегченно вздохнула.

— Мама моя родная, настоящая принцесса, — вздохнул кто-то из солдат.

Только теперь капитан мог увидеть, кого они спасли.

Было ей лет шестнадцать. Прекрасные светлые волосы, склеенные потом и кровью, спадали волной на плечи. Удивительные синие глаза блестели под широкими бровями, может, на один тон темнее локонов. Нежные губы были разбиты, ладони покрывали синяки и царапины. Порванная блузка не скрывала маленьких, девичьих грудей. Над ними зеленой тушью был вытатуирован герб и какая-то надпись. Капитан осторожно прикрыл девушку взятым с полки противошоковым одеялом. Та несколько раз моргнула.

— Спасибо вам за спасение, — тихо произнесла она по-английски.

Затем улыбнулась всем собравшимся в кабине. Солдаты были изумлены теплотой мелодичного голоса. Девушка попыталась усесться, но капитан мягко подтолкнул ее назад.

— Как тебя зовут? — спросил он.

На мгновение та как будто замялась.

— Моника Степанкович.

— Тебе нужно отдохнуть, — сказал Голембёвский. — Пока что мы заберем тебя на базу, там ты будешь в безопасности.

— На этой земле, капитан, я никогда не буду чувствовать себя в безопасности, — голосе девушки легко было почувствовать печаль и обреченность.

Она закрыла глаза. Капитан поплотнее укрыл ее одеялом, затем глянул на своих подчиненных.

— Благодарю вас, — произнес он очень серьезно. — Возможно, это и не была боевая операция, за которую дают ордена, за то телочку мы спасли...

Так значит, именно здесь вы держите то, на что пошло шесть миллионов злотых из нашей бюджетной дыры, — буркнул президент, глядя на солидные, стальные двери.

— И еще пойдет, — в тон ему прибавил генерал. — Система все еще на этапе тестирования. Зато когда мы ее наконец запустим... — его глаза мечтательно блеснули.

На серых плитах, покрытых противокоррозионной краской, был наклеен, чуточку, криво бумажный листок. Список лиц, имеющих право пересечь этот порог. Список не был длинным: всего две фамилии. Президент быстро прочитал.

— Меня как-то сюда не включили, — задумчиво произнес он.

— Что ж, для вас, и только лишь для вас, мы сделаем исключение, — усмехнулся генерал.

Он сунул карту с микрочипом в щель считывающего устройства, потом в течение длительного времени вводил код. Дверь открылась с тихим шипением. По краю имелось толстое резиновое уплотнение. Президент обратил на это внимание.

— В случае чего, мы предусматриваем возможность залить коридор водой, — пояснил генерал. — Или заполнить его боевыми газами новейшего поколения. Это замозакаливается сталь, двери нельзя перерезать даже дисковой пилой...

— Самозакаливается сталь? — удивился гость.

— Специальный сплав. Атомы углерода расположены в нем таким образом, что по мере резания прочность возрастает. После достижения глубины разреза в несколько миллиметров, металл становится твердым как алмаз. Соответствующие керамические вставки делают невозможным применение ацетиленовой горелки. Стены тоже армированы, — упредил он очередной вопрос. — Конечно, можно опробовать и динамит, только здесь его понадобится с четверть тонны...

Они вошли в шлюз. Дверь, чмокнув, закрылась за ними. Генерал ввел следующий код, после чего оба вошли в обширное помещение. На низком бетонном потолке еще оставались следы досок опалубки. Здесь было не слишком светло и пахло озоном. Напротив входа стояли могучие, стальные шкафы, покрытые циферблатами.

— Банки памяти? — заинтересовался президент.

— Правильно. Их емкость подсчитывают в терабайтах... Прошу вас ничего не трогать, все подстраховано взрывчаткой.

— Я вижу, вы хорошо защищаете свое открытие...

Они пошли по узкому проходу.

— Видите ли, это власть... Не упоминая даже о том, что само программное обеспечение строго секретное.

Они прошли среди блоков. С потолка за ними следили камеры. Наконец они добрались до самого центра зала. Невысокая блондинка с толстой косой сидела на вращающемся кресле за компьютером. Услышав шаги прибывших, она повернулась. На ее щеке был небольшой, светлый шрам.

— Пан президент, это панна Катаржина Крушевская — мозг всего нашего предприятия.

— Рад познакомиться, — подал ей тот руку.

Девушке было лет двадцать. Но пожатие ее руки оказалось неожиданно крепким. Девушка пригласила гостей присесть, сама тоже села на свое место.

— Система готова, — доложила она. — До сих пор мы достигли уровня соответствия порядка 93 %.

— Это много или мало? — президент глянул на генерала вопросительно.

— Чтобы осудить кого-нибудь — недостаточно. Но чтобы повнимательнее присмотреться к птичкам, полностью, — усмехнулся начальник Центрального

Следственного Бюро — ЦСБ.

— В течение следующих шести месяцев мы наверняка достигнем уровня в 95, а то и 97 процентов, — пояснила панна Крушевская. — Весь вопрос в том, чтобы исключить ошибки в программах...

— Это можно будет сделать?

— В нашем случае задействованы самообучающиеся системы, основанные на нейронных сетях. У них громадная вычислительная мощность. Серьезным барьером здесь является сотрудничество с человеком. Данные из компьютерных баз уже впитаны и переработаны, только их все еще недостаточно...

— Понятно, — ответил президент, хотя ничего не понимал.

Генерал безошибочно почувствовал это.

— Быть может, совершим небольшое представление возможностей системы? — предложил он.

Девушка согласно кивнула.

— Я готова.

С помощью нескольких клавиатур она поочередно ввела коды. Экран разгорелся зеленым светом.

— Система открыта, — сообщила она.

— Прекрасно. Международная организация по поиску нацистов разыскивает одного человека... — генерал вынул из папки старую фотографию.

Он подал ее президенту. Снимок представлял мужчину в гитлеровском мундире. Президент передал фотографию девушке. Та вставила снимок в сканер. Через мгновение, лицо, увеличенное и откадрированное, появилось на экране.

— Сначала система пространственного отображения точек, — щелкнула Крушевская по иконке.

Фотография превратилась в трехмерное изображение. Лицо слегка повернулось влево и вправо.

— В данном случае — это экстраполяция, — продолжила объяснения Катаржина. — К сожалению, возможность ошибок составляет около 10 %... вот если бы могли располагать тремя снимками, тогда уверенность была бы полной... Хорошо, теперь старение. — Словно в ускоренном фильме, лицо начало меняться. — Если он жив, тогда ему около восьмидесяти лет, и выглядит он где-то так, — указала она жестом на экран. На них глядел морщинистый старичок. Тем не менее, похожесть можно было заметить. — А теперь запускаю базу, — щелкнула девушка по очередной иконке.

На экране появилась круговая диаграмма.

— Есть идентификация, — доложила девушка. — Лагерный капо из Освенцима, тогда пользовался именем Ганс Швинке. Родился в 1922 году, во Вроцлаве... Так, а вот теперь, к сожалению, придется подождать...

В электрическом чайнике она поставила воду на чай. Президент оглядывался по сторонам, хотя здесь мало чего можно было увидеть. Все стальные шкафы, совершенно одинаковые, отличались лишь серийными номерами. Контрольные лампочки горели ярким, ровным светом. Ничто здесь не мерцало, из кабелей не выстреливали пучки искр.

Система тихонько пискнула и продемонстрировала отрывок фильма. Огромная толпа, пара десятков тысяч человек на стадионе. Одно из лиц было обведено красным кружочком. Через мгновение, уже кадрированное, лицо появилось сбоку. Подобие было удивительным.

— Вероятность идентификации — 73 %, - сообщила Катаржина.

— Что это за фильм?

— Нацистская хроника. Митинг НСДАП в Бреслау 1939 года...

На экране высветилось несколько очередных фотографий, сделанных в концлагерях.

— А вот теперь начнется самое интересное, — сообщила девушка. — Система сообщает хронологические результаты... Все, мы его имеем.

Фотография была не совсем четкой, растр указывал на то, что это газетный снимок.

— Заслуженный директор госхоза в Ровах возле Элка. Фотография из «Трибуны». В статье описываются его достижения в разведении свиней, начало шестидесятых.

Затем на экране начали появляться документы.

— Это система ищет все его следы в архивах из тамошней округи. Одновременно: вперед и назад по времени.

— А можно будет установить его имя?

— Конечно. Впрочем, это уже сделано. Компьютер прочесывает данные как по персоналиям, так и по фото.

Снимки появлялись все чаще. Приблизительно каждую минуту. Одновременно высвечивались какие-то документы.

— Нет в живых, — вздохнула Катаржина. — Умер два месяца назад в местном доме престарелых.

— Холера, выскочил все-таки, — разочарованно буркнул президент. — И что еще умеет эта машина?

— Идентифицировать отпечатки пальцев, следы запахов, образчики ДНК. Например, если у нас имеется фотография зарубежного дипломата, оказавшегося шпионом, мы можем найти все опубликованные в Польше фотографии, на которых он появляется, и идентифицировать стоящих рядом людей.

Похоже, президент не мог всего понять.

— Помните наш последний удар на банду похитителей из Кампиноса? — спросил генерал.

— Естественно.

— Это тоже заслуга базы, — улыбнулась Катаржина. — Мы подозревали одного человека. ЦСБ достало его фотографии из средней школы и лица. Мы идентифицировали всех стоявших рядом с ним приятелей, проследили компьютерную базу БТИ, узнали, где находится недвижимость, принадлежащая им самим и членам их семей. На основании судебной базы данных отыскали их сокамерников, быстро определили предположительную структуру сети. Бизнесмена похитили в Варшаве. К счастью, над улицей, по которой его везли, была камера. База считала все регистрационные номера автомобилей, затем мы установили их владельцев.

— Господи, так ведь это должно было...

— Около одиннадцати тысяч машин. База прочесывает подобное количество данных за двадцать две секунды. После этого мы сравнили перечень владельцев с персоналиями членов гипотетической банды. Выявили девять адресов, два из них могли бы подойти. Антитеррористические подразделения ударили одновременно, и, как оказалось, в одном из этих домов и держали похищенного мужчину. К сожалению, риск ошибки составляет целых 28 %... но постепенно мы его снизим. База учится на собственных ошибках и постоянно совершенствует методики поиска и сравнения данных.

— Только проблемы у нас все время имеются, — вздохнул генерал. — К примеру, большая часть загсов еще не предоставила нам свои книги в электронном виде... Отдел по добыче фотографий работает на всю катушку, сканируя фотографии классов всех школ страны. Но у нас их, к сожалению, пока что 2 %... Провести поиск по архивам «Газеты Выборчей» и «Трибуны» проблем не представляет, но вот уже старые подшивки газет и журналов необходимо считывать с микрофильмов. Правда, библиотеки сотрудничают с нами охотно, но ведь за предоставление данных им следовало бы что-то и заплатить наконец...

Президент повел взглядом по стальным шкафам.

— Генерал, пани Катаржина, обещаю сделать все, чтобы обеспечить финансовые средства на последующее развитие системы...хлопоты будут, ведь все это под строжайшей тайной, но для начала я переведу вам три миллиона из специального резерва. А вам, пани, необходимо обеспечить охрану...

— Самая лучшая охрана — это тайна, — улыбаясь, прокомментировал генерал. — Личность пани Крушевской на данный момент известна всего лишь трем особам. И все три находятся в этом помещении. О существовании Базы известно чуть большему числу специалистов, но истинные возможности системы известны лишь немногим. А возможности эти постоянно растут... И кто знает, какого уровня достигнут...

Президент кивнул.

— И проследите, чтобы так оно и оставалось, — очень серьезно сказал он.

Президент с генералом попрощались и вышли. Девушка осталась сама. Она вытащила из-под письменного стола картонную коробку с микрофильмами и поместила первую катушку в специальное устройство для считывания. В соседнее устройство вставила вторую катушку. Если бы генерал видел, что делает его сотрудница, весьма удивился бы. Вводимые сейчас данные, годовые подшивки «Варшавского Курьера» начала XIX века никак не могли быть полезными для текущей работы его отдела.

Мог ли он предположить, что его самая доверенная сотрудница в свободное время использует Систему для реализации своих личных целей? Тем не менее, догадывался...

Пожилой хранитель медленно шествовал по анфиладе залов. Здание Национального Музея в Варшаве в это время было практически пустым. В стекла бил тяжелый, осенний дождь. До времени закрытия оставалось еще четверть часа. Он вошел в галерею древнего искусства. Вряд ли, чтобы здесь сегодня кто-то еще появился. Хранитель прошел вдоль витрин, радуя глаз собранными сокровищами множества поколений, которые ушли в забвение. Проверил влажность воздуха на гигрометрах. С помощью пульта дистанционного управления включил охранную систему, захлопнул тяжелую дверь. Протянул шнурок сквозь колечко из стальной проволоки и, вдавив его в пластилин, сделал оттиск личного штампа.

За окнами уже наступил сырой, сентябрьский вечер. Уши музейного сотрудника уловили шум деревьев, немилосердно терзаемых ветром. Он поднялся на второй этаж. Зал с картинами фламандских мастеров... И вот часть, посвященная польскому искусству. Со стен на него глядели портреты давным-давно умерших людей. Хранитель любил иногда

остановиться, чтобы поглядеть им в глаза. Ему не нужно было читать табличек под картинами. Он всех их знал на память. Хранитель уже приближался к последнему залу, как вдруг услышал фрагмент сердитого монолога. Кто-то из посетителей, несмотря на позднее время, все еще находился в музее. Хранитель удивленно поднял кустистые брови, глянул на часы. Не думал он, что еще на кого-нибудь наткнется. До закрытия минут десять.

Он остановился на пороге. Молодая девушка, стоящая рядом с висящей на стене картиной, услышала его шаги и удивленно обернулась. Увидав сотрудника музея и явно успокоившись, она вернулась к рассматриванию произведения.

Хранитель слегка усмехнулся.

— Вижу, вам этот портрет нравится? — дружелюбно начал он.

Девушка обернулась. Светло-русская коса блеснула золотой лентой.

— Я прихожу сюда, чтобы черпать идеи, — ответила она.

— Вам известно, кто изображен на этой картине? — заинтересовался хранитель.

Описание находилось прямо у входа в зал.

— Это Станислава Крушевская, — спокойно сказала девушка. — Моя дальняя, можно сказать, прапрабабка. А точнее, кузина, — задумалась она. — Двоюродная прапрабабушка? Это сложно выразить словами, поскольку нас разделяет пятнадцать или, может, восемнадцать поколений... А я — Катаржина Крушевская.

Хранитель тоже представился.

— А может это лишь случайное совпадение фамилий? — предположил он.

— Сходится название деревни и герб, которым, как печатью, пользовались мои предки, — пояснила та. — Хабданк, как и она... Вообще-то, имеется несколько семейств Крушевских, но только одна с таким гербом... Из каталога следует, что портрет был написан в 1678 году.

— Правильно, — кивнул музейщик. — Художник, к сожалению, неизвестен, хотя у нас есть несколько предположений.

Девушка на портрете была темноволосая, а слегка выступающие скулы придавали ей немного восточный вид. На груди у нее был небольшой серебряный крестик, инкрустированный рубинами..

— А откуда известно, когда появилась эта картина? — спросила современница. — Я нашла сведения, будто бы Станиславу Крушевскую разыскивали в связи с убийством собственного мужа в 1609 году. Похоже, что благородный супруг продал ее некоему представителю национального меньшинства, занимавшемуся выгодными поставками молоденьких девушек в турецкие гаремы...

— Через несколько лет она вернулась из неволи и прирезала его как хряка, — дополнил хранитель с улыбкой. — Я предполагаю, что здесь лишь совпадение имен. Раз в 1609 ей было, скажем, около двадцати лет, то в момент написания картины ей должно было быть около девяноста. Что же касается датировки — сзади имеется год создания, написан он той же краской, что и перед картины... Опять же, покрой платья указывает на семидесятые годы XVII века. Может это ее внучка? Или кто-нибудь из другой линии рода? Герб сходится...

Светловолосая девушка рассеянно кивнула. Эту возможность она тщательно проверила по нескольким гербовникам. Существование последующей Станиславы Крушевской было отмечено лишь в XVIII веке...

— Что же, видимо пора закрывать галерею, — глянула она на часы.

— Действительно, — подтвердил сотрудник музея.

— Прошу прощения, я заняла ваше время.

— Мелочи, мне было чрезвычайно приятно.

Они распрощались, девушка ушла. Хранитель подошел к портрету. Пультom он отключил сигнализацию и перевернул портрет лицом к стене. Все сходилось. Дата была на своем месте.

— Любопытно, — буркнул он себе под нос.

Глубокий купеческий подвал на краковском Рынке^[4]. Стены помнят XVI век. На потемневших кирпичях до сих пор видны отпечатки пальцев людей, которые эти кирпичи лепили. Стены стоят себе и стоят, в то время как следы их строителей давно занесены песками времени. В подвале устроили пивную. Этим субботним вечером ее заполнили, скорее, необычные посетители. Где-то там, в городе, догасает конвент любителей фантастики.

А в подвале царят жупаны, кунтуши и делии^[5]. меховые шапки летят под самый потолок. Поблескивают гузы^[6], из-за слущких широких поясов живописно торчат кручицы^[7]. Шляхта пьет. Шляхта рубит саблями свечи... Во главе стола сидит король Польский, с ним писарь — милсдарь Яцек Комуца^[8], и его издатель в мундире шведского офицера. Пьют, стреляют из своих старинных пистолетов, что-то шумно обсуждают. Царит всеобщая радость.

Было здесь и несколько обычных клиентов, но при виде подобной банды «вооруженных и очень опасных» психов они тихонечко смылись в соседний подвал. Скатертью дорога, «сицилисты зачуханные», пивных у нас хватает...

Один лишь гость остался на своем месте за маленьким столиком у стены. Сидит, попивая пиво из трехлитровой кружки. На столешницу положил тетрадь, исписанную заметками и химическими уравнениями. Немногочисленные во всем мире эксперты, если бы окинули тетрадь взглядом, наверняка погрузились бы в недоумение. Мужчина одет в длинный коричневый плащ. Под шеей он носит плюеный воротник из шелка^[9]. седая борода ниспадает на грудь.

сейчас он отложил авторучку «паркер» и с удовольствием приглядывается к разыгравшейся банде. Шляхтичи тоже поглядывают на него. Он не из их компании, тем не менее, одеждой соответствует гулянке. Интересно, почему? Может быть, ему тоже нравится, в старинном королевском городе, надеть, хотя бы на пару часиков, традиционную польскую одежду? Они не собираются ему мешать, а если старику захочется повеселиться с ними, сам подойдет...

Пожилой мужчина рад. Отвык он уже от подобных видов. жестом узкой ладони подзывает официанта.

— Пиво для всех, — делает он заказ, отдавая шелестящую купюру.

Придворным поклоном благодарит за тост в свою честь. А затем вновь впадает в умиротворенную задумчивость.

Как приятно без дела бродить по краковским Плянтам ^[10] туманным, осенним утром. Худенькая, темноволосая девушка шла, обходя многочисленные лужи. После вчерашнего ливня резко похолодало. Она поплотнее закуталась в длинное, светло-коричневое пальто из верблюжьей шерсти. Да, она мерзла, но после нескольких лет, проведенных под раскаленным африканским солнцем, подобная перемена была даже приятной. Краков постепенно изменялся в лучшую сторону. Он уже не был таким темным и мрачным, каким она его запомнила во время своего последнего здесь пребывания. Приятно было заглянуть в старые уголки, хотя — как оказалось — не все из них сохранились. Сносы да ремонты здорово изменили лицо города.

Деревья теряли листья. Девушка прошла мимо Барбакана. Ненадолго прикрыла глаза. Без труда представила крепостные стены из красного кирпича и серой извести. Внезапно ей захотелось поглядеть на Флорианские Ворота изнутри.

Флорианские ворота и улица Флорианская

Барбакан (метров 80 от Флорианских ворот)

На лавке неподалеку сидел мужчина, одетый в дорогой костюм. На запястье сиял золотой швейцарский хронометр. Мужик пил всю ночь, сейчас постепенно приходил в себя.

— Эй, красотка, что же ты ходишь так одиноко? — заговорил он, словно опытный казанова.

Что-то в его хриплом голосе привлекло внимание девушки. Она обернулась, пригляделась повнимательнее. Хитрое, похожее на крысиное, лицо-морда; он несколько располнел, но она узнала.

- Дмитрий, — негромко произнесла девушка. — Не думала, что ты до сих пор жив... Теперь уже вздрогнул мужчина и поднял набежавшие кровью глаза.

— Пани, — прозвучали хриплые слова. — Я счастлив, имея возможность поприветствовать...

Он хотел подняться, только притяжение победило, так что с лавки мужчина встать не смог. На его физиономии тут же появилась услужливая усмешечка.

— Ты нашего учителя видел? — спросила девушка.

В глазах мужчины блеснуло понимание.

— А разве тебе уже не хватит?

Собеседница покачала головой.

— Потому-то я и здесь... — пояснила. — Вернулась, чтобы его найти.

— Живешь в Кракове?

Девушка неохотно кивнула.

— Нет, старика я не видел. С того самого дня.

Не прощаясь, девушка отправилась дальше. Дмитрий глядел вслед. В его взгляде появилось нечто вроде желания.

На улице святого Томаша, возле здания Музыкальной Академии, девушка столкнулась с посчитавшим это место собственным уделом эксгибиционистом, но, видно, он распознал ее еще издалека, потому что тут же поплотнее запахнул непромокаемый плащ и чмыхнул в ближайший переулок. Что же, иногда люди не любят, когда в них стреляют... Девушка глянула на часы. Времени было еще много, тем не менее, он ускорила шаг.

Шестое чувство подсказывало ей, что вскоре что-то произойдет...

Национальную Библиотеку проектировали еще во времена реального социализма. Так что ничего удивительного, что в ее закоулках было предусмотрено существование нескольких непригодных в нынешние времена помещений. И, понятное дело, сейчас их попытались использовать. В атомном бомбоубежище, после удаления переборок, очутились наиболее ценные старинные печатные издания. Система камер, установленная еще Службой Безопасности для того, чтобы подсматривать за читателями, пригодился охране для мониторинга читального зала. Отдел запрещенных изданий, где, по мысли архитектора, сотрудники секретных служб ПНР должны были просматривать не рекомендованные книги капиталистического производства, был переделан под помещение для чтения микрофильмов.

Блондинка с косой устроилась в сверхсекретном, бронированном помещении, по начальной идее предназначенном для сжигания книг, которых нельзя было хранить ни в

кчем случае. Сотрудники библиотеки сразу же обратили внимание, что эта миленькая девушка, которой ну никак не могло быть больше двадцати лет, нисколько не похожа на обычного гостя. Появилась она совершенно неожиданно в одно прекрасное осеннее утро. Из грузовичка без каких-либо обозначений она выгрузила шесть металлических запломбированных контейнеров. В библиотеку вошла, словно к себе домой. Девушка располагала магнитной картой, открывающей все замки. Ящики она приказала занести в никем не используемое помещение для сжигания. На двери повесила табличку «Вход воспрещен». В читальном зале присвоила ящичек бланков заказа.

Не все книги были внесены в центральный компьютерный реестр, в связи с чем она довольно регулярно начала появляться в отделе каталогов, копаясь в карточках и выписывая громадное количество заказов. Кждые два-три часа она заходила в столовую. Уже на третий день ее привычки были известны настолько, чтобы, как только она появлялась в дверях, кухарка тут же заливала кипятком чай. Три ложечки листового «Юнания» на чашку. Девушка спешно выпивала свой чуть ли не кмпяток и возвращалась к своим занятиям.

Сотрудники книгохранилища тоже косвенно столкнулись с таинственной гостьей. Никогда и никем не используемый технический лифт, ведущий к печной, неожиданно ожил и тут же выплюнул из себя восемь десятков бланков заказов. На каждом имелась зеленая печать, означавшая непрерываемый приоритет. В теории, подобным штампом мог пользоваться крайне узкий круг научных сотрудников библиотеки самого высшего ранга, но когда работники хранилища обратились с расспросами в дирекцию, то получили подтверждение. Кроме того, им сообщили, что какие-либо задержки в исполнении требований незнакомки повлекут за собой увольнения с работы. Вместе с этим их проинформировали, чтобы они не задавали лишних вопросов.

Работники копировального отдела весьма удивились, когда незнакомка появилась на пороге рабочего помещения. На стол пона положила заказ на исполнение микрофильмов с восьми сотен годовых комплектов старвх газет. Но как только те заикнулись про сумасшедшие рссходы, девушка, не говоря ни слова, вытащила чековую книжку.

Охранники на служебном входе быстро перестали удивляться. Девушка приходила на работу в семь утра. Уходила, как правило, около десяти вечера. Пару раз ей случалось остаться на ночь. Это, естественно, было против всех предписаний, в связи с чем охранники обратились к директору с протестом. Но тот ответил на все их сомнения лишь тем, что беспомощно разложил руки.

В другой прекрасный день блондинка вытащила из помещения для сжигания все шесть запломбированных контейнеров, отослала последние книжки в хранилище, после чего, посвистывая себе под нос, библиотеку покинула. Ящики два молчаливых мужика с лицами-масками загрузили в ничем не примечательный фургон, после чего таинственная девица исчезла уже окончательно.

Копировальный отдел в течение еще трех недель ррегулярно направлял ролики микрофильмов в старое помещение для сжигания книг. Двери были открыты; техник попросту ложил катушки на стол. Каждые три дня весь запас исчезал, хотя никто не мог сказать, кто их забирает и куда отсылает. Через несколько дней пленки возвращались, и их сразу же вносили в реестр читального зала микрофильмов.

Мужская половина сотрудников, с тех пор, как загадочная незнакомка перестала появляться в отделе каталогов и в коридорах, вновь обрела желание работать... Понятное дело, что в отношении девушки ходили сплетни, но никто не знал даже то, как ее зовут. Все

считали, что это дочка какого-то крутого типа писала диссертацию. Дирекция, по своему обычаю, от всяческих ответов уклонялась...

Небольшая, уютная квартира. Небольшие деньги на счету в зарубежном банке, где никто не задает ненужных вопросов, а липкие пальцы министерства налогов и сборов не имеют возможности что-либо прихватить. Чего еще следует ждать от жизни? Пригодилась бы работа, успокаивающая амбиции и приносящая радость, к тому же дающая чувство общения с другими людьми. Например, работа в школе.

Директор частного лицея оторвал взгляд от столешницы.

— Чем могу служить? — спросил он.

Женщина присела на стул. Кожа, исхлестанная эфиопскими ветрами, делала ее несколько старшей, но не настолько, сколько бы хотелось ей самой.

— Я по объявлению, — пояснила она. — Вы, вроде, ищете преподавательницу французского и английского языков...

— Квалификации у вас имеются?

Женщина положила на стол дипломы, подтверждающие сдачу государственных экзаменов. Последний был ей выдан буквально вчера.

— Я бегло знаю английский, французский, немецкий, фуша, амхарский, гыыз, китайский мандаринский... — перечислять она могла бы еще долго, но предпочитала не сильно раскрываться.

Директор глянул над оправой очков. Его глаза долго исследовали лицо собеседницы, которое еще хранило теплый цвет пустыни. Упругие мышцы, выпрямленный силуэт свидетельствовали о силе и прекрасном состоянии. Он задумался.

— Сколько вам лет?

— Двадцать один.

— Наши самые старшие ученицы будут всего лишь на пару лет моложе, — произнес он, скорее, сам себе.

— Пан директор, когда я вела дела на юге Судана, то мне удавалось справляться с контрабандистами верблюдов, так что думаю, что и с воспитанными в тепличных условиях девочками проблем у меня не будет.

Улыбка промелькнула по лицу пожилого мужчины. Чего он там себе выдумал?

— Нам нужны лица с документированной педагогической подготовкой, — уточнил тот. — Самое лучшее — профессиональная практика. Обучение молодежи — задание ответственное... В любом случае, дело посложнее работы с верблюдами.

— Полномочия заниматься учительской деятельностью у меня имеются, — пояснила просительница. — К тому же я располагаю рекомендательными письмами от дирекции школы в Аксуме, где я работала.

Она положила на стол два документа. Директор задумчиво разглядывал червячки неизвестных ему букв.

— Вы прибыли из...

— Эфиопии. У меня имеется разрешение на постоянное пребывание и на трудоустройство. Еще я подала заявление на натурализацию.

— Совет попечителей не слишком будет доволен, — директор озабоченно глядел на бумаги. — Это по-эфиопски?

— По-амхарски. С другой стороны имеется засвидетельствованный перевод на гыыз и французский.

— Ладно, рискнем, — принял решение директор. — Пока что с трехмесячным испытательным сроком. Но если пани не справится...

Во все времена девушки, в принципе, похожи одна на другую, вот только с каждым поколением становятся более инфантильными. Никаких проблем не будет.

— Чем вы интересуетесь лично? — директор вынул из ящика бланк персональной анкеты.

— Туризм, литература, театр...

— О, театр, — подхватывает директор. — В ближайшее время мы организуем две поездки в Варшаву на спектакли.

— «Дочка без присмотра»^[11] и «Лебединое озеро» либо «Жизель», — без колебаний подсказала просительница.

Улыбка директора означала, что догадка была правильной. Но в этой же улыбке скрывался и другой смысл. Директору новая учительница начинала нравиться. Немного молода, но, наверняка, станет прекрасным дополнением в педагогическом коллективе.

Как можно воспользоваться доступом к базе данных, включающей миллионы граждан нашей страны? Можно поискать знакомых из средней школы, узнать лиц, случайно сфотографированных во время отдыха. Можно сделать неприятной жизнь политикам, идентифицируя людей, в компании которых тех увековечили. Но можно реализовать и совершенно дурацкие идеи.

Понятное дело, что генерал располагал системами контроля, позволяющими незаметно следить за тем, чем занимается его подчиненная. Довольно быстро он сориентировался, что по ночам компьютер используется для исключительно странных целей. Вот только, ничего из того, чем девушка занималась, незаконным не было... Хорошенько подумав, он решил, что вмешиваться не станет. Пока подчиненная выполняла свою работу образцово и с огоньком, на мелкие чудачества можно было глядеть сквозь пальцы. Этим вечером девушка снова осталась на работе на ночь...

Катаржина Крушевская садится к компьютеру. Глоток крепчайшего чая. Затем вбивает длинное и сложное указание. Найти людей, которые были сфотографированы с отступом не менее двух десятков лет, но выглядящих так же...

Задание не кажется особо сложным, тем не менее, в памяти базы находится почти что миллиард различных фотографий. Значительный процент — это общие снимки... Девушка встает. Поправляет косу. Входит в систему с другого компьютера. На стекло сканера кладет фотографию с портрета Станиславы Крушевской, купленную в кассе музея. Указание подобное. Найти все снимки. Даты создания игнорировать.

За блоками памяти располагается раскладушка. Можно вздремнуть. Компьютер, и вправду, быстрый, но выполнение подобной работы должно занять не менее восьми часов. Принесенная из дома подушка, служебное одеяло. Можно спасти... До самого утра...

Девушка настолько устала, что даже чай не мешает ей тут же погрузиться в глубокий сон.

Две недели с момента возвращения в Польшу. Весь шкаф заполнен книгами. Зачитанными и новыми, выкопанными в букинистических и книжных магазинах. Некоторые из них — это ее старинные приятели. С другими только предстоит познакомиться. Пока что восемьсот позиций. В середине «Марии» Мальчевского 1882 года издания — ее личный экслибрис. Страницы пожелтели, покрытая тканью с позолотой обложка совсем истрепалась, но как приятно держать ее в руках. Никогда она сильно не привязывалась к окружающим ее предметам. Исключением были только сабли — памятка... На рукояти одной из них все еще можно было видеть подтек ржавчины. Только она любила возвращаться мыслями к тем делам.

Сейчас, с книжечкой в руке она сидит на широком подоконнике, зачитывая вслух любимые фрагменты. Мысли лениво возвращаются ко всем тем книжным собраниям, что были у нее. Она задумчиво поглаживает потертый корешок. Через три, возможно, четыре года Краков придется покинуть. Печаль этого расставания уже начинает чувствоваться. Этот город она любит. Но долго здесь оставаться ей нельзя. Книжка... Быть может, она заберет ее с собой?

Бледный рассвет над Варшавой. Агенты Центрального Следственного Бюро атакуют ничем не примечательную виллу на Мокотове. Хозяин даже не пытается оказывать сопротивления. Он совершенно дезориентирован. На руки ему надевают наручники. Анализ трех сотен оперативных фотографий и исследования снимков, содержащихся в блоках памяти Базы, позволили идентифицировать его как неформального предводителя польских преступных групп. До сих пор он оставался вне каких-либо подозрений... Агенты обыскивают его, но при нем нет ни оружия, ни яда. Мужчину вталкивают в фургон без надписей... Сейфы в подвале скрывают полторы тонны золота, тридцать миллионов долларов и крайне любопытную документацию. Даже если хороший адвокат сумеет обеспечить защиту в суде, накопленная фортуна повиснет камнем на шее. Суд можно подкупить или обвести вокруг пальца. А вот Финансовое Управление — нет. За руководство мафиозной структурой грозит пять лет. За обман налогового ведомства — все пятнадцать.

Вдалеке от того места, на своей раскладушке просыпается Катаржина. Заталкиваемый в

«нису» гангстер и не подозревает, что это она написала компьютерные программы, давшие возможность его идентифицировать.

Девушка потягивается, подходит к компьютеру. Задание выполнено. Восемьдесят фотографий. На шестидесяти из них — ее сестренка. На остальных — высокий, хорошо сложенный мужчина. Кузину система не смогла идентифицировать. А вот мужчину — распознала. Фотографии можно сгруппировать в несколько комплектов. Самые старые снимки сделаны еще в период разборов^[12]. Несколько профессий, был офицером, затем сотрудником банковской охраны, потом — снова военным и охранником в Национальном Музее. А сейчас... Сейчас он работает охранником в Королевском Замке в Варшаве. Каждое новое воплощение тщательно подобрано, нигде не оставался больше, чем на восемь-десять лет. Менял города и окружение. Затирал следы. Только База найдет любого и повсюду...

У Катаржины имелась служебный туалет, толстое мягкое полотенце, нужно немного освежиться перед тем, как выступить на встречу с человеком, который уже почти сто двадцать лет обманывает время... Ему, как минимум, лет сто шестьдесят, а до сих пор выглядит так, будто ему нет и сорока.

Как он отреагирует? Трудно сказать. Есть ли шансы у двадцатилетней девушки в столкновении с человеком, который почти что век непрерывно работает там, где требуется усиленная бдительность и настороженность?

Катаржина критически оценивает свои возможности. Короткий, массивный нож приклеила пластырем к икре. Тонкое, тридцатисантиметровое лезвие прекрасно прячется в толстой косе. Кобуру с пистолетом закрывает коричневая кожаная куртка. Во внутренний карман она прячет 12-зарядный револьвер под патрон как для kbks. Когда-то он принадлежал чеченскому повстанцу. Оружие выглядит непримечательно, но делает в человеке дырки, которые сложно прикрыть шляпой

Девушка критично осматривает себя в зеркале. Поправляет фортепианную струну для душения, чтобы та не выглядывала из шва брюк. Она готова. Следовало бы попросить охрану, но на встречу с предназначением отправится в одиночку. Как всегда.

Что такое счастье? Трудно сказать. У него множество лиц. Солдаты из польского батальона KFOR находят его в том, что у них нашла безопасное укрытие молоденькая, золотоволосая сербка. Девушка приносит им массу пользы. Стоило рисковать жизнью, чтобы ее спасти. Оказалось, что она превосходно готовит. С тех пор, как начала помогать на кухне, вся еда неожиданно обрела вкус. Малиновский учит ее говорить по-польски, так что после часов службы есть с кем поболтать.

Девушка много читает, оттачивает язык. Выспрашивает у солдат содержание книг, которых нет в небольшой библиотечке. Служба здесь совершенно рутинная. Проходят дни, похожие один на другой словно капли мрачного сентябрьского дождя на Балканах... Присутствие девочки скуку выгоняет.

Можно сказать, что она обвела всю роту вокруг пальца. Взамен же она хочет лишь

одного. Выехать из Югославии. Навсегда. Ребята же никогда не спрашивали, почему албанцы хотели ее убить. Моника Степанкович тоже не затрагивает эту тему. Капитан прокручивает возможности. Никакой родни у девушки здесь нет. Она принадлежит к национальному меньшинству, которое здесь подвергается преследованиям. В Сербию она ехать не желает, потому что наполовину боснячка. Так что боится. Все солдаты желают поддержать ее заявление о предоставлении политического убежища в Польше.

Жаль, что уже нет женских школ. Хотя, вообще-то они имеются, но их так немного... Совместное обучение — это, все же, не тот коленкор. Но ей повезло — стала преподавательницей в частном женском лицее.

Волосы она уложила в высокую китайскую прическу, закрепив их деревянными шпильками. Другие учительницы пялились на нее, но ни одна не осмелилась прокомментировать это хотя бы словом. Станислава прикрывает глаза, вспоминая все предыдущие разы. Вечно одно и то же. Другие учителя подсознательно чувствуют в ней что-то чужое. Быть может, это вопрос возраста, может — поведения... Быть может, безупречный костюм и экстравагантная, по их мнению, прическа каким-то образом пробуждают антипатию? Неужели так будет всегда? Любовь со стороны учащихся и отсутствие признания своей со стороны учителей. Так упражнение писать закончили. Пора и поработать.

Старательно акцентируя слова, она читает фрагмент текста, рассказывающего о роскоши двора последних Людовиков. Упражнение на понимание речи вслух. Чертовки важное. Хорошо еще, что она заехала ненадолго во Францию и в течение нескольких месяцев освоилась с новым словарным запасом и выговором. Ведь, разговаривая на диалекте восемнадцатого века, государственный экзамен она бы завалила, даже если бы то был диалект парижский...

Та-ак, двор последних повелителей Франции. Полнейшее моральное и бытовое разложение и болото. Развратники и грязнули, срали в закоулках под лестницами, а мыслишь крайне редко... Она помнит царящую в Лувре вонь. Об этом в учебнике не написано. Хорошо еще, что так быстро вырвалась оттуда. Восемнадцатый век, чтоб он сдох!... В те времена у них было около четырех сотен слов для определения некоего элемента женской анатомии.

Она прерывает чтение и улыбается своим мыслям. Дома надо будет попробовать их все вспомнить. Интересно будет проверить, запомнила ли хотя бы половину... Или написать словарь архаических вульгаризмов? Вот только, кому это нужно... Наряду с воспоминаниями, которые можно посчитать забавными, словно заноза торчат и другие. Ночь в провинциальном трактире, двери, выломанные разъяренной толпой. Полсотни пьяных страхом людей. Только вместе отважились. Набрякшие ненавистью лица, руки, судорожно держащие кресты, факелы и осиновые колья... Нелегко двадцатилетней девушке прорубить себе саблей дорогу сквозь остервенелую чернь...

В классе царит тишина. Ученики видят, что учительница задумалась, но не собираются

обвинять ее в этом. В течение этого первого часа занятий они сориентировались, что она превосходит свою предшественницу во всех отношениях. Они почувствовали ее талант и простоту, с которой разъясняла им запутанные вопросы французской грамматики. Они уже полюбили ее. Она такая по-волшебному — другая. Свободная в собственной элегантности. Ее высказывания позволяют почувствовать живой и блестящий ум. А еще — чувство юмора. Они не сомневаются в том, что их новая учительница будет суровой и требовательной, но за это тоже ее любят... Ее скупые похвалы будут для них наивысшей наградой.

Она смотрит на учеников спокойным взглядом опытной овчарки, стерегущей овечьё стадо. Умение навязать свою волю массе имеется. Обязательно имеется. Без этого практически половину тысячелетия она не выжила бы...

Королевский Замок в Варшаве скрывает многочисленные сокровища, памятники национальной культуры и истории. Его очень хорошо охраняют. Снаружи мониторинг ведет частное агентство охраны собственности, в середине бодрствует собственная охрана. Конечно, можно купить билет и бродить по выставочным залам, но вот чтобы войти в подсобные помещения — нужно быть не простым обывателем. Со стороны Вислы, в давних замковых садах, работают археологи. Ремонт Аркады Кубицкого и земные работы позволили заглянуть глубоко в прошлое...

Катаржина Крушевская идет спокойным, мерным шагом, обходя студентов. Раскопками руководит доктор Томаш Ольшаковский, известный в своем кругу как замечательный специалист, но, к сожалению, садист и психопат, считающий, что если сам он в состоянии махать лопатой по шестнадцать часов в сутки, то и студенты как-то смогут...

Исследования имеют спасательный характер, и они, собственно, уже заканчиваются. Ноябрь — не слишком хороший месяц для розысков. По ночам могут случаться заморозки, а смерзшаяся земля с трудом поддается даже лому... Нужно заканчивать. Еще два-три дня, место раскопок закроют пленкой, и так оно будет ждать до весны... Археологи на время прерывают работу и проводят взглядом блондинку с толстой косой, что идет мимо них по краю раскопа. Кто-то издает тихий вздох. Не слишком часто красота столь совершенно соответствует дружелюбному и веселому выражению лица.

Охранник Замка, следящий за раскопками, сидит на каменной плите, венчающей кучу выкопанной земли. Девушка испытывает внутреннюю дрожь. К счастью, во время тренировок в ЦСБ ее обучали, как с этим справиться. Лучше всего переломить ее сразу.

— Пан Ян Скуржевский?

Мужчина отрывает взгляд от ведущихся внизу работ.

— Чем могу помочь?

Мышцы играют под загорелой кожей. Он сильный. И догадливый. Безошибочно чувствует опасность.

— Катаржина Крушевская, Центральной Следственной Бюро, — представляется девушка, предъявив удостоверение.

Брови мужчины ползут вверх. Удивление. И легкий страх. Это естественно у людей,

пользующихся фальшивым тождеством.

— Мне нужно задать несколько вопросов относительно вашей предыдущей работы.

Тот слегка кивает. Догадывается? Похоже, что нет.

— Какой из них?

— В четвертом варшавском отделении Охранного отделения вы допрашивали некоего Кароля Вуйцика...

Иногда преступник, долгое время скрывающийся от ареста, испытывает немедленное облегчение и расслабление. С него тут же спадает напряжение. Она читала об этом.

— Пани понятия не имеет, что это была за сволочь, — усмехнулся мужчина. — Вы и вправду желаете говорить об этом? — Жестом он предложил девушке присесть.

Выходит, он и не боится того, что его разоблачили. Относится к ней несерьезно? Похоже, что нет... Наверное, он уже пережил столько, что ничего на свете не способно его тронуть. И лишь через какое-то время до нее дошло значение той улыбки. Так улыбаются люди, когда встречают коллегу по профессии...

— Вообще-то — нет, — ответила девушка. — В вашей жизни имеются более интересные эпизоды.

Мужчина задумчиво кивнул.

— Насколько глубоко вы докопали?

— До 70-х годов XIX века.

— Вон тот тип внизу, — мужчина жестом указал на Ольшаковского, который как раз объяснял что-то проходившим практику студентам, — ни за что на свете не желает поверить, что еще метр, и они доберутся до заваленных помещений флигеля времен саксонской династии. Это был такой низенький домик, в котором проживали слуги из замка. Во время строительства аркад лишь сорвали крыши, а помещения заполнили землей, рассматривая их в качестве дополнительной опорной стенки, защищающей от натиска обрыва, — пояснил охранник.

— Аркады Кубицкого? Но ведь это же был придворный архитектор Станислава Августа Понятовского^[13].

— Верно. Как пани сама видит, работа в царской охране не была моим первым занятием... И знаете, какую ошибку я совершил? Мне следовало бы стать археологом. Быть может, когда-нибудь... — Он внимательно глянул на неожиданную собеседницу. — Как вы меня идентифицировали?

— У нас имеется компьютерная система, позволяющая распознавать лица и сравнивать фотографии, — ответила та. — В действительно больших количествах. Миллион штук в секунду.

— Так вот как вы на меня вышли, — догадался мужчина. — И что планируете дальше?

— Не знаю. Жить с несколькими столетиями за спиной — это не преступление... Не можем мы привлечь вас к ответственности и за работу на царскую охранку, поскольку срок давности минул лет пятьдесят назад... Пользование фальшивыми документами, это, конечно же, серьезное нарушение закона, но мне на это наплевать. Вы ни разу не попали в полицейские картотеки, что, по-моему, указывает на то, что никакой вы не преступник... Скорее уже наоборот, вы постоянно выбираете такие профессии, в которых можете защищать жизни и имущество людей.

Тот какое-то время раздумывал.

— Но ведь вы не заскочили сюда просто поболтать. Вы руководствуетесь какими-то

другими целями... Хотя, догадываюсь, что вы здесь не по службе.

— Я разыскиваю кое-кого. Вы в каком году родились?

— Точная дата мне не известна. Тогда к этому я не привязывал такого внимания. Думаю, что это мог быть 1576 год, возможно — 1578... Хорошо помню эпидемию чумы 1589 года, тогда мне было лет десять-одиннадцать. Эликсир я пил в 1610, то есть, биологически мне было около тридцати.

— Эликсир... — подхватила девушка.

— Из красной тинктуры, которую все называют философским камнем, — спокойно пояснил собеседник. — Я был слугой мастера Сендзивоя из Санока.

— И сколько же вас, бессмертных?

— Не надо пересаливать с тем бессмертием, — скривился мужчина. — Здесь речь шла всего лишь о продлении жизни. А сколько нас? Понятия не имею. Нас было шестеро. Ваша родственница, Станислава Крушевская, была самой младшей.

Девушка изумленно поглядела на него.

— Ну а кого бы еще вы могли разыскивать? — усмехнулся мужчина самими уголками губ. — Я ее помню. Милая телочка, вот только совершенно не соответствовала своему времени. Лучше всего, мне кажется, она чувствовала в веке XIX...

Вы с ней встречались?

— Несколько раз. Столкнулись друг с другом во время празднества по причине коронации Понятовского. Она была фрейлиной при дворе наместника Константина^[14]. Еще знаю, что она проживала в Кракове в 80-х годах XIX века. Тогда она работала учительницей в частной гимназии для девушек.

— Я хочу ее отыскать.

Мужчина молчал, вглядываясь в дно рва. Археологи как раз открыли верхнюю часть кирпичной стены.

— Я не могу вам помочь, — ответил он наконец. — С ней я не виделся почти что сто лет. Даже не знаю, жива ли она... Жизнь ведь не столь простая, как кино... Мы не умеем распознавать друг друга и не летаем с мечами, чтобы рубить один другому головы... Нам, попросту, удалось обмануть кое-какие законы природы. И все больше мы погрязаем в бюрократии. Сто лет назад добыть документы никаких проблем не представляло... Сейчас же это постепенно делается невозможным.

— Она замечательно укрывается. Пока что не совершила ни единой ошибки... У меня практически ничего нет, так, мелочи.

— Быть может, вам поможет то, что она постоянно верна своей фамилии. Постоянно она возвращалась к собственному имени и фамилии, как только умирали люди, которые могли ее помнить... Если повезет, она и сейчас может ими пользоваться...

— Наши базы данных ее не отметили. — Девушка покачала головой. — Нет, видимо она их сменила.

Из сумки она достала несколько черно-белых компьютерных распечаток.

— Вот это двадцатые годы, — указала на увеличенный кадр. — Стояла в толпе с букетом цветов во время празднования годовщины обретения независимости... А это уже шестидесятые годы — юбилей варшавского Большого Театра. Вот тут ее фотограф случайно ухватил в очереди за мясом, времена оккупации...

— Да, она очень любила театр, — припомнил мужчина. — Очень страстно... Быть может, она все так же ходит на спектакли?

— Возможно... Ну что же, — девушка поднялась с места. — Можете спать спокойно. О вас я никому рассказывать не собираюсь.

— Базы данных, анализ снимков, выкрутиться будет все труднее... — вздохнул долгожитель. — Лет через двадцать сеть сожмется до такой степени, что придется скрываться там, куда цивилизация не добралась... Не слишком веселенькая перспектива. Я вас проведу.

Они прошли мимо раскопок. Археологи планировали поверхность, и теперь уже четко вырисовывались очертания нескольких небольших помещений и коридора, идущего вдоль крепостного вала.

— Вторая комната слева, — шепнул мужчина ей на ухо. — Моя. Быть может, в мусоре еще валяется моя любимая трубка.

Он провел девушку до ворот.

— Быть может, еще как-нибудь зайдете, — пригласил он. — Было очень приятно познакомиться.

Работа в школе довольно мило заполняет время. В свободные минуты Станислава сидит в Ягеллонской Библиотеке^[15]. Девяностые годы — это истинная россыпь журнальчиков для различных психов. Теории Дёникена, гороскопы, статьи о религиозных сектах... полнейшее шаривари^[16]. Очередные годовые комплекты «Неизвестного мира», «Не от мира сего», «Магии», «Четвертого измерения»... Она ищет информацию. Три года назад дух алхимика Сендзивоя^[17] шастал в Новом Сонче. Одетый в старинный костюм своего времени, он бродил возле рынка, где его видело более десятка человек. И что заставило его показываться в одеяниях XVII века? Если, конечно же, это Мастер, а не какой-нибудь местный шутник? То ли он сошел с ума, или совсем даже наоборот. Он мог вычислить, что запас тинктуры у них заканчивается, вот и дает знать, где его разыскивать?

Михал Сендзивой (современная гравюра)

Ян Матейко «Алхимик Сендзивой и Сигизмунд III»

Тихо гудят насосы, подающие жидкий азот в установки банков памяти. Пробковая доска на стене. К ней приклеено несколько фотографий девушки, которая почти что четыреста лет путешествует по свету... Рядом список профессий. Учительница, компаньонка... Интересы: театр. Мало этого. Слишком мало данных. Ее нарисовал Виткаций^[18], только это отождествление следует исключительно из подписи под картиной — подобие настолько отдаленное, что компьютер его не выхватил... Два портрета в диапазоне около 300 лет. То есть, позировать она не любит.

Катаржина Крушевская вслушивается в тихий шум. Жидкий азот... Сто девяносто градусов ниже нуля... Уже при самой мысли об этом ей делается холодно, и она набрасывает одеяло на спину. Девушка работает. Фотография семидесятых лет, средняя школа в Прушкове. В заднем ряду стоит высокий, светловолосый парнишка. Кто бы мог предположить, что через тридцать лет он станет одним из самых преследуемых силами правопорядка бандитов? Но сейчас необходимо идентифицировать стоящих рядом с ним ребят. Дружки на общих фотографиях, как правило, становятся рядом. А дружеские связи, установленные в средней школе, особенно сильны...

В перестрелке принимали участие еще два неустановленных типа. Программа генерирует изображения двух парней, стоящих рядом с разыскиваемым на классной фотографии. Нужно показать их свидетелям. Быть может, удастся случайно напасть на бандитов? Светловолосый скрывается в Познани. Два дня назад его лицо было выявлено на кассете камеры слежения тамошнего вокзала. Познаньская полиция получила портреты. Все агентства посредников аренды недвижимости были предупреждены... Попадется. Это только вопрос времени.

Работа выполнена, можно и поиграться. Фотография толпы во время пятой годовщины обретения независимости. Принцип тот же самый. Кто стоит рядом. Четыре не идентифицированные фигуры. Какие-то девочки, молодая женщина сразу же за Станиславой

Крушевской. Хелена Ржешотарская — владелица частной женской школы из варшавской Праги. Из этой же школы имеется несколько снимков, находящихся в базе данных. Теперь более тщательные сравнения. Две девочки, стоящие рядом с учительницей. Снимок класса, сделанный через три года, но и здесь они стоят рядом.

Программа не очень хорошо справляется с идентификацией столь молодых лиц, но система сигнализирует, что та выполнена с вероятностью, достигающей шестидесяти трех процентов... Тот факт, что они стоят рядом, превращает вероятность в уверенность. Очередной снимок. Ученицы в ходе урока физического воспитания. Следует признать, в школе имелся весьма современный, для той эпохи, спортивный зал. Здесь учительница повернута в профиль. Система попыталась ее распознать. Вероятность составляет около тридцати процентов.

Пальцы Катаржины пробегают по клавиатуре. Очень скоро она столкнулась с преградой. Данные отсутствуют. Но ей известно место, где их можно проверить. И девушка с неохотой покидает свой бункер...

Осень — это такое гадкое время, когда ученики должны ходить в школу. Но в ее случае — это замечательно. Летом школы работают весьма странно. А ей необходимо побеседовать с одним директором...

Девушка энергично постучала в дверь и вошла. Директор, мужчина средних лет, с трудом вмещающийся в серый костюм, оторвал взгляд от разложенных на столе бумаг. По выражению его лица Катаржина делает вывод, что он не слишком рад незапланированному визиту. В непосредственном контакте с противником крайне важно предупредить удар. Говоря научным языком, необходимо перехватить стратегическую инициативу.

— Катаржина Крушевская, Центральное Следственное Бюро, — предъявляет она удостоверение.

— Мои ученики снова что-то натворили, — опечалился мужчина за столом.

Очень важно не давать прямых ответов. Нужно удерживать неприятеля в неуверенности, вплоть до нанесения окончательного удара...

— Мне необходимо задать вам несколько вопросов.

— Прошу. — Жестом директор предлагает посетительнице присесть.

— В соответствии с имеющимися у меня сведениями, ваш лицей продолжает традиции частной женской школы, владелицей которой была Хелена Ржешотарская...

— Ну да, — достойно кивнул мужчина, а на его лице появилось удивленное выражение.

— Мне нужны классные журналы, начиная с 1923 года по, скажем, последующие пять лет.

Удивление только усилилось.

— Выслеживаете какую-то девятистолетнюю старушку?

На неудобные вопросы можно ответить, дать уклончивый ответ, а можно вообще не отвечать. Но можно сказать и что-нибудь такое, что отобьет охоту у слишком пытливого собеседника задавать вопросы.

— Это государственная тайна, — заявила Катаржина холодным, спокойным, деловитым тоном.

— Тогда давайте пройдем в архив. Поглядим, есть ли у нас что-либо за этот период.

Журналы, конечно же, нашлись. Бумага сильно пожелтела и, хотя журналы хранились в шкафу, были сильно покрыты пылью. Катаржина разложила их на столе и начала перелистывать. Красивая каллиграфическая подпись Станиславы Крушевской находилась чуть ли не на каждой странице.

Она обучала девочек истории и физкультуре. Ее фамилия была отмечена и в качестве наставницы во время совместных походов в кино и театр. Теперь список учениц. Не очень даже и длинный. Меньше двух десятков фамилий. Катаржина быстро ввела их в ноутбук.

— Благодарю вас, — вручила она пожелтевшие тетради директору.

Тот кивнул, но было видно, что он желает задать кучу вопросов...

Восемь лет, проведенных в Африке, это много. Человек может привыкнуть к множеству вещей. К примеру, к резкому, жаркому солнцу и большой влажности воздуха. С солнцем будет проблема. С влажностью — никакой. Но со времен жизни в Эфиопии Стася привыкла иметь под рукой оружие и веер. Первое имеется. Второе ей ни на что не нужно, вот только привычка робко дает о себе знать.

Краковские антикварные магазины имеют неплохой товар. Например, в этом, небольшом, неподалеку от Рынка, множество любопытных вещиц. Имеются здесь и веера. Несколько. Вот этот, межвоенного периода, стилизованный под египетский, с несколькими страусовыми перьями; кружевной шестидесятих лет, изготовленный для нужд какого-то театрального спектакля; один же даже времен до Первой мировой войны — из толстой бумаги, с ручным рисунком. Всего триста злотых, но ей не нравится.

— Вас сложно удовлетворить, — буркнул старичок за стойкой. — Скажите толком, чего вы ищете...

— Веер средней величины, лучше всего, китайский из шелка, на бамбуковом или костяном каркасе, естественно, складной... Скажем, первая половина XIX века.

Старикашка поплелся в заднюю комнату и через минуту вернулся с красивым футляром. Тот был застеклен и выполнен в виде четвертушки круга.

— Это я держал для особенных покупателей, — пояснил антиквар.

В футляре находился веер, закрепленный на бархате; он немного походил на бабочку в витрине.

— Китай, конец XVIII века, изготовлено в Кантоне, — представляет старичок.

Он мог бы ничего и не говорить. Станислава Крушевская с изумлением глядит в футляр. Этот веер ей знаком. Она сам привезла его из первой поездки на Формозу или, как его называют теперь, Тайвань... Что с ним случилось? Ну да, остался в ящике комода... Когда ей пришлось бежать.

— Красивая вещица, — говорит она безразличным тоном, чтобы замаскировать

интерес. — Более-менее, что-то такое мне и хотелось. Сколько стоит?

Старичок хитро усмехается.

— Шесть тысяч — это не слишком большая цена.

Девушка сделала ошибку. Забыла, как следует торговаться.

— Две спицы заклеены, — спокойно парировала она. — Материал, похоже, истлел.

Четыре тысячи, — неожиданно предлагает она.

Дедуля щурится, воцаряется молчание. Через несколько секунд он предложит новую цену. Еще не окончательную, но потихоньку приближающуюся к реальной стоимости этого сувенира...

Пока антиквар размышляет, девушка осматривает содержимое витрины. Китайские шпильки для волос, законченные шариками из слоновьей кости, и черепаховый гребень. Цены такие, что мама не горюй. Но, если бы она согласилась на цену, которую сейчас услышит, быть может, удастся выторговать какую-нибудь скидку?

К сожалению, выходя замуж, девушки меняют фамилии... Большинство учениц сменило свое гражданское состояние еще перед войной. Данные тех времен крайне неполные. К счастью, после смерти мужа некоторые женщины вновь возвращаются к девичьей фамилии...

Старушке было уже больше девяносто лет, но для своего возраста выглядела удивительно хорошо. Они договорились в кафе в Лазенках^[19].

— Станислава Крушевская, — припоминала бабуля, — о, это была та еще дамочка. — Она улыбнулась собственным воспоминаниям. — Преподавала нам историю.

— И физическое воспитание, — дополнила Катаржина, выкладывая на столик распечатку со снимка, обнаруженного в хранилищах Базы.

— Точно, — вздохнула старушка. Спортивная была, прямо циркачка. А еще она преподавала нам музыку. Она никогда о том не упоминала, но мне кажется, что она прошла еще и балетную школу. Правда, она слегка прихрамывала на одну ногу. Мы никогда об этом не спрашивали, но, возможно, ей пришлось отказаться от балетной карьеры по причине какой-то травмы? Хотя, с другой стороны, я не слишком представляю ее в балете... — Она наморщила седые брови. — Она была другая...

Пожилая женщина поглядела на плавающих в пруду уток, отпила глоток чаю.

— Как бы это сказать... То были времена, когда преподавательницы были серьезными, достойными, будто палку проглотили, она же казалась чуточку разболтанной... Опять же, она была молодая. Лет двадцать, может, с хвостиком. Про исторические события она рассказывала не так, как об этом было написано в книжках... Так живо, словно бы... Смешно, но как будто бы она сама принимала в них участие. Вечно сыпала именами людей, которых давно уже все позабыли... Она любила ходить в театр и страстно читала книги. Еще ходила в кино на все новинки, и в фотопластикон. Иногда, когда была в особенно хорошем настроении, носила высокую такую прическу, ну, такую вот... китайскую...

— Китайскую? — подхватила Катаржина.

— Заколотую длинными шпильками. Другим учительницам это страшно не нравилось. Понимаешь, они были такие важные, а она — живая, но элегантная. Было в ней что-то такое, какое-то очарование. Все девочки ее любили.

Любовь. Насколько же сильно некоторые слова поменяли значение...

— Вы думаете, что она бывала в Китае?

— Да. Наверняка. Перед войной на Праге жило немного китайцев. Как-то раз, во время прогулки, я сама видела, как она разговаривала с одним таким, продавцом тканей. Они наверняка разговаривали по-китайски. Разве что то был японец, — легонько усмехнулась старушка. — Тогда по-японски.

— А вдруг то был кореец, — предложила Катаржина.

— Что?... Тоже не исключено. Кто же там тех узкоглазых разберет... Ну а потом случился тот скандал с психами.

Катаржина Крушевская была заинтригована. Бабулька наморщила брови.

— То был какой-то ужас. Они забежали в школу. Человек шесть или семь. Швейцара избили и связали, дверь закрыли изнутри. В школе находились одни женщины, ну и, естественно, ученицы... Во главе этой шайки бежал молодой такой ксёндз. Совершенно сумасшедший. В руке у него был, вы только представьте, осиновый кол и молоток. И он кричал, что вампирицу нужно убить... Это он так говорил про нашу любимую учительницу! — Даже после стольких лет на лице старушки появились красные пятна от возмущения. — А у той как раз был урок истории в старшем классе. Бандиты поочередно проверяли все помещения, пока не добрались туда. Тот ксёндз с колом завопил что-то типа того, что: «Ага, ведьма, добрались мы до тебя! Теперь уже не вывернешься!»

— И что она сделала?

— Вот это, как раз, было самым замечательным. Как и всегда во время занятий, на столе лежала ее сумочка. Она взяла ее и вытащила револьвер. Выстрелила им под ноги, и те сдались. Стыдно признаться, но все убежали из школы, из окон первого этажа выскакивали. Я сама бежала к двери, и тут со второго этажа раздался грохот выстрела... И я услышала ее голос — она просила побыстрее вызвать полицию. Вот так, совершенно спокойно, словно ничего и не случилось, как будто не она держала на мушке лежащих на полу бандитов. В кабинете у пани директор был телефон. Кто-то позвонил, и их всех арестовали. Полиция хотела допросить и ее, ну, по поводу револьвера, да и всего происшествия: что их связывало, почему ее хотели убить. Только она сама сбежала и уже не вернулась в школу — и нам ее было ужасно жаль. Мы опасались, что кто-то ее все же достал, но потом на Рождество от нее пришла открытка. Из самой Эфиопии...

Восемь часов утра. На автовокзал въезжает автобус из Львова. Стася стоит в условленном месте. Из автобуса высыпают пассажиры. Все тащат сумки, нагруженные различным контрабандным добром. Пожилая женщина с хитрыми глазами, увидав девушку, скалит в улыбке полный рот золотых зубов. Серый картонный ящик из-под магнитофона скрывает внутри шесть бутылок грузинского вина. Стоимостью по 60 гривен за штуку^[20]. То

есть, если учесть украинские цены — чудовищно дорого. Но под заказ купить можно... Стася поочередно осматривает все бутылки, читая названия, напечатанные грузинскими буквами. Четыре из них много чего ей говорят. Две остальные ей неизвестны. Когда полька отзывается, то говорит по-украински, без какого-либо акцента.

— Замечательно! Сколько с меня?

Женщина называет сумму. Девушка без слова отсчитывает банкноты... С ящиком под рукой она спешит в школу. Скоро первый урок. По пути она проходит мимо винно-водочного магазина. Конечно, капитализм в Польше развился на удивление, но кавказских вин и армянских коньяков здесь днем с огнем не найти...

Так, вино у нее уже есть. В букинистическом магазине она выкопала старинную поваренную книгу. Самое время припомнить несколько проверенных рецептов. На дне коробки еще уместились две баночки с маринованными побегами чеснока. Украинская кухня тоже интересна^[21].

Когда она входит в школу, из уст вырывается тихий вздох. Никакого удовольствия пировать в одиночку. Пригодилась бы какая-нибудь братская душа. Приятельница. К сожалению, то ли ученицы такие невозможно ограниченные, то ли она сама слишком умная... Хотелось бы с кем-нибудь поговорить, тем временем, никого такого найти не удается...

Полицейские документы межвоенного периода крайне неполные. Часть из них была уничтожена спустя двадцать пять лет хранения, многое пропало во время войны. Но и на этот раз ей повезло. Архивариус из Головного Управления Полиции был молодым, веселым человеком. Одна рука у него плохо действовала, во время операции в нее попала пуля преступника. С оперативной службы пришлось уйти, но, поскольку он желал работать в полиции, то осел в архиве.

— Документы по делу семи психованных, которые восемьдесят лет назад ворвались в женскую школу? — архивариус удивленно поднял бровь. — У вас чего там, в ЦСБ, какой-то «Архив Экс-файлов»?!

Катаржина одарила его легкой улыбкой.

— Служебная тайна, — заявила она.

Молодой человек долго смеялся.

— А, чтоб вас всех, — сказал он наконец. — Какая там сигнатура?

Он отправился в архив и через несколько минут притащил толстенную папку, заполненную пожелтевшими бумагами восьмидесятилетней давности.

— Вы сами когда-нибудь их читали? — спросила Катаржина, раскладывая документы.

— Как и все в нашем архиве. Самая раздолбайская история двадцатого века...

Катаржина начала просматривать содержимое папки. Патрулю, прибывшему по вызову из школы, пришлось выламывать двери, заложенные изнутри нападавшими. В классе на втором этаже полицейские обнаружили семь лежавших на полу преступников. На одном из них была сутана, но, как оказалось потом, никаким священником он не был. Учительница

держала их под прицелом российского револьвера марки «наган». Из ее слов следовало, что эти семеро ворвались в школу с намерением убить ее, хотя мотивов указать не могла. Ее вызвали на допрос в качестве свидетеля, но в управление она так и не попала. На следующий день оказалось, что она уволилась.

В папке был и протокол допроса предполагаемого священника. Как оказалось, он был предводителем небольшой группы типа секты, называвшейся Орденом Защитников Человечества. Эта кучка людей поставила перед собой амбициозную цель розыска и уничтожения вампиров. От ответа, почему он посчитал, будто бы эта никому не мешавшая учительница истории является вампирицей, допрашиваемый уклонился. Раскопки, проведенные в подвале его дома, позволили отыскать тела двух мужчин. Их убили, пробив сердце осиновыми колыями. Дата преступления установлена не была, но покойным, на вид, было от двадцати до сорока лет.

— Весьма любопытно, — буркнула Катаржина, — отдавая папку архивариусу.

— Значит, ЦСБ тоже станет разыскивать вампиров среди учителей? — полюбопытствовал тот. — Если можно посоветовать, в средней школе была у нас русачка, которую не помешало бы проверить... Как вы считаете, много в нашей стране таких кровососов?

Катаржина одарила архивариуса улыбкой.

— Это государственная тайна.

Направляясь в сторону автобусной остановки, она вспомнила мину, скорченную парнем, когда он услышал ее слова, и захихикала.

Археологи уже солидно вгрызлись в земляной вал. К этому времени они вскрыли с десяток помещений флигеля. Охранник, опершись на защитный барьер террасы, глядел на ряд комнаток, все еще заполненных мусором и землей. С высоты замковой террасы копающиеся там студенты казались совсем маленькими. Инстинкт подсказал, что кто-то встал у него за спиной.

— И как идут поиски кухни? — спросил он.

— Появилась парочка следов, — ответила Катаржина, становясь рядом.

— Интересных?

— Естественно. В настоящее время она живет не под своей фамилией. Работает в краковской школе, возможно — в лицее. На прошлой неделе ее выловили камеры, установленные на Центральном Вокзале. Она привезла группу детей на экскурсию. Камеры отмечают еще и время съемки. Я проверила, за пару минут до того прибыл поезд из Кракова.

— А вы уверены в том, что это она?

Катаржина вынула из сумки ноутбук и запустила фильм с камеры. Невысокая, темноволосая и хрупкая девушка никак не выглядела на свои четыре с лишним сотни лет...

— И правда, она, — усмехнулся охранник. — Приятно было увидеть. Она совершенно не изменилась... Вы обратили внимание на ее одежду?

— Конечно, — кивнула та. — Я даже идентифицировала костюм с помощью интернет-

фирм, занимающихся продажей одежды. Одевается с изысканной элегантностью. Помимо работы в школе, у нее должны быть и какие-то другие доходы.

— Она всегда умела позаботиться о себе, — подтвердил охранник. — И как вы считаете, куда они отправились?

Та запустила фильм с другой камеры.

— Все уселись в автобус 192 маршрута. Я проверила. Через два часа в Большом Театре начался спектакль.

Мужчина помолчал, задумчиво глядя на раскоп.

— Забавно, но есть привычки, которых ничто не в состоянии изменить, — сказал он наконец. — Вы думаете, это государственная школа?

— Скорее всего, нет. Общественная или частная. Она привезла учениц на спектакль, затем они заночевали в Варшаве. Сейчас я проверяю гостиницы. Быть может, мне удастся установить, под какой фамилией она зарегистрировалась.

— И что вы сделаете, когда уже все установите?

— Не знаю. Но, наверняка, немного с ней поговорю...

Охранник слегка прищурил глаза, но ничего не сказал. Археологи все так же копались в земле.

— Ну а вы, наши свою трубку? — обратилась к нему Катаржина.

— К сожалению, нет. В просеянной почве ее не было. Впрочем, спустя две сотни лет, шансы и так были ничтожные... А вы не задумывались над тем, где она может жить?

— Честно говоря, конечно. Думаю, она снимает квартиру. Но, тем не менее, жилище меняет каждые несколько лет...

— Стася никогда особо не беспокоилась собственной безопасностью... — вздохнул долгожитель. — Да и я сам всегда выбирал профессии, несущие в себе определенную долю риска... Или это какое-то побочное явление? Как будто бы природа стремилась избавиться от таких, как мы...

Фотопластиконы, специальные устройства, позволяющие рассматривать трехмерные снимки, были весьма популярны в конце XIX — начале XX веков. Так что у Катаржины было довольно легкое задание. В самом начале XXI века в этой части Европы действовало всего одно подобное заведение. Размещалось оно в подворотне неподалеку от Иерусалимских Аллей в Варшаве. Буквально на расстоянии броска камнем от перекрестка с Маршалковской. Подворотня темная, но цифровой фотоаппарат способен делать снимки даже в полной темноте. Техник из ЦСБ ставит под стеной легкую алюминиевую лестницу. В четырех метрах от земли — высокий свод. Достаточно несколько движений, чтобы у потолка повисло искусственное ласточкино гнездо. Девушка спрыгивает на землю и включает ноутбук. Готово. Датчик движения, фотодатчик; всякий, кто пройдет по подворотне, будет сфотографирован.

Теплый осенний день, немного ветреный. Трамвай со скрежетом задерживается на остановке. Мужчина в коричневом плаще соскакивает на тротуар. Сегодня вместо крыз на шее шелковый галстук, борода старательно причесана. Верхняя одежда не застегнута, открывая темный костюм из английской шерсти. Мягкие замшевые полуботинки бесшумно ступают по мостовой.

Перед мужчиной цель его путешествия — костёл и монастырь доминиканцев. Он входит в мрачную сень, налево от главного входа в святилище. В эту пору внутренний переход открыт для посетителей. Один их монахов идет по коридору. Цвет плаща его обманывает, ему кажется, что перед ним брат из другого конвента, но потом он осознает ошибку...

Незнакомец задумчиво шествует по каменному полу. В стены запущены эпитафии^[22] или их фрагменты. Некоторые помнят средневековье, другие каменщики пристроили в двадцатые годы, когда перестройка Доминиканской улицы уничтожила прилегающее к костелу старинное кладбище. Всего три тысячи плит или же их фрагментов. Мужчина в плаще доходит до двери, ведущей вглубь монастыря. Та, понятное дело, наглухо закрыта. Клаузура^[23] — светских вовнутрь не впускают. Но мужчина знает, что за дверью он нашел бы еще один дворик и очередные сотни плит... Тогда он поворачивает и отсчитывает шаги. Наконец останавливается. На стене небольшая эпитафия из мрамора. Долгие годы она была вмурована в полу, тысячи обутых в сандалии ног отполировали поверхность. Тем не менее, затертые буквы еще удастся высмотреть:

Alexander Setonius vulgo Cosmopolita^[24]

Мужчина вытаскивает из-под плаща плексигласовый тубус. Внутри него лежит одинокая алая, выращенная на гидропонике роза из супермаркета. Бородач вынимает цветок, кладет его под стенкой. Опускается на одно колено, читает молитву. Затем поднимается и на мгновение прикладывает ладонь к каменной стене.

— Покойся в мире, приятель, — шепчет он.

Ночь. Дождь бьет в стекла. На недалеких Плянтах шумят деревья. Китайский веер висит на стене. Две стопки книг. Прочитанные и ждущие своей очереди. За последние пятьдесят лет польская литература окончательно пошла псу под хвост. От всего несет чудовищной, обезоруживающей скукой. Выписанные под копирку схемы, картонные герои, действия, считай, и нет... Читать можно только фантастику, особенно те книги, что постарше, семидесятых и восьмидесятых годов. Те, что поновее, в особенности — которые усиленно рекламируют, муть совершенная. Переварить ее невозможно...

Девушка откладывает очередную книжку в стопку прочитанных. Что могло произойти? Неужели отравление социализмом привело к тому, что все превратилось в дешевку? А

может, потому что давно не было войны? Быть может, это эффект того, что человечество сделалось более женоподобным? Времена упадка. Литература, искусство... Уже три раза была она в театре на современных представлениях. Трижды вышла после первых же двадцати минут.

А ведь она так рвалась в Польшу... Станислава вынимает из чемодана томик эфиопской поэзии. Нужно отдохнуть...

На берегах озера Тана

На холмах стоят деревянные надгробия

Эпоха сохи закончилась

Фелаши ушли после трех тысяч лет

Вернулись на земли предков

И нам тоже пора возвращаться домой

Над Нилом и Текезье останутся лишь руины мазанок.

Твердо звучащие слова, вполголоса произносимые по-амхарски, еще висят в воздухе. А может, она совершила ошибку. Ни в Аксуме, ни в Гондере оставаться ей было нельзя, но ведь имеется столько стран, которых давно не посещала. Ее привлекает Южная Америка. Громадные, пустынные пространства, люди, живущие так же, как столетиями назад жили их предки... Быть может, стоило бы отдохнуть там несколько лет. Язык кечуа не должен быть сложнее мандаринского наречия или языка гыыз... Или же, на несколько лет заехать в Грузию? Так давно она уже не пробовала маринованных зеленых грецких орехов...

Здесь, на земле предков, она чувствует себя удивительно чужой. И еще кое-что. За четыре столетия она научилась доверять предчувствиям. Кто-то уж слишком сильно заинтересовался ее особой. Станислава чувствует, как вокруг нее сгущается атмосфера. И что это пророчит? Наверняка, очередного придурка с осиновым колом... А во всем виновато это дебильное телевидение. Фильмы о вампирах, о бессмертных психах, что рубят друг другу головы... Как будто бы мало хлопот доставило ей бульварное чтиво...

Телевизор она себе не покупала. Не может вынести перебивающих фильмы рекламных блоков. Нет, надолго она здесь не задержится. Два, возможно, три года. Отыщет алхимика и выедет. Грузия может и подождать. Перу или Боливия. В Перу, правда, уж слишком высокий уровень преступности. Конечно, она справляется, вот только к убийствам никак не может привыкнуть... А ведь иногда этого ну никак не избежать. В Боливии спокойнее. Правда, у них там сейчас, вроде, революция, но в тех краях это нормальное явление... Купит себе гасиенду высоко в горах... Земля в Андах не должна быть дорогой...

Итак, решено. Остается всего одна проблема. Она понятия не имеет, как разыскать Мастера. И что самое паршивое, совершенно не знает, как за это дело взяться.

Ночь. В Варшаве тоже льет дождь. Ничем не выделяющиеся фургоны ЦСБ мчат через заснувший город. На сей раз удар по мафии будет по-настоящему болезненным. Шестнадцать бизнесменов, проживающих в различных местах Варшавы, спокойно спят. Они

не знают, что их лица несколько лет назад зарегистрировали камеры слежения нескольких банков. Они не знают, что суперкомпьютеры Базы распознали их, идентифицировали их школьных дружков, а аналитики установили их связи с преступными группировками. ЦСБ знает о них все. Банковская тайна затрудняет исследование их счетов, зато данные с рынка недвижимости проверены тщательно. Деньги от грабежей они вложили в землю. Участки покупали у государства. Денежные потоки нелегко проследить, но иногда удается.

Поцарапанный грузовичок, обозначенный в качестве собственности водопроводно-канализационного предприятия, останавливается перед виллой бывшего вице-премьера. Политик сладко поживает, и ему даже во сне не может привидеться, что через час, в наручниках, он очутится в камере СИЗО под обвинением принятия взяток от мафии. А ведь компьютерная система постоянно находится в фазе испытаний... Понадобится еще много месяцев, чтобы она достигла полной производительности... Но тогда можно будет выявлять гадов слой за слоем... Пока же что бандиты спят ангельским сном. До времени. Синхронизация полная... Все фургоны останавливаются перед домами подозреваемых с точностью до четверти минуты. Переносные генераторы глушат сигналы мобильных телефонов. Двери выполнены из различных материалов. Иногда достаточно заряда из гладкоствольного ружья, но иногда необходимо пробиться сквозь них с помощью кумулятивного заряда...

А виновница всего этого замешательства лежит на раскладушке. Волосы она распустила; те наэлектризовались и окружают ее голову золотистым облаком. Девушка не спит. Размышляет. Как прочесать все частные школы Кракова? Понятно, что методика для этого имеется. Достаточно в каждую из них выслать официальное письмо за подписью ЦСБ и спросить, а не скрывается ли среди преподавательского состава женщина, фотография которой прилагается... Можно сделать ее неоднократной убийцей, лесбиянкой, садисткой, четвертую учеников бензопилой... Правда, существует риск того, что дирекция посчитает, что знает своего сотрудника лучше, и предупредит. И на какой период способна укрыться девушка, имеющая за собой четыре столетия? Лет на сорок? С ее точки зрения, время — это нечто иное...

Никто не способен жить в вакууме, не оставляя после себя следов в официальных документах. Раскладушка, на которой лежит Катаржина, находится за тихо жужжащим банком памяти. Ежедневное общение с жидким азотом приводит к тому, что мысли девушки делаются холодными и деловыми.

Станислава Крушевская должна была до совершенства разработать систему получения документов. Конечно, удостоверение личности можно купить и на рынке, но у него будет столько недостатков, что тщательная проверка позволит выявить подделку. Но, как тогда обмануть систему? Каким-то образом она обязана получить настоящие документы. Абсолютно надежные, несомненные. И это не могут быть, к примеру, документы покойника. Контроль в ЗАГСax наверняка позволил бы это выявить. С другой стороны, подобного нельзя и полностью исключать.

Погоди, что тогда сказала старушка? Станислава Крушевская прислала открытку из Эфиопии. А ведь это не так и глупо. Приехать в Польшу с эфиопскими документами и подать заявление о натурализации в стране предков. Получение польского гражданства не будет представлять особых трудностей... Тем более, если доказать, что ты принадлежишь к данной национальности...

Так или иначе, скорее всего, она пребывала за границей. Ждала там, пока не умрут те,

которые способны ее узнать... Катаржина неохотно поднимается с постели и подходит к терминалу, подключенному к правительственной компьютерной сети (из опасения возможности хакерского взлома, терминал этот никак не подключен к Базе). Вводит несколько команд. Компьютер обладает серьезной вычислительной мощностью, но, в принципе, это не так уж и важно... Картотека иммигрантов. Катаржина вводит параметры: женщина, возраст 20–25 лет, национальность: полька; страна происхождения неизвестна. Жаль, что нельзя ввести расу...

Катаржина сидит перед компьютером и молча размышляет о своей кузинке-сестренке. Любит преподавать. Любит работу в школе, работу с детьми. Естественно, в школе работает не затем, чтобы высасывать кровь из учеников... Вероятнее всего, таким способом она компенсирует тот факт, что сама детей иметь не может. Побочный эффект воздействия эликсира? Исключить нельзя. С другой стороны, любой муж через, самое большее, лет шестьдесят, протянет ноги. Точно так же — и дети. Если ты не в состоянии обеспечить им выживание, то, может, лучше всего вообще их не иметь?

Биологически ей около двадцати лет. Чтобы работать в школе, ей необходимо иметь высшее образование. Во всяком случае, в наши времена. Раньше это не играло такой уж роли... Как ей это обойти? Скорее всего, сдаст государственный экзамен по иностранному языку и устроится на работу учительницей. Живя так долго, она, наверняка, знает много языков... Катаржина пересаживается к другому терминалу. Проверим всех людей имеющих право обучать одновременно английскому, французскому и немецкому языкам. Наверняка, хотя бы часть времени она провела на Дальнем Востоке. Старушка вспоминала, что их преподавательница иногда закалывала волосы в китайскую прическу... Тогда запрашиваем список переводчиков с китайского, японского, вьетнамского, корейского языков...

Зуммер сигнализирует о завершении работы. Списки очень длинные. В настоящее время в Польше желает жить шесть тысяч девушек соответствующего возраста. Приблизительно в десять раз больше уже проживает здесь. Перечень лиц, сдавших государственные экзамены по трем иностранным языкам, размерами напоминает телефонную книжку. Трудлюбивый у нас народ... Переводчиков с дальневосточных языков тоже хватает.

А теперь достаточно сравнить списки. Остается всего одно имя: Станислава Скорлиньская. Она знает шесть европейских языков, а вдобавок к ним еще амхарский, гыыз, турецкий, китайский и японский. Наверняка владеет и другими, но только по этим сдала государственные экзамены.

А теперь достаточно воспользоваться суперкомпьютером Базы. Адрес, адрес школы... В Польшу прибыла из самой Эфиопии. Любопытно. Наверняка потому, чтобы невозможно было очень легко проверить ее личность, в этой стране компьютеров мало... Итак, бессмертная кузина существует на самом деле. Можно заскочить к ней в гости. А можно зайти и на работу. Можно ее схватить, сковать наручниками и сунуть в подвал под штаб-квартирой ЦСБ. Можно — но вот зачем?

До сих пор Катаржина концентрировалась только лишь на поиске. Что делать дальше? Позвонить, договориться и заехать на чашку чаю? Притаиться и выстрелить между глаз? В принципе... Поболтать о предках, существование которых отмечено в гербовниках? А вот это могло бы быть интересным.

Пока же что следует идти спать. Три часа ночи... А завтра ее опять ожидает шестнадцать часов копания в компьютерах. Где-то там существует разведывательная сеть одной, теоретически дружественной державы... Катаржина усмехается про себя. А не падет

ли очередной правительственный кабинет после проведения анализа? Генерал с президентом были абсолютно правы. База — это власть. Власть разворачивает, абсолютная же власть разворачивает абсолютно.

Накрывшись одеялом, девушка засыпает. Ее последние мысли кружат вокруг этих проблем. Если правительство падет, власть над Базой перехватят другие люди. Может оказаться и так, что ее должность достанется другому человеку. В принципе, ей ничего не известно. Она всего лишь техник. Существование Базы будет удерживаться в тайне, но она сама никакой угрозы для нового начальства не представляет. Следовательно, выживет. На всякий случай, в программное обеспечение она ввела определенные поправки. Если придется скрываться, ее не найдут. База не выступит против собственной создательницы...

Если же ее все-таки достанут, имеются хорошенько спрятанные материалы на несколько потенциальных правящих групп. Она сама давно уже подозревала, что политика — это занятие грязное, правда, не думала, что настолько. Шпионы, секретные агенты, члены мафии и масонских лож, мошенники, убийца, педофилы, имеется даже парочка двоеженцев...

Нужно будет все хорошенько прибрать за собой. Пока же что необходимо пришить свою сестренку... Это случится уже послезавтра...

Обслуга на Рынке быстро запомнила нетипичного клиента. Приходит всегда по четвергам. Всегда занимает одно и то же самое место. Сидит всегда один, как правило, выпивает три литра хорошего пива. Он цедит его не спеша, из собственной керамической кружки. Просматривает какие-то бумаги, иногда делает заметки. Никто с ним не заговаривает, никто к нему не подсаживается. Люди за соседними столиками стараются говорить потише, чтобы ему не мешать. В то же самое время, в его компании никто не в своей тарелке себя не чувствует. Неподвижная фигура в коричневом плаще, просто-напросто, стала еще одним элементом интерьера...

После трех, а бывало и шести часов загадочной работы незнакомец отдает кувшин, расплачивается и исчезает. Выпитое никакого видимого воздействия на него не производит... Чем же этот человек занимается в остальные шесть дней недели?

Вечер в театре... «Лебединое озеро». Давненько она уже не была на балетном спектакле. Года три, а то и четыре... Зал заполнен до краев. Спектакль выкуплен одним из краковских лицеев^[25]. Два места зарезервировано для ЦСБ. Генерал не знает, что Катаржина догадывается о существовании незаметной охраны... Но, в принципе, то, что она делает, не запрещено.

С балкона четвертого яруса сцена видна замечательно. Балерины танцуют в такт музыке. Катаржина выбрала себе паршивое место, почти под самой стенкой, слева. Отсюда сцена видна под углом, который немного мешает воспринимать целое. Зато прекрасно видна центральная часть зрительного зала. Темно, но для чего тогда новейший прибабас со склада ЦСБ, бинокль с термопреобразователем? Балкон третьего яруса. Дюжина разодетых учениц. Среди них девушка лет двадцати, возможно двадцати двух. Она не выглядит значительно старше своих подопечных. Одета скромно, но элегантно. На выступление балерин глядит холодно, но спокойно. Сколько раз могла она видеть этот балет? Двадцать? Восемьдесят? Когда последний раз была она в театре на «Лебедином озере»? Пять лет или век назад? В принципе, можно и спросить... Конец акта. Опускается занавес. Лицо сестренки теряет мечтательное выражение. Зато ученицы выглядят скучающими. Кстати, что за идиотская идея, все время выбирать для себя работу, требующую возиться с молокососами столетие за столетием...

Катаржина вскакивает с места, бежит по коридору, сбегает вниз по лестнице. Ее провожают возмущенные взгляды зрителей, достойно шествующих в фойе. Кузинка, в окружении своих учениц, выходит в главный вестибюль. Она не знает, что за ней следят.

Агенты ЦСБ проходят тщательную и сложную подготовку. Работающие в Бюро техники тоже имеют свой цикл тренингов, хотя и не столь мелочных. Катаржина спокойным шагом идет за небольшой группой учениц, следя за их учительницей. Простенькое платьице, сумочка, произведенная, скорее всего, в Китае. В сумочке револьвер. Интересно, а не тот ли самый «наган», с помощью которого восемьдесят лет назад защищалась в школе. Исключить нельзя, это надежное оружие с калибром, способным уложить даже слона. К тому же, вероятно, нож в ножнах на бедре. Как видно, жизнь у кузинки была нелегкой, вот она и научилась заботиться о себе...

В разведке агентов учат, как заводить знакомство, не пробуждая подозрений выслеживаемого... Катаржина подобной подготовки не проходила... Но быка лучше всего брать за рога. Тогда... Она ускорила шаг. Девчонок обошла, прячась за рядами колонн. Добралась чуть ли не до конца фойе, развернулась и направилась навстречу судьбе. Быстрым, легким шагом.

— Привет, кузина.

На лице Станиславы на миг появилось изумленное выражение... В глазах блеснул страх. Люди, испытывающие страх, способны на самые неожиданные действия... Истории известны несколько знаменитых убийств, совершенных в театре: Линкольн, Столыпин...

— Минуточку. — Станислава касается пальцами виска, словно пытается припомнить. Это она играет перед своими подопечными. Сразу же их не спланировала, а это означает, что о чем-то догадывается. Она вступила в игру. Следовательно, ей необходимо помочь...

— Катаржина Крушевская, — подсказывает девушка.

— А-а, кузинка Кася. — Лицо учительницы лучится восторгом, хотя глаза остаются такими же холодными. — А я тебя сразу и не узнала.

Так, что делать дальше. Можно немного попутать.

— Ну, мы уже столько веков не виделись, — с легким акцентом на «веков».

Не сильно ли напугала? Похоже, что так.

— Девочки, возвращайтесь на свои места, антракт уже кончается, — обращается Станислава к ученицам. — Я через минутку приду.

Девчонки тут же смылись. Лицо преподавательницы тут же становится серьезным.

— Ты кто такая? — тихо спрашивает она.

— Я и вправду твоя кузинка, — усмехается Катаржина. — Из Крушевских герба Хабданк.

Станислава подходит к перилам лестницы и долго смотрит на прогуливающих людей.

— Как ты меня нашла? — спрашивает она наконец.

— В моей, а точнее — нашей семье существовала легенда, переходящая из поколения в поколение. Легенда о прабабке, которая так никогда и не постарела.

— На основании одной только легенды ты не смогла бы меня идентифицировать. — Голос холодный, но в нем слышно любопытство. Женщина не настроена враждебно.

— Я видела портрет в Национальном музее^[26]... Сама же работаю в ЦСБ с компьютерными системами идентификации преступников...

На лице Станиславы появилась легкая усмешка.

— И какое же преступление я совершила?

Она слегка склоняет голову набок.

— Пользование фальшивыми документами, — выпаливает ее кузинка. — А так же, как мне кажется, применение препаратов, не допущенных к обороту Министерством Здравоохранения...

— Воспользовавшись, хмм... семейной солидарностью, осмелюсь сразу же спросить, не ведется ли против меня официальное следствие?

— Нет. Просто я злоупотребила доверием начальства, чтобы тебя найти... А при случае попала на одного твоего знакомого...

— Догадываюсь, о ком идет речь. И как же выглядит, назовем это так, состояние рода Крушевских?

Катаржина указала жестом собеседницу, затем коснулась ладонью собственной груди и показала два пальца.

— В принципе, совсем никак не выглядит, — сказала она.

В фойе прозвенел звонок. Сейчас начнется следующий акт... Девушки смотрят друг на друга. Они уже «обнюхались» и теперь испытывают радость, которую способно дать обнаружение кого-нибудь, кто думает так же, как ты...

— Приходи в гости, — предложила Стася. — Адрес знаешь?

— Естественно. Как тебе будущая суббота?

Та кивнула.

— Хорошо. Быть может, часика в четыре вечера? Приятно было познакомиться.

Второй звонок.

— И который это уже раз? — не выдержала Катаржина.

— «Лебединое озеро»? — сестренка сразу же догадалась про смысл вопроса. — Честно говоря, не считала. Раз, наверное, тридцать... А ты?

— Первый, — спустила та голову.

Улыбка. Спокойная, дружелюбная.

— Тогда беги поскорее, а не то опоздаешь на начало третьего акта. А было бы жаль.

Они расстались

Снаружи жилище подозрительным не выглядело. Старый, еще довоенный каменный дом, солидная дубовая дверь. Звонок... Катаржина нажала на латунную кнопку. Внутри раздался мелодичный гонг. Растягивающееся мгновение неуверенности. После того, как ее раскрыли, кузинка попросту могла сбежать. И все же — нет. Ключ проворачивается в замке. Двери открылись.

Станислава надела легкое льняное платье. Небольшой серебряный, инкрустированный рубинами крестик, тот же самый, что так замечательно был выписан на портрете, висел на шее. На ногах мягкие домашние шлепанцы. Она не была вооружена. Разве что попытается заколоть длинной шпилькой из своей китайской прически.

— Привет, — хозяйка поцеловала гостью в щеку, — проходи, пожалуйста.

Выходит, закалывать не собирается. Мебель новая, но стилизована под старину. На стене слущкий пояс от кунтуша^[27]... Две скрещенные сабли.

Девушки прошли в небольшую гостиную. Станислава достала коробку длинных, каминных спичек и развела огонь под стоявшим на подоконнике самоваром.

— Чай скоро поспеет, — пояснила она.

Они уселись в кресла. В принципе, говорить ничего было и не нужно. С первой же встречи в театре они почувствовали симпатию друг к другу. Стася чувствовала любопытство кузинки. Она сняла крестик с шеи. Отвинтила верх. Из углубления внутри высыпала на кусочек салфетки с десятков красных кристалликов.

— Философский камень, — сказала она. — Произведенный мастером Сендзивоем из Санока в конце XVI века. Нас было шестеро. Каждый получил одинаковую порцию...

— И с той поры...

— Одну порцию в столетие. Того, что осталось, недостаточно... Время догонит меня. Разве что... — Станислава с сомнением глянула на «родственницу», — разве что ты мне поможешь.

Катаржина удивленно глянула на нее.

— Каким образом?

— Очень просто. В Новом Сонче множество людей встречалось с духом алхимика... Ты понимаешь, что это может означать?

— Он до сих пор жив, — шепнула Катаржина.

— Именно так я и предполагаю. Во всяком случае, еще сто пятьдесят лет назад был жив. И он до сих пор скрывает тайну производства своей тинктуры... Конечно, тот еще был тип, злорадный и паскудный, но, быть может, еще раз он и пожелает поделиться своим изобретением... Нужно его найти и соответствующим образом придавить. Раз уж тебе удалось найти меня...

— У меня имелась зацепка. Твой портрет... А вот в его случае...

— Картину, изображающую Сендзивоя, написал Ян Матейко^[28], правда, к сожалению, это всего лишь licencía poetica^[29], - буркнула Станислава. — Так что, и вправду, хлопоты будут... Но ты должна его найти. Для меня. Для нас.

— То есть...

— Если добудем запас, присоединяйся ко мне. Будем вместе скакать через века. Одиночество... — Неожиданно на ее лице появилось выражение крайней усталости. Скука от жизни, продолжающейся чуть ли не половину тысячелетия. — Если, конечно же, считаешь, что стоит. Ведь нигде не будет возможно пригреть местечко больше, чем на

несколько лет. Я брожу по миру, вечно удираю... И гляжу, как человечество постепенно идет псу под хвост.

— Тем не менее, некоторые догадываются... — заметила Катаржина. — Как те тогда, в школе.

— О-о, ты и вправду много обо мне знаешь, — заявила Станислава. — Они не первые и не последние. Четыре раза встречались мне психи с осиновыми кольями.... Если пойдешь со мной, тоже с ними повстречаешься.

— Нужно идентифицировать Сендзивоя... А вот скажи, его философский камень позволяет производить золото?

— Да.

— У ЦСБ имеются концы в учреждениях и банках, торгующих благородными металлами. И если он находится в Польше, он ведь должен с чего-то жить.

— Этого исключить нельзя, — в глазах Стаси мелькнуло удивление и признание. — Думаешь, он всякий месяц изготавливает себе новый брусочек?

— Раз для него это не проблема... Если мои предположения правильные, они могут привести нас к нему.

— Так что, за дело... — улыбнулась хозяйка.

Она открыла бутылку с красным грузинским вином.

— За последующие пять столетий, — очень серьезно произнесла тост Станислава, поднимая бокал.

И сестренки чокнулись.

Миколай Секлюцкий, преподаватель биологии, перелистывает старый телефонный справочник. У рассыпающегося тома, спасенного из макулатуры, нет ни обложки, ни титульной страницы, но, судя по формату, издан он в середине восьмидесятых годов. Многие листы в середине тоже отсутствуют. Но раздел с адресами и телефонами аптек сохранился. Самое простое сопоставление данных дает понять, что около трех десятков храмов фармации за последние пятнадцать лет перестало существовать.

Биолог тщательно записывает адреса. Надевает тяжелые десантные ботинки и кожаную куртку. В рюкзак сует фомку и ножовку по металлу. Проверяет состояние батареек фонарика. Быть может, ему повезет уже в первую ночь?

Над Краковом поднимается прохладный и сырой рассвет. Конец сентября, дождит. Моника Степанкович просыпается на неудобной кровати в одном из детских домов. Серая, ничем не выделяющаяся комната, в которой вместе с ней проживают еще три девушки.

Мебель не самая паршивая, но уже хорошо попользованная, подаренная спонсорами. Матрац неровный. Эй это не мешает. За последние несколько лет она уже отвыкла от подобной роскоши. Теперь лежит, вытянувшись поудобнее под тонюсеньким одеялом. Золотистые волосы рассыпались по подушке. Синие глаза задумчиво всматриваются в потолок. Голубая краска на нем уже заметно посерела...

Неудобства, отсутствие личного места и времени, поношенная одежда, которая ей мала где-то на половину номера, никакого значения для нее не имеют. Сейчас главное только одно. Безопасность. Девушка вслушивается в ровное дыхание соседок. Ее здесь не любят, но это тоже неважно. Да, носки узлами завязать могут, но и не прирежут во сне. Вот это как раз отличие весьма приятное. Впервые за очень долгое время девушка наслаждается покоем. Не нужно бежать, скрываться... Здесь никто о ней не слышал. Она анонимна, может спрятаться среди людей, не опасаясь использовать свое истинное имя и фамилию, смело гулять по улицам.

В маленьком бумажнике с календариком лежит поляроидная фотография, на которой двадцать три солдата польского батальона КейФОР. Это храбрые, отважные и благородные люди. Чувство благодарности вовсе не чуждо Монике... Ничего, как-нибудь еще попробует отблагодарить. Но дрожь еще осталась. Каким-то чудом ушла от смерти.

Солдаты тоже о ней не забывают. Когда один человек спасает другому жизнь, между ними появляется крепкая связь. Как правило, спасатель испытывает потребность опеки над спасенным... Монике полюбили, да и как не испытать симпатии к милой и тихой шестнадцатилетней девушке, выглядящей к тому же словно сказочная принцесса? Сбросились, кто сколько мог, и открыли для нее счет в банке с весьма скромной суммой для начала. Они же подписали заявление о политическом убежище в Польше. Большого сделать они уже ничего не могли. Пара или тройка из них предлагала, что какое-то время девушка могла бы пожить в их семьях, но на это Моника лишь вежливо поблагодарила... Девушка вздыхает. В шестнадцать лет нужно обязательно ходить в школу. А в принципе, почему бы и нет? Понятное дело, провалы в образовании у нее имеются, но она справится. Ей докучает одиночество, вообще-то она научилась с ним жить, но осенью, когда вечера сделались длиннее, стоит иметь кого-нибудь, кто поймет, утешит. Остается вопрос, найдется ли в той далекой, хотя и дружественной стране какая-нибудь подруга? Моника сомневается в том, что найдет кого-то, кому могла бы поверить свою глубже всего скрываемую тайну... Вот только она становится бременем, которое так трудно нести в одиночку.

Катаржина Крушевская собирает чемоданчик и что-то бормочет себе под нос со злостью. Ну да, здесь она чуточку пересолила. Говоря точнее, перегнула палку с властью, которую дал ей доступ к компьютерным системам ЦСБ. С другой стороны, именно в этом ее работа и заключается. Идентифицировать преступников. А это преступники и были. Шпионаж является занятием наказуемым. И делишки с финансами, и контакты с преступными группами, даже многоженство и педофилия — все это наказуемо. За подобные вещи люди обычно отправляются за решетку. За подобное обычного человека вычеркивают

из списка приятелей. За подобное могут выгнать с работы... Катаржина осознавала, что знание — это угроза. Ей говорили, будто бы знания дают власть, а власть искушает, чтобы ей воспользоваться. Ей казалось, что с этим она справится. Но как можно вынести ситуацию, в которой правящая элита Польши без исключения состоит из таких вот преступных типов? Страны уже не спасти. Слишком далеко уже все это зашло, независимости защитить уже не удастся. Рак измены разъедает государственный аппарат. И операционный разрез делать поздно... Но ей самой хотелось хотя бы немного очистить воздух.

Она подготовила стратегию действий, собрала материалы, забыв лишь об одном: существуют неприкасаемые люди. Планировала устроить генеральную уборку, а вышла только буря в стакане воды. Подготовленных ею документов достаточно для того, чтобы расстрелять за измену родины практически всех членов правительства и около семидесяти процентов депутатов. Переданные в генеральную прокуратуру материалы — это динамит. Шесть сотен папок на людей, от которых следовало бы немедленно избавиться.

И не вышло. С постов слетели только четыре министра. Хорошо еще, что гондурасская разведка потеряет своего крота... Катаржина от злости скрежетнула зубами. Ведь она первая обнаружила следы сетки, создаваемой агентами этой державы, а потом и десятка других. Теперь же этим займется кто-то другой. Если только хоть кто-то займется. Самой же пора смываться. А то, похоже, за этих министров ее саму хотят выгнать с работы.

Элиты взбеленились. Сейчас желают одной только мести. К счастью, никто и не догадывается, что «заговор» (ее абсолютно законные и оправданные действия называют заговором и изменой родины) родился здесь — в заставленных компьютерами бункерах под штаб-квартирой ЦСБ. Пока что подозревают людей из УОГ^[30]. И прошлись по ним косо, выгоняя на улицу десятками... Особых иллюзий нет. Слишком уж много ей известно. Пускай косвенно, но ей стали известны тайны повелителей этой страны, а те подобные вещи просто так не прощают. Генерал обещал ее защитить. Тем не менее, нужно смываться... Катаржина забрасывает в устройство для сжигания пачки бумаг. Лучше всего не оставлять за собой следов.

Пора отправляться в путь. Поискать где-нибудь подальше жилье и новую работу, по мере возможности, без таких стрессов. Затаиться и переждать, пока буря не утихнет... Есть одна идея. Не далее как позавчера кузинка вспомнила об одной освобождающейся должности... Первый семестр начался всего несколько недель назад. Так почему бы не зацепиться в школе?

Директор частной женской гимназии тяжело глянул со своего места за столом. Невысокая девушка с толстой косою скромно присела на стуле. Какое-то время он осматривал ее. Выглядела симпатично, но при этом он испытывал какое-то подсознательное отторжение. Факт, что ее фамилия была такой же, как и у недавно принятой преподавательницы, директор свел к простому совпадению.

— Итак, вы хотите занять должность преподавателя информатики? — начал мужчина.

Если кто-то спрашивает о вещах, которые ему прекрасно известны, это может означать

только одно: он желает подавить жертву, лишить ее уверенности в себе. Ну, и что с этим типом делать? Можно притвориться скромненькой овечкой или наоборот, обернуть вопрос против самого спрашивающего.

— Я обо всем написала в заявлении.

Директор закончил его читать всего лишь пять минут тому назад. И подобный вопрос намекает на то, что он кретин. Да, деликатно, но все же. Мужчина взял листки и выловил резюме.

— Тут имеются определенные упущения, — заметил директор. — Вы закончили учебу в возрасте двадцати лет...

— Мне удалось пятилетнюю программу уложить в два года, — спокойно пояснила кандидат на должность.

Тот потер лоб большим пальцем.

— Хммм, — буркнул он. — Следующий год вы работали на правительство. А что вы делали конкретно?

Кузинка предупредила, что директор любит цепляться. Ну, и как тут вырваться? Можно обернуть вопрос в шутку. И в то же самое время ответить так, чтобы в ответе имелась крупица правды.

— Если будете задавать слишком много вопросов, обязательно попадете к нам.

— А конкретно?

Шутка не удалась, придется выкатывать тяжелую артиллерию. Девушка достала из кармана визитницу, спокойным движением подала будущему работодателю белый картонный прямоугольник. На нем выпуклый государственный герб, буквы ЦСБ и номер телефона. А больше ничего.

— Если вам и вправду интересно, позвоните, — в глазах девушки легкий вызов.

— Я не приму вас на работу, — заявил директор со злостью в голосе.

Злость, чаще всего, это признак страха. А боязнь — сила весьма разрушительная. Страх — самая отвратительная из слабостей, любую же слабость противника можно обернуть в свою пользу. Глаза Катаржины застывают, взгляд делается жестким. Черты лица превращаются в маску. Превращение длится несколько секунд. Она долго тренировала его перед зеркалом под надзором психологов. Директор изменение отметил. Теперь он боится еще сильнее.

Сидящая перед ним девушка остается той же самой, но если раньше он испытывал легкую нехоть, теперь на смену ей пришла чуть ли не паника.

— Пан директор, — голос ее тоже подвергся перемене. Тембр понизился, слова падают, словно отлитые из чугуна. — Поверьте мне, другого будущего уже нет.

Сразу тот не поддался. Еще попробовал осадить взглядом, но глаза девушки, которые буквально только что казались слегка маслянистыми, сейчас поблескивают двумя льдинками. Ей не хотелось этого, Катаржина не любит вынуждать, переламывать собственной волей чужую, но раз иного выхода нет...

— Предположим, что я приму вас на работу... — директор еще пытается спасти остатки чести.

Перемена молниеносная. Вновь перед ним сидит та же самая симпатичная, молодая кандидат в преподавательницы, что вошла к нему в кабинет пару минут назад.

— Вы наверняка не пожалеете, — робко усмехается просительница.

И в этот момент в голову директора приходит мысль что, вообще-то, неважно, откуда

девушка пришла. Она милая, компетентная, с ней можно будет работать...

Мужчина в плаще прохаживается по улочкам краковского Казимежа ^[31]. Вспоминает. Не все поддалось разрушению. Дома все так же стоят там, где и стояли, хотя то тут, то там зияют страшные провалы. Он давно не был здесь, но быстро добирается до цели своего путешествия. Синагога Ремух, выстроенная в XVI веке Израилем Иззерлесом Ауэрбахом для своего сына Мойше, известного как равви Мойше Ремух... Приземистое здание с белой штукатуркой, ворота в стене гостеприимно открыты. Путник заходит во внутрь уверенным шагом. Ведущая вовнутрь дверь прячется в глубине дворика. Мужчина погружается в тишину и полумрак святилища. Глаза его быстро привыкают к темноте. Под стеной горит небольшая негасимая лампада. Она означает место, где обычно сидел равви Ремух. Откуда-то с задов здания, из-за столба появляется невысокий тип с гноящимися глазами.

— Посещения платные, — информирует он гостя.

Незнакомец проводит по нему холодным взглядом карих глаз. Охранника пронимает до костей.

— Прощу прощения, — извиняется он. — Я думал, что пан простой турист.

Пришелец спокойно поворачивает голову и, глядя на лампадку, впадает в задумчивое состояние. Так он будет стоять почти час. Равви Ремух, единственный человек, который сознательно отказался от дара... Мужчина выходит, уверенным шагом идет по вонючим закоулкам. Местное жулье глядит на него со своих постов перед подворотнями. Этот тип здесь чужой. Его лицо им незнакомо. И в то же самое время видно, что здесь он чувствует себя как дома. Импортный плащ — это видно по странному покрою — золотые швейцарские часы на запястье, элегантная кожаная папка под мышкой... Похож на типа при бабках, а Казимеж это такое место, где краснокожие охотятся на оленей... И в то же самое время есть в нем что-то странное. Хулиганы чувствуют, что это настоящий мужчина, один из последних представителей вымирающего рода. Неизвестно, вооружен он или нет, но и так смелости пристать к нему у них нет. Таким не обязательно иметь оружие. Напасть можно на такого, кто перепугается. На кого-нибудь, в ком страх тут же подавит волю к сопротивлению. А этот мужик не похож на такого, кто был бы в состоянии испытывать страх. Нож или пистолет не произведут на него впечатления. Сражение он примет. И может выиграть. Да, слишком уж велик риск. Лучше подождать кого-нибудь другого.

Мужчина в иностранном плаще выходит из проулка на площадь. Здесь размещается ресторанчик с названием «Алхимия». Незнакомец читает надпись на вывеске и фыркает коротким, звучным смешком.

Школа. Расшатанные столы и стулья, грязные стекла в окнах. Уборщица здесь имеется, но работать тетке явно не хочется. Коридор она протерла тряпкой только посередине. Под стенками располагаются геологические накопления, которых никто не трогал десятилетиями. Паркет следовало бы натереть за неделю до начала учебного года, но сделали это только вчера. Никто не подумал о том, чтобы проветрить здание хотя бы ночью, и теперь вонь пасты смешивается с вонью лизола.

Занавески теоретически постираны еще летом, но люди, которые этим занимались, половину стирального порошка свистнули. Столы и стулья протерли водой с добавлением «доместоса». Это тоже было сделано в последнюю минуту, и теперь повсюду слышен запах хлора.

Классная вызывает впечатление абсолютно некомпетентной. Отпуск она продлила на пару недель, симулируя болезнь. Багровый загар на ее налитом лице свидетельствует о том, что все это время она провалялась на пляже... Первый урок — физика. Женщина явно понятия не имеет, что делать со временем и с учениками. В течение тридцати минут она диктует им правила поведения в лаборатории. Оставшиеся четверть часа он проводит в препараторской, заваривая себе чаек. На время учащихся ей наплевать, все у нее валится из рук. А ведь в этой стране безработица достигает чуть ли не двадцати процентов. На место этой тютти можно принять кого-то, который хоть что-то знает и способен это что-то передать другим...

Моника Степанкович сидит на первой парте, под окном. Она чувствует на себе оценивающие взгляды всего класса. Первый день в польской школе. Она правильно сделала, что не надела платье. Вместо него джинсы и хлопчатобумажная рубашка военного покроя. Пользуясь отсутствием учительницы, школьники болтают. Моника слушает.

В течение последнего месяца она трудилась изо всех сил, изучая польский язык по восемь-десять часов в день. Один из солдат польского батальона КейФОР, оказывается, был бакалавром педагогики. Теоретически, его заданием была организация школ для сербского меньшинства в Косове. По причине отсутствия учеников и для того, чтобы как-то убить время, он начал учить Моника польскому языку. Тридцать дней — не так уже и много, но у нее были книжки, кассеты с фильмами и несколько десятков солдат, для которых болтовня с милой шестнадцатилетней девушкой была приятным разнообразием тяжелой службы вдали от дома.

Польский она теперь знает достаточно неплохо, чтобы разговаривать. Несколько труднее ей понять замечания подростков, сидящих за соседними партами. То, что доходит до ее ушей, это — в основном — вульгаризмы. Девушка изумленно качает головой. Ведь лицеи, вроде бы, должна посещать молодежь из среднего класса. Тем временем, во всем классе она не замечает ни одного со светлой головой. Сборище, босяки, дичь — ум услужливо предлагает ей подходящие эпитеты. Кошмарная банда. Крашенные волосы, колечки в ноздрях, дебилские нашивки на рюкзаках. Три или четыре человека пришли на занятия уже наколовшись или накурившись... Еще несколько выглядят словно после страшного похмелья. Мальчишки оценивают Моника взглядами, раздевая в мыслях. Она чувствует их возбуждение. Что же на них так действует? Светлые волосы? Ну да, она здесь в классе единственная натуральная блондинка... Хорошо еще, что рубашка, на пару размеров больше, чем надо, сглаживает формы ее тела.

Коридор приветствует девушку кислым запахом пота — по причине отсутствия спортзала соответствующей площади здесь проводили уроки физкультуры. Следующий урок

— химия. В течение десяти минут учительница говорит что-то очень даже по делу, после чего исчезает в лаборантской, чтобы сделать себе кофе...

Моника разворачивается и смотрит на класс. Взгляд у нее внимательный, сверлящий. Похоже, что здесь шестнадцать лет — это самый телячий возраст. Девушки, хихикая, просматривают какой-то цветной журналчик. Какой-то парень читает комикс, остальные болтают друг с другом, словно заведенные. Все они тратят время понапрасну, а ведь могли бы потратить его с пользой... А ведь Моника уже встречала людей их возраста, которые храбро брали винтовки и шли погибать за свою деревушку, за свою долину, за свою Родину... У тех ребят глаза были чистыми и отважными. Даже если и боялись, они знали, в чем заключается их обязанность. В шестнадцать лет, а то и меньше, они уже были мужчинами. Эти же останутся развращенными детьми. Некоторые — навечно.

А вот девочки — дуры набитые. Они живут в виртуальном мире телевизионных сериалов; единственное, что еще способно привлечь их внимание, это сплетни про жизнь звезд. Они переживают чужие проблемы, убегая от собственных. Человеческий шлак, людские отходы... А ведь где-то должны существовать элиты, которые воспитывают людей, таких как ее спасители из польского батальона КейФОР. Где их искать? Часть солдат была родом из деревни. Но вот офицеры, в основном, были городскими.

Имеется еще кое-что. Уж слишком большой интерес у парней она возбуждает. Моника заметила это на предыдущем уроке. Теперь, час спустя, дело обстоит еще хуже. Что будет потом, она прекрасно знает. Одни станут цепляться без обиняков, другие будут притворяться приятелями. В принципе же, все будут думать только об одном, как бы ее... Придется потратить массу сил, чтобы держать их на расстоянии. Но за это ее ожидают пересуды, презрение, нелюбовь, ненависть...

Следовательно? Ждать нечего. Школу она уже оценила. Выбор очевиден. Здесь искать абсолютно нечего. В Польшу она приехала, чтобы прийти в себя после трагедий, свидетельницей которых была, успокоиться, затихнуть, отдохнуть после панического бегства, продолжавшегося несколько месяцев. В конце концов, она приехала сюда, чтобы как-то пополнить собственное образование. За последние несколько лет наука сделала громадный скачок вперед. Но теперь Монике кажется, то гораздо больше она узнает, читая подшивки «Знания и жизни»^[32], чем скучая на этих уроках.

Выбор прост. Отваги ей тоже не занимать. Да и чего бояться? Учителей? Химичка так и торчит в своей лаборантской. Выходит — в дорогу! Тетрадка летит в сумку из ткани, сумка — на плечо, и всем арривидерчи. Класс провожает Моника изумленными взглядами. Через мгновение все бросаются к окнам. Нет, они не ошиблись. Синеглазая девушка не спеша уходит вдоль по улице... Она не оглядывается. И школотка чувствует, что синеглазка уже не вернется.

Учительница по физкультуре решила выйти замуж за богатого немца. Удачи!... Освободившееся место занимает преподавательница иностранных языков, Станислава Крушевская.

Работа на две или даже три ставки не является для нее чем-то требующим напряжения всех сил. Ученицы же про себя жмутся от страха. Если и тела подопечных новая учительница пожелает раскручивать, как и мозги, их ждет масса тяжелой работы... С другой же стороны, может, будет и веселее, чем в прошлом году?

На первый урок Станислава пришла в толстом зеленом тренировочном костюме. Волосы уложены не в китайской прическе, а в кок. На шее темный ремешок. На полированном мундштуке свистка темнеет символ; сам предмет родом из Львовского Гимнастического Общества «Сокол». Куплен на антикварном аукционе. Никель сияет словно серебро. Пришлось поменять лишь деревянный шарик в середине. Со свистком связаны определенные воспоминания. А что для нее столетие?

Достаточно было, чтобы она вошла, и все ученицы встали. Никто так и не понял, как она это делает, но ее окружает аура невольного уважения. Станислава остановилась и оглядела девушек спокойным, холодным, конкретным взглядом. С этой стороны учительницу они уже знают. От нее ничего не укрыть.

— День добрый. И как вам после каникул? Наверняка валялись на берегу моря, поджариваясь на солнышке, словно тюлени на пляже... Вижу, что последние недели на физкультуре вы совсем ничем не занимались... Стыдно.

Девушки невыразительно бурчат.

— Хочу вам напомнить о существовании неких мышц, о которых вы наверняка учили на уроках биологии, — с издевкой усмехается преподавательница. — А для разогрева начнем с пятидесяти отжиманий.

Она легко опускается на пол, опираясь косточками — пальцы бережет... Громко отсчитывает. После пятого отжимания половина класса в ауте. После десяти Станислава остается сама. Пятьдесят...

— Ваше физическое состояние даже не слабое, оно просто ужасное, — вздыхает учительница, поднимаясь. У нее самой даже не сбилось дыхание. — Начнем с упражнений для общего развития. Придется вам потренироваться и дома, хотя бы часик *на дэнь*.

Иногда, чтобы подчеркнуть важность своих слов, Станислава пользуется забужанским акцентом, подбрасывая в речь украинизмы. Если преподавательница в подобном настроении, будет лучше выполнять все ее указания послушно.

Сорок минут, наполненные приседаниями, наклонами, отжиманиями... Большая часть учениц не способна сесть на шпагат... Они не могут сделать наклон вперед и коснуться пола запястьями. Большинство не способно достать пола даже кончиками пальцев. Говоря по правде, те времена, когда их учительница могла коснуться головой колен, уже прошли, тем не менее, в гимнастической подготовке здесь ей нет равных...

Она вздыхает. Направляет память вспять. Как это было тогда, очень давно, когда сама была в их возрасте? Шестьдесят три дня продиралась она на коне в направлении далекой польской границы. На уворованной кляче, с ватагой янычар за спиной, без запасов еды, без баклажки, без гроша за душой. К счастью на полях еще стояли хлеба... Три стычки; Днестр она переплыла в октябре... Блин, да ведь каждая девушка с Кресов^[33] была бы в состоянии толочься на коне целый месяц. Бывало, что казаки проводили в степи круглый год. Войны давно уже не было, мужики обабились, а девушки... лучше и не говорить. Мягкие, расплзшиеся, несуразные... и ленивые.

Звонок. Ученицы со стонами застывают на полу, возле шведской стенки, на канатах. Девяносто наклонов для них так много? Стася прохаживается среди едва дышащих

подопечных. Под самый конец она сама тоже немного запыхалась, но до состояния приятной усталости ей еще ой как далеко. Зато школьницы похожи на заезженных кобыл. Ноздри преподавательницы задрожали, когда в них ударил деликатный запах девичьего пота.

— Ладно, грязнули, выметайтесь под душ! — мягко, но решительно выталкивает она девиц из спортзала.

Что можно сделать с этим замечательным помещением, очищенным от учениц, но заполненным гимнастическим оборудованием? А все, что угодно! К примеру, можно потренироваться с саблей — для таких занятий квартира Станиславы явно мала, а на Плянтах она привлекала слишком много внимания прохожих. Итак...

Стася нырнула в подсобку. В течение пяти секунд содрала с себя тренировочный костюм и надела платье, сшитое по моде самого конца XVII века. Очень сложно найти наиболее непрaktичный костюм для тренировок, но она выбрала его сознательно. Тот, кто научится сражаться в неудобной одежде, без труда справится и в любой другой...

Рядом с гимнастическими кольцами она подвесила солидную дубовую плашку на короткой, короткой цепи. Раскачала. Вытащить саблю из ножен — это всего две десятых секунды. Стася наносит первый удар. Не слишком сильно, чтобы кончик вонзился не слишком глубоко. Этой сабле уже четыреста лет, она служила еще ее деду. С памятками культуры следует обходиться весьма осторожно. Рубящий удар с плеча, защита — гардэ, рубящий с полуоборота. Умение позабыто. Лучше всего было бы поработать в паре с живым противником... Но где такого найти? Например, у двери.

Катаржина Крушевская скромненько сидит на краешке низкой лавки и смотрит на демонстрацию владения холодным оружием с легкой усмешкой.

— О... — кузинка опускает саблю и направляется к госте. — А мне казалось, будто бы дверь я закрыла.

Как интерпретировать ее вопрос? Выгоняет? Нет, это всего лишь удивление.

— Замок «йейль», щурится Катаржина. — Шестнадцать секунд для начинающего воришки, восемь — для опытного. Сама я никогда более десяти секунд не тратила, похоже, таланта мне не достает... Честно говоря, я надеялась, что мы вместе пообедаем в столовке, но ты не пришла...

— Не затем я живу чуть ли не половину тысячелетия, чтобы умереть из-за сальмонеллы.

— Это так, — склонила та голову в сторону, — но могу тебя порадовать тем, что здесь кормят намного лучше, чем в государственных школах.

— После уроков, когда вернемся домой, сделаю тебе такую свиную ножку с медом, что умрешь от восхищения...

— Свиная и мед? — на лице преподавательницы информатики написано изумление. — Я и не знала, что эти два продукта совместимы.

— Если знаешь соответствующие приправы. Сама убедишься: пальчик оближешь. Прости, через десять минут урок французского, а мне еще нужно быстренько принять душ.

Она снова переодевается в тренировочный костюм. О ней и так уже достаточно болтают. Но если бы появилась сейчас в коридоре в платье семнадцатого века, сплетням вообще не было бы конца. Стася моется быстро, но тщательно. Станный, вибрирующий звонок за толстой, бетонной стенкой. Черт, это уже на урок... Девушка спешно вытирается и одевается, подавляя нарастающую панику. Учитель не может опаздывать. Это позор. У нее же чувство обязанности развито очень сильно. Даже слишком...

Цивилизация белого человека создала ряд удивительнейших изобретений. Одним из самых полезных является телефонный справочник. Вот только нужно найти хотя бы один экземпляр. Моника отправляется в поход по Плянтам. В двадцатой из стоящих по дороге телефонной будке лежал обшарпанный том. Девушка вписала адреса. План города купила в киоске. Стоил он прилично, а ведь ей нужно экономить. Выходит, придется отказаться от поездок на автобусе. И что с того? За последние три месяца она прошла по балканским горам пешком около восьмисот километров.

Ботинки чуточку жмут, охотнее всего она их бы сняла, но Краков город культурный. Здесь никто босиком не ходит. Опять же, климат не совсем подходящий...

Три частные школы. Первая выглядит совсем не ахти. Грязный фасад, граффити, это сразу же говорит о полном отсутствии дисциплины. Типичная «камера хранения», созданная для разгильдяев, которым посчастливилось иметь богатых папиков... Вторая выглядит получше. Сейчас перемена, и ученики забавляются тем, что плюют в окна. Отпадает. Фасад не красили уже достаточно давно, но на каникулах его старательно почистили щетками и водой. Солнце смеется в отлично вымытых стеклах. Уроки как раз закончились. Из здания высыпают группки девчонок. Сразу же за ними выходит и учительница. Одета она скромно, зато с умелой и подчеркнутой элегантностью. Забавно, на голове у нее странная прическа, закрепленная несколькими деревянными шпильками.

Ее тут же окружают девочки. Задают ей какие-то вопросы; женщина отгоняет их, но без злости, с улыбкой. Самым настырным бросает несколько слов. Из школы выходит еще одна женщина, возможно, чуточку моложе первой, с толстой русой косой. В руках у нее плетеная корзина, такие носят на пикники. Корзинка солидно загружена. Вместе они направляются к остановке. Моника провожает их взглядом. Девчонки бегут за учительницами, вновь пытаются что-то спрашивать — пьяные счастьем, молодостью, они пылают радостью встречи.

Выбор сделан. А теперь нужно спланировать стратегию действий. Как попасть вовнутрь? Как правило, лобовая атака — это наилучший выход. Тогда — вперед!

Где-то на окраине Кракова, рядом с петлей для разворота одного из автобусных маршрутов находится обширный луг. В среду, когда школьный звонок известил о конце работы, можно устроить себе пикник. Подстилка, корзинка с завернутым в серебристую алюминиевую фольгу жареным цыпленком, бутылка грузинского вина «алазни», к вину лепешки мчдали^[34] из единственного в Кракове грузинского ресторана. Понятное дело, скатерть, украинская, вручную вышитая крестиком. Две девушки в длинных светлых юбках и

широкополюх шляпах выглядят так, словно только что сбежали с киносъёмки.

— А почему ты, собственно, так никогда и не вышла замуж? — спрашивает Катаржина.

— В первый раз все пошло не самым лучшим образом, — воспоминания докучают словно заноза. Разделанный словно свинья бывший супруг, и капля густой крови, стекающая по клинку сабли... — Потом были планы, но два раза они гибли во время войн...

- Три, ну хорошо — две попытки на четыреста лет, это немного, — тихо размышляет кузинка.

— Сложно найти кого-нибудь подходящего, — пожимает плечами «родственница».

Луг принадлежит расположенному неподалеку конному заводу. Животных привели сюда утром, сейчас они пасутся, привязанные к столбикам. Станислава умело разжигает самовар. Этот немного похож на те первые, с которыми она столкнулась в Петербурге. Хотя, естественно, этот наполовину моложе. Ее ладонь, держащая длинную, «каминную» спичку отражается в отполированном латунном корпусе.

— Меня выгнали с работы^[35], — вздыхает Катаржина. — Это нам серьезно затруднит поиски.

— Только лишь затруднит?

— Я могу залогиниться снаружи, в качестве гостя, — поясняет «родственница». — Для этого я разработала себе несколько фальшивых личностей. Вот только системы базы никак не соединены с Сетью...

— Понятно, — кивает Станислава.

На самом деле она не понимает. Вся эта информатика кажется ей странной, непонятной и опасной. Вообще-то, она даже купила себе мощный компьютер, даже научилась находить в Интернете стихи любимых поэтов, но уже амхарский шрифт пришлось устанавливать кузинке.

— Нужно подумать, что станем делать, если алхимика уже нет в живых, — Катаржина с любопытством разглядывает дымящий самовар.

— Можно будет поискать другого, — лениво потягивается Станислава. — Или плюнуть на все и отказаться от дальнейшего продления жизни.

— Тебе легко говорить... Ты, наверное, уже и устала...

— С чего это ты взяла, — усмехается «родственница».

Через луг идет светловолосый парень. Сам он посещает гимназию, после уроков работает на заводе и может сколько угодно ездить верхом. Сейчас он пришел перевести тех лошадей, которые пасутся на лугу дальше всех. При виде дымящегося самовара и двух молодых женщин, он удивленно протирает глаза. Но тут же отправляется дальше.

Пар в самоваре начинает петь. Заварка из чайничка, краник, кипяток.

Катаржина отпивает глоточек.

— А что это за смесь? — изумленно спрашивает она.

— Из Молдавии привезли, — поясняет ей кузинка. — Эндемическая разновидность, растет только в некоторых долинах^[36]. Когда-то его подавали при султанском дворе, сейчас же потребление радикально демократизировалось.

Гимназист возвращается на огороженную ферму. Проходя по тропинке, он еще раз поглядел на девушек и тихонько вздохнул. В его голове родились странные мысли. Тоска по эпохе, которую ему познать никогда не будет дано. Тоска по временам, когда такой стиль одежды и такой способ проводить свободное время ничем необычным не был.

Переведенные на новое место животные пасутся теперь гораздо ближе, ветер приносит

их теплый запах.

Стася поднимается, идет к лошадям. Конь почуял в ней нечто странное, застриг ушами, но когда девушка положила ладонь на теплом носу кобылы, та успокоилась.

— Хорошая девочка, — приговаривает учительница, поглаживая бархатные ноздри. — Совсем как моя...

Она возвратилась к самовару. Лошадь вырвала плохо вбитый в землю колышек и пришла за женщиной. Та угостила гостью кусочком грузинской лепешки, после чего отогнала одним-единственным движением ладони.

— Даже и не знаю, как нам отыскать Сендзивоя, — сообщила она кухне. — Более того, понятия не имею, как за это вообще взяться.

— А не отличается ли золото, производимое посредством философского камня, от обыкновенного?

— Да нет, всякий ювелир его возьмет. Как-то я посвятила два кристаллика, сделала пять грамм. Тогда оценили, что хоть состав и нетипичный, но это лишь поднимает его стоимость ^[37].

— Какой состав?

— Тут я не очень помню... — покачала та головой. — А почему ты спрашиваешь?

— ЦСБ получило информацию, будто бы в Кракове в одном из отделений НБП был куплен брусок золота без каких-либо клейм, причем, имеющего весьма любопытный изотопный состав.

— И что это означает? — заинтересовалась Стася.

— Золото всегда содержит примеси других элементов, чаще всего, в виде следов, но, благодаря этому, можно идентифицировать месторождение металла.

— И...?

— Купленный банком брусочек запищал в устройстве для выявления радиоактивных веществ. После этого брусок обследовали более тщательно. Оказалось, что в нем содержатся следы полония.

Станислава присвистнула.

— Продал золото в банке... А на их камерах слежения не осталось его изображения?

— Осталось, только нам это ничего не даст... С помощью базы продавец был идентифицирован. К сожалению, то был всего лишь хозяин пункта обмена валют. Он показал, что брусок ему продал заросший бродяга. Камер в обменнике не было. Зато, все это произошло здесь — в Кракове.

— Интересно...

— Чем могу служить? — спрашивает директор, оценивая взглядом вошедшую в его кабинет девушку.

Ему знакомы лица всех его учениц. Но эта не из них. Золотистые волосы, натуральная блондинка, которой сегодня не встретишь в принципе... Большие, голубые глаза, крупные брови. Она очень красива, хотя две вещи несколько нарушают картину. На левой щеке

бледное пятно, словно не до конца заживший синяк, и несколько черных крапушек. Возле правого уха уже затертый временем шрам похоже, от угрей.

Директор указал на стул. Посетительница скромненько уселась на краешке.

— Я хотела бы записаться в вашу школу.

Хорошо слышимый иностранный акцент... Девушка говорит медленно, старательно подбирая польские слова.

— Свободные места у нас имеются, — директор не имеет ничего против, чтобы у него была такая ученица. — Приходи с родителями.

— Вот с этим будет нелегко, — извиняющаяся улыбка.

Она умеет прекрасно играть. После того, как девушка излагает свою проблему, в сердце директора зашевелились отцовские чувства.

Эта развалина выглядела наиболее обещающе из всех до сих пор проведенных. Одноэтажный дом пугает вырванными окнами. Крыша частично провалилась. Двери с улицы забиты досками, так что заскакивать нужно через окно.

Старая аптека обанкротилась лет десять назад. А может и еще раньше. В главном помещении ничего интересного нет. В подвале валяется какой-то мусор. Но ведь имеется еще и чердак. Подняться туда страшно, прогнившие балки могут рухнуть в любой момент. Повсюду валяются просроченные лекарства. Ясно, что здесь похозяничали наркоманы, искали морфий, психотропные препараты, стероиды... Вряд ли, чтобы что-то нашли, но вверх ногами перевернули все. Держа фонарик в зубах, биолог копается в сваленных медикаментах^[38]. Он знает, что ищет. На самом дне деревянного ящичка валяется картонная упаковка с голубой наклейкой.

Учитель откладывает фонарь и медленно считает до двадцати. Ему необходимо успокоить радостные сотрясения сердца. Он берет коробочку и вскрывает. Внутри шесть бутылочек из толстого стекла. Алюминиевые пробки несъемные, содержимое можно извлечь шприцем сквозь толстый слой резины. Биолог освещает бутылочки. В двух жидкость помутнела. В остальных она хрустально прозрачная. Хватит на шесть подкормок. Конечно, срок годности закончился уже двадцать лет назад^[39], но этим биолог особо не волнуется. Если не удастся, поищет следующие.

Четверг, восемь часов утра. Ученицы до сих пор сонные. Как их расшевелить? Лучше всего, проверив то, что они забыли в течение каникул.

— Доставайте листики, — приказ краткий и конкретный.

Стоны ужаса... Преподавательница оборачивается и бросает осуждающий взгляд.

— Напишем небольшую проверочную работу, — говорит она так, как следует обращаться к лошадям — спокойно, но тоном, исключая какие-либо дискуссии. — У вас было две недели на то, чтобы все вспомнить...

Девушки копаются, словно мухи в смоле, рассчитывая на чудо, и... иногда чудеса случаются.

Двери открываются с легким скрипом петель. В дверях стоит директор.

— Пани Станислава?

— Чем могу быть полезна? — та не любит, когда кто-нибудь мешает проведению урока, но старается быть вежливой. Жизнь научила ее, что, как правило, усилия оправдываются.

— Это ваша новая ученица. Моника Степанкович. Из Косова.

— Присаживайся на любом свободном месте, — Станислава инстинктивно переходит на сербский. — Глаза директора делаются круглыми будто блюдца. — Французский знаешь?

— *Oui, madame*, — девчонка явно не чувствует себя сбитой с толку.

— Тогда напишешь проверочную работу вместе с классом.

Всякий, кто общается с этой женщиной, должен знать, что ее абсолютно ничего не способно сбить с толку. Любого она тут же бросает на глубокую воду. Сербский — это южнославянский язык. Некоторые слова похожи на польские, о значении других можно догадаться по контексту. Но большую часть понять невозможно. Отчаянный стон вырывается из двух десятков ртов, сербского языка они не знают, но зачем им дано шестое чувство? В директорском сердце что-то дрогнуло, но он быстро подавляет людские инстинкты. Школа затем, чтобы учить, а не затем, чтобы проявлять жалость к ученицам...

Станислава раздала листочки с заданиями. У каждой девушки свой набор, что эффективно предотвращает списывание. Впрочем, они уже и не пытаются. Преподавательница таких номеров не любит. С этой стороны они уже ее узнали. Двадцать голов склонились над заданиями. Кто-то из девиц еще пробует выпросить словарь, но Станислава успокаивает ее взглядом. Текст ведь и вправду простенький.

Сербка пишет ответы быстро, не колеблясь. Следовательно, она должна неплохо владеть языком Виктора Гюго и Жюль Верна. Интересно, как там у нее выйдет?

Преподавательница осматривает новую ученицу. Та очень красива. Волосы цвета зрелых колосьев, овальное лицо с выдающимися скулами. Глаза темно-синие. Настоящая сказочная принцесса... Но вот ладони выдают следы военных скитаний. Ногти девушка обрезала очень коротко, наверняка те были поломаны. На левой щеке чернеет несколько точек. На первый взгляд, они похожи на родинки, но девочка — левша. Станислава уже видела подобные следы. Это недогоревшие крупинки пороха. А к этому еще и легкое изменение в цвете. Иногда не залеченный синяк остается навечно. Это дитя стреляло из снайперской винтовки, прижимая щеку к прикладу. Интересно...

Девочка сидит прямо, в то время как все остальные ученицы склонились над листками. У нее самая правильная осанка во всем классе. Но есть в ней и что-то такое, вызывающее, что в мыслях учительницы загораются предостерегающие лампочки. Что-то здесь не так. А предчувствия до сих пор ее никогда не подводили.

Вход под логином в сеть ЦСБ из собственного дома не является самым разумным предприятием. Может случиться, что после входа в систему под вашей дверью появится несколько одетых в серое типов. Как минимум — двое, так, на всякий случай, вооруженных автоматами. У еще одного будет гладкоствольное ружье, чтобы разбивать замки... А четвертый, с голубыми, неподвижными глазами мясника будет держать наготове папочку с наручниками и с незаполненным ордером на арест.

И они не станут играть в то, чтобы звонить в дверь или стучать. Они сразу же выломают двери. Увидав их, необходимо сразу же поднять руки. Достаточно опоздать на половину секунды, и вас тут же нафаршируют свинцом. И осуждать их не надо, работа у людей ужасно нервная... Руки вам скуют двойными наручниками, а на голову натянут мешок. После того вас выведут и запихнут в фургон с логотипом Городского коммунального предприятия по ремонту водопровод и канализации. Что случится потом с неудачливым хакером, сказать сложно. Во всяком случае, никто из них еще не вернулся, чтобы рассказать. Так что рисковать не стоит.

Потому Катаржина логинится из интернет-кафешки^[40] в отдаленном районе Новой Гуты. Здесь никто ее не знает, никто не идентифицирует, отсутствие телекамер слежения облегчает задание... Кончики пальцев она покрыла лаком для ногтей, чтобы не оставлять отпечатков^[41]. Этот метод намного лучше, чем смазывать пальцы маслом.

Базы данных содержат около сорока миллионов имен. Понятно, что преувеличением является утверждение, будто бы ЦСБ имеет папочку на каждого жителя Польши^[42]. Двадцать миллионов фишек — это данные, полученные из-за границы путем обмена с полицейскими органами соседних стран.

— Есть данные, — сообщает Катаржина сидящей рядом кузине. — Моника Степанкович, национальность — сербка, в последнее время проживала в косовской Даковице. Польский патруль в самый последний момент спас ее из рук албанцев; месяц подержали на базе, пока девушка не пришла в себя, потом отослали в Польшу. Живет она в детском доме.

— Сирота?

— Да. В Сербии у нее никого близкого нет. Она получила политическое убежище.

— Кто оплачивает ее обучение в нашем лицее?

— Этого я не знаю. Данных нет, — Катаржина озабоченно поглядывает на часы. — Сматываемся, нас уже наверняка засекли.

Она выходит из системы. Девушки платят и покидают заведение. Уже стоя на автобусной остановке, они слышат сирены полицейских машин. В сторону Интернет-кафе мчатся, как минимум, четыре. За ними, пища шинами, несется серый грузовичок с логотипом водопровода и канализации. Люди с изумлением поглядывают на него. Фургоны аварийных служб редко когда развивают подобную скорость. И еще, кто такое видел, чтобы спецы по лопнувшим трубам и подтекающим прокладкам ехали, словно полиция, с сиреной?

— И это все в нашу честь? — удивляется Станислава.

Сестренка не отвечает. Она пишет эсэмэску генералу, чтобы тот отозвал боевую тревогу. Это она чуточку пошалила в правительственной сети...

Моника Степанкович прикрывает глаза и осуществляет внутри себя оценку преподавателей. В принципе, все они совершенно нормальные. С двумя исключениями. Вообще-то, это одно исключение, но в двух лицах. Катаржина и Станислава. Девочка еще не знает их фамилий, но те ее не обманут. Слишком много радости во взглядах, когда они встречаются в коридоре. Следовательно, они как-то породнены. И эта родственная связь очень тесная; а к тому же, они еще и дружат. Словно сестры. И характерами они тоже должны быть похожи.

А теперь время проанализировать. У Станиславы на правой руке небольшое утолщение в том месте, где большой палец соединяется с кистью. Там развились избыточные мышцы, ответственные за сжатие пальцев. Понятное дело, довольно-таки хрупкого строения учительница боксом не занимается, зато без особого труда ее можно представить с саблей в руке. Наручными часами она не пользуется, только карманными. Похоже, привыкла. Когда желает более тщательно присмотреться к чему-нибудь, инстинктивно подводит руку к щеке.

Еще она носит корсет, это благодаря нему она держится так прямо. В то же время, шнурует она его не слишком сильно, любит дышать полной грудью. И ее одежда — пускай и элегантная, но, в первую очередь, обязательно удобная...

Вокруг нее расходится аура невольного уважения. Увидав ее, с мест поднимаются даже взрослые женщины. У хорошо воспитанных людей в крови записан инстинкт вставать с места, когда в комнату входит человек постарше... Так они проявляют уважение к его возрасту. Этот жест является общим чуть ли не для всего круга латинской цивилизации...

Итак: сабля, карманные часы, корсет... а попытка поправить очки? Глаза она должна была прооперировать, явно была близорукой. Неужели раньше она не могла позволить себе хорошие очки? Могла. Что же тогда? Выходит, эта забавная привычка появилась еще раньше, когда пользовалась моноклем или, что более вероятно, лорнетом.

Комплекс инстинктов сформировался у пани учительницы уже давно. Быть может, с того времени прошло лет сто пятьдесят? Она очень гибкая, ее движения очень быстрые. Кошачья грация и невероятная реакция. Женщина весьма блестящая, даже слишком. С такими способностями ей удалось прожить так долго. И еще одно. Хотя по-сербски она говорит и бегло, но акцент ужасно архаичный... Следовательно, язык она учила очень давно. Насколько давно? Нужно будет проверить? И еще два вопроса. Почему она выглядит всего лишь на двадцать лет? Крестик у нее на шее, на первый взгляд, серебряный. Каким же чудом он не прожег в ее коже дыру до самых костей?

Моника Степанкович выжила, благодаря умению безошибочно чувствовать угрозу. Опасные районы она способна распознать незамедлительно. За последние годы краковский Казимеж сделался более цивилизованным, но остался таким же опасным.

Только не для нее. Девушка идет по улице смело. Стоящее на страже в подворотнях жулье отступает в глубину. Все они сторонятся честной работы с деда-прадеда. Вписанный в самые глубины подсознания инстинкт еще никогда их не подводил... Сейчас же они чувствуют, что в их спокойный анклав прибыла смертельная опасность. Они прекрасно знают, что эта золотоволосая девонька опаснее, чем ватага разъяренных мусоров, прочесывающих дом за домом. Если бы она атаковала — они тут же бы смылись. Но она к ним не цепляется. Прогуливается, глядя на остатки еврейских букв на облезлых фасадах.

Наконец направляется к одному из домов. Из подворотни навстречу выходит Зенек, король этого квартала.

— Простите, пани, — заговаривает он пропитым голосом. Мужик страшно трусит, но испытывает какую-то ответственность за собственных дружков. Как-то надо от этой крали избавиться. — Мы бы предпочли, чтобы вы сюда не приходили...

Взгляд синих глаз просверливает его до самого мозга костей и жжет. У бандита есть и пистолет, вот только применить его он не осмелится. Еще пару минут тому назад он считал, будто бы достаточным будет всего лишь прогнать незнакомку. Теперь ему понятно, что это был бы шаг, по меньшей мере, неразумный. Бандюга многое чего пережил в своей жизни. На совести тоже много чего. Научился он и безошибочно распознавать противника. Издалека. Но теперь ошибся. Сейчас он чувствовал, как что-то сосет в низу живота, но считал, будто бы справится. Не думал он, что вблизи это выглядит столь страшно. А ведь милая девонька ничего не сделала. Всего лишь смотрит. А инстинкт Зенека вопит, словно сирена. Щетина, нарастающая лапы, ежится, словно у дикого зверя. Он мог бы попросту сбежать, но сама мысль о том, чтобы повернуться спиной к опасности, пугает бандита еще сильнее.

Дружки поглядывают из других подворотен настороженно, они явно боятся. У некоторых тоже имеется оружие, но подсознание говорит им, что это не поможет. Сейчас все они в ловушке. Абсолютно все. Если начнут стрелять, будет только хуже. Значительно хуже... А самое страшное то, что они ничего не понимают. Да и в принципе, чего тут бояться? Телка выглядит лет на шестнадцать. В теории, ей можно свернуть голову одним движением. Это в теории.

Предводитель молчит, но чувствует, как все внутри сворачивается в клубок. На подчиненных рассчитывать нет смысла. Если девчонка пожелает прикончить его у всех на глазах, никто из них и не шевельнется. Если же сам он сбежит, тогда конец его правлению. Его просто изгонят из квартала... Выходит, остается лишь вариант «б». Последний шанс. Зенек сует руку в карман. По коже пошли мурашки. Если девица подумает, что это он достает оружие, то прибьет его немедленно.

— У нас имеется такое вот предложение, — Зенек протягивает пачку банкнот по сто злотых. — Если бы вы могли пообещать...

Моника усмехается, после чего раздвигает губы и слегка высовывает язык. Бандит спешно прибавляет пачку такой же толщины.

— Я принимаю ваше предложение, — спокойно отвечает девушка. — Больше вы меня здесь не увидите.

Она без каких-либо эмоций сует деньги в сумку. Уходит. Ее сопровождают вздохи облегчения. Некоторые бандиты размашисто крестятся. Зенек сбегает в подворотню. В полутьме сидит старый еврей, один из последних оставшихся в живых обитателей Казимежа.

- И как? — бесстрастно спрашивает он.

— Ты был прав, — бормочет король квартала. — Блин, это же столько зелени ушло...

Его трясет. К счастью, никто, кроме еврея, его не видит. Но того тоже трясет. Быть может, от холода или от старости, но, возможно, по той же самой причине, что и Зенка.

— Ты радуйся, что она взяла, — тяжело падают слова старика. — И радуйся тому, что остался жить... Помню, как во время войны одна такая голыми руками прибила одиннадцать вооруженных эсэсовцев.

Воспоминание. Сам он видел это издалека. Но запомнил до конца жизни. Удары, наносимые со скоростью, практически незаметной для глаза. Нечеловеческая, чудовищная сила... Оторванная голова катится по мостовой, оставляя кровавый след. Девица дралась яростно, ломала руки, ноги, ребра... Она знала, что погибнет, но это только прибавляло ей сил. Она была безжалостная и смертельная. Словно голем. Прибила одиннадцать, ранила с пару десятков. Глядя на нее, он чувствовал себя точно так, как пару минут назад... Тот же самый крайний, звериный испуг.

— *Мешит*, — ругается он на своем языке.

Он давно уже забросил религию предков, но сейчас инстинктивно начинает бормотать древние еврейские молитвы, призванные отогнать злого духа...

Где-то неподалеку Моника садится в трамвай, ощупывает банкноты через ткань. Проблема оплаты за учебу решилась практически сама. Ну вот... родились другие. Но они знают. Они боятся. А человек, который очень чего-то боится, может стать безрассудным.

Постепенно она успокаивается. В Кракове более миллиона жителей. Ее не найдут. Впрочем, они наверняка и не станут искать. Храбрые и сильные они только в своем квартале.

В конце концов, девушка легонько усмехается. Вот что значит злая слава. За нее следует благодарить всем графomanам, создающим бульварное чтиво...

— Забота о всестороннем физическом и умственном развитии — это основной признак разумного существа, — звучит в спортивном зале голос преподавательницы.

Ученицы терпеливо стоят и слушают. Их любимая пани преподаватель способна иногда двигать подобные речи. Тут нужно лишь поддакивать и чуточку переждать....

— Вы только поглядите на себя, — голос переполнен упреком. — Стадо перекормленных гусынь. Горбитесь, ноги ставите криво, все девичьи прелести псу под хвост... Вот поглядите на свою одноклассницу...

Ей не надо говорить: на какую. Молодая сербка стоит вытянувшись, будто тростинка. Стопы стоят идеально ровно. Слушая преподавательницу, она немного склонила голову. При этом ее поза совершенно естественная. Как обычно. Мешковатые штаны от тренировочного

костюма маскируют ноги, зато сегодня на ней футболка с коротким рукавом. Руки и плечи тверды, кожа опалена солнцем. Они загорели гораздо сильнее, чем лицо. Возле запястья небольшой шрам.

Станислава окидывает учениц полным неодобрения взглядом.

— Ладно, — спокойно продолжает она. — Начнем снова с отжиманий.

Моника опирает ладони об пол. Ее руки кажутся тонкими и слабыми, но так только кажется. Девушка готова сразиться с преподавателем.

Все остальные девчонки в течение недели в выходные никак не тренировались, хотя преподавательница задавала это. Вновь половина отпадает при пятом отжимании. Десять, двенадцать, и вот остаются двое: учительница и сербка. Тридцать, сорок... Пятьдесят... По лицу девушки начинают стекать крупные капли пота.

— Достаточно, — Станислава поднимается. — Не станем терять целый урок, — она тоже запыхалась. Тридцать приседаний. И мигом.

В ответ раздается всеобщий стон...

Длинный перерыв длится полчаса. Этого достаточно, чтобы ученицы пообедали. И даже слишком много времени на то, чтобы поупражняться в выпадах саблей. Станислава подходит к делу с запалом. Вокруг цели она выстроила сложную конструкцию из лавок, стульев и лавочек. Сейчас умело скачет по пружинящим доскам. Выпады, обманные движения, защиты... Баторовка^[43] лежит в руке идеально. Несмотря на нестабильное основание, Станислава идеально удерживает равновесие, ей не нужно глядеть под ноги, чтобы безошибочно находить места, от которых можно отпрыгнуть. Немногочисленные специалисты, которые были бы в состоянии оценить ее искусство, наверняка бы терли сейчас глаза от изумления. Да, умение постепенно восстанавливается. Венгерский клинок уже три сотни лет не пил людской крови, и остается надеяться на то, что так уже и останется. А вот дубовый брус пострадал сильно. Еще пара тренировок, и нужно будет где-нибудь доставать новую колоду.

Звонок будильника. Пятнадцать минут прошло. Замести щепки, смыть с себя пот и усталость. И сразу же потом нужно бежать на уроки... А жаль. Станислава быстро демонтирует помехи. Деревянная колода и сабля, завернутая в платье, прячутся в шкафчике. Ключ в карман и бегом под душ. Преподавательница забегает в раздевалку для девушек. Три девицы сидят в уголке, списывают домашнее задание. Стася выгоняет их и запирает дверь на шпингалет.

В душевой темно, сгорела последняя лампочка. Но расположение помещений известно ей довольно хорошо. Хватит и того света, что попадает из раздевалки. Нужно только подложить что-то под двери, чтобы не захлопнулись. С полотенцем на плече девушка ныряет в сырой полумрак. В воздухе висит липкий пар. Волосы высохнуть не успеют, впрочем, особого значения это и не имеет. Сейчас тепло, сами высохнут.

В нос шибает запах косметических средств, мокрого цемента, цвели. Стася становится под душ и запускает ледово-холодную воду. По обнаженной спине пробегает дрожь. Внезапно вспомнилась турецкая баня. Хотя минуло столько времени, она до сих пор помнит цветастые плитки. Тогда баня казалась безопасным убежищем, где в темноте можно было выплакать все свои печали. Неужели и вправду прошло четыреста лет? Память и воображение сплетаются в единое целое. Шорох льющейся воды и капание слез молоденькой рабыни...

Подобного типа места ассоциируются с того времени с чем-то нехорошим, хотя сама

она и любит помокнуть под душем. Стася прикрывает глаза. Время замедлило свой бег. Невыразительные тени и воспоминания... Тогда она стояла под ручейком теплой воды, приложив острую дамасскую сталь к запястью. Вспомнилось, как родилась ярость. Она подросла, за несколько минут девочка превратилась в женщину. Женщину с Кресов, шляхтянку. Гордую, жесткую, вольную...

А потом... Взгляд, переполненный бескрайним изумлением, и кровь, пятнающая мрамор и смываемая водой.... Что, не ожидал, скотина жирная. Нож, украденный с мыслью о себе самой, пробил сердце самого султана. Первая смерть, удар, нанесенный в отчаянии, из ненависти. Он никак не ожидал, только потому и удалось... Лишь после этого пришел полный покой.

Бегство... Безумное, невозможное, сотни верст сквозь враждебную страну. Долгий путь, отмеченный телами палачей. С той поры много раз приходилось выбирать между смертью: своей или чужих. И всегда она принимала самое правильное решение. Она шляхтянка с Кресув. Беда тому, кто заступит ей дорогу.

Стася стоит под душем. Слишком долгое обливание холодной водой ослабляет тело, зато закаляет тело. Прибавим немножечко горячей. Дух уже закалился, пора укрепить тело. Струйки воды стекают по обнаженной коже. Один только старинный турецкий стилет в кожаных ножнах украшает ее щиколотку. Жизнь научила, что даже в бане нельзя забывать о безопасности...

Шелест воды... и тут же иной, чужой звук. Что-то шумит в трубах. Неужто кто-то из учениц задержался? Невозможно. И все же. Тихое шлепание босых стоп в лужах воды. Это не ученица. Двигается слишком быстро и слишком уж быстро находит дорогу в темноте. Воображение подсовывает образ тигра, искусно продвигающегося во мраке. Черт... Нет, это не дикая кошка. Человек. Суданский колдун, анималист, разбудил в себе зверя. Перенял его черты, силу и инстинкты. На руках наверняка перчатки со стальными когтями. Страшное оружие, если уметь им пользоваться. Они мастера в этом.

Стилет в ладонь. Быть может, кому-то и удастся напасть, но кто-то за это и заплатит. Жизнью. Стася скачет в темноту. Шлепки стоп все ближе. Пришли за ней... Девушка, притаившись, ждет за углом. Если дадут очередь из калашникова — она не выживет, но имеется шанс, что ее хотят зарезать втихую. Станислава наносит удар. Вслепую, но она чувствует, что кто-то перед нею есть. Клинок высекает искру, столкнувшись с другим клинком. Неприятель блокирует выпад. Чудовищный рывок лишает девушку оружия. Нож падает на мокрый бетон. Так что сейчас она голая и беззащитная. Отступить на шаг. Противник прямо перед ней. Две толстые деревянные шпильки, как всегда поддерживающие ее изысканную китайскую прическу, все еще в волосах. Стася молниеносно хватается за них. Внутри каждой тонюсенький клинок из самой лучшей инструментальной стали. Острый словно бритва. Держа шпильки в руке, шляхтянка ждет удара. Взглядом она все так же пытается пробить темноту. Кто на нее напал?

Идиотизм, пережить четыре сотни лет и позволить себя зарезать в душе... Очень давно она пообещала себе, что живьем ее не возьмут. Пообещала себе, что тот, кому, в конце концов, удастся ее победить, обязан понести такие потери, которые серьезно отравят радость победы. Станислава ждет. Издали раздастся шлепание босых ног на кафельных плитках. Противник бежит. Нет, не бежит. Отходит. В мраке душевой уже не чувствуется постороннего присутствия. Пригодился бы фонарик, но стилет можно попробовать отыскать даже без него... Он звякнул где-то слева. Девушка ищет под стеной. Есть. Замечательно

вновь почувствовать рукоять в руке... Где-то вдаль хлопает дверь раздевалки.

На клинке пальцем нащупывается щербина глубиной миллиметра в три. А ведь это превосходная дамасская сталь XVII века... Из чего же выполнено оружие неприятеля? Она ведь ударила в клинок, а не по шлифовальному камню...

Катаржина Крушевская сидит за письменным столом. Ученики стучат по клавишам компьютеров. Новая ученица тоже усердно работает. У нее все идет медленнее по сравнению с остальными, похоже, это из-за проблем с языком. Говорит по-польски она хорошо, но вот достаточной беглости еще нет. Некоторые программы ей известны, но их новых версий она не освоила. Только это и так настоящее чудо, в разрушено войной стране у нее не могло быть достаточно возможностей для учебы... Иногда что-то идет не так. Когда девочка поднимает голову, ища взглядом помощи, Катаржина подходит и терпеливо показывает, что и как... В отношении остальных учениц она как-то не может проявить столько понимания. Быть может потому, что молоденькой сербке достаточно показать только раз, чтобы та все запомнила, а вот полякам можно талдычить раз десять, а они так ничего и не поймут...

Учительница исподлобья наблюдает за классом. Моника Степанкович оделась, как обычно, в джинсы и полотняную мужскую рубашку военного покроя с карманами. Рубашка удобная, зато прекрасно стирает очертания ее фигуры. Одежда совершенно не подходит девушке. Волосы она связала кусочком ремешка. Катаржина пытается представить девушку в другой одежде. Синее платьице, подчеркивающее золотистый цвет волос и ассоциирующееся с цветом глаз, а к этому — еще и диадема на лбу... А ведь девчонка выглядит словно принцесса из сказки. Ей всего лишь нужно по-другому одеться. Наверняка у нее туго с деньгами. Можно было бы ей чего-нибудь прикупить, вот только как? Обидится же...

Краем глаза Моника глядит на учительницу. Катаржина вспоминает о своей кухне. Та безошибочно применяет психологию. К каждой ученице относится иначе. Она знает, когда достаточно лишь грозно глянуть, а когда и куском мела бросить. Знает, что и на кого действует лучше. Катаржина и сама справляется, но ей этому пришлось учиться, в то время, как у Станиславы эти знания просто врожденные. По-своему обе преподавательницы в этом плане похожи, и в то же самое время — сильно различаются. Преподавательница языков явно не вписывается в эпоху, зато информатичка современна до боли.

Учительская не самая большая. Здесь запрещено курить, а вот запах кофе буквально пропитал стенки. Мебель здесь новая и солидная, но чего-то неуволимого ей не хватает. Да,

глядеть на нее приятно, но восхищения нет.

— Думаешь, это она? — общение с агентами ЦСБ вызвало, что у Катаржины крайне аналитический подход к действительности.

— А кто другой? — хотя прошел час, Стася все еще оживлена. Адреналиновый удар, как и обычно, пошел на пользу. — Или допустим, что одна из наших дурочек не сделала домашнего задания, вот и решила в связи с этим ликвидировать причину своих хлопот, убивая любимую учительницу.

— Бредишь, подруга...

— Знаю. Но она... А ты знаешь, что она может сделать пятьдесят отжиманий?

— Есть такая римская поговорка, говорящая, что виновен тот, кто из всего случившегося получил выгоду...

— *Is fecit, cui prodest*, — услужливо подсказала Станислава.

Что тут скажешь, она росла в те времена, когда знание латыни было практически всеобщим... Станислава же всегда старательно заботилась о своем образовании.

— Вот именно, — вернулась ее кузина к сути дела. — Какая у нее должна быть цель? Она ведь не сумасшедшая... Я бы узнала, занятия по психологии у нас были.

— Ее наслали.

Ответом были возведенные к потолку глаза.

— Дорогуша, у тебя резкий приступ паранойи. Допустим, что и вправду появился какой-то новый Орден Святого Освобождения, или как там он еще назывался. Поначалу им нужно было тебя локализовать. А как только уже выследили, где ты скрываешься, под душик послали бы не сербскую девчонку шестнадцати лет с ножом, а стукнули бы тебя топором по голове, когда ты шла бы через подворотню или переехали бы машиной. А что более вероятно, обездвижили бы тебя каким-нибудь паралитическим газом и отвезли бы в какую-нибудь шикарно обставленную лабораторию для вивисекции....

Станислава успокаивается, остывает. Адреналин уже не мешает ей думать.

— Так кто же на меня напал?

— Она. Но вот вопрос ты поставила совершенно бессмысленный.

— И все же.

Катаржина стучит кузину по плечу.

— Соберись. Ты принимала душ. Все остальные девчонки давным-давно переоделись и убрались к черту. По крайней мере, ты так считала.

— Ну да. Не стану же я при ученицах светить голым задом...

— Нужно было взять купальник. Твои подопечные, похоже, ими пользуются. Иногда стоит чего-нибудь подсмотреть и у последующих поколений.

— Быть может, ты и права.

Станислава приходит к выводу, что это и правда неплохая идея. Но почему это ей самой не пришло в голову?

— Ну вот, сидишь ты на темную, плещешься под струями водички. И тут в душевую заходит Моника. Похоже, она тоже не любит светить голой попкой, или у нее попросту нет купальника? Вот она и подождала, пока остальные не уйдут. В темноте вы сталкиваетесь. Ты хватаешься за нож, она хватается за нож. Чудо, что одна другой кровь не пустили...

— Хммм... быть может для тебя и нет ничего удивительного в том, что шестнадцатилетняя девчонка идет под душ с косарем в зубах?

— Не хочу показывать пальцем на училку двадцати с лишним лет, которая плещется

гольшом. Ой, простите, не обнаженной, ведь закрепленные на щиколотке ножны это уже элемент купального костюма...

— Я — это я, — сдавленное фырканье. — Меня жизнь научила.

— Знаю. — Катаржина гладит косу, в сплетениях которой спрятан двадцатисантиметровый клинок. — Норов у каждой из нас свой. Ты живешь долго и сделалась преувеличенно осторожной, у меня же была интересная работа, в ходе которой я прошла, скажем, курс охраны труда. Нашей же дорогой Монике повезло жить в Косово. Если ты не знаешь, это такое местечко, где сначала сербы резали албанцев, а потом карта легла наоборот, и их всех самих вырезали. Так что меня ну никак не удивило бы, если бы это дитя ходило пописать в кусты с автоматом конструкции инженера Калашникова через плечико... А факты таковы, что ты пыталась прирезать ученицу, и по счастливому стечению обстоятельств тебе не удалось... Желтая пресса в штаны бы наделала от счастья. Голая учительница в школьном душе разделяет ножом голую шестнадцатилетнюю девицу. Из этого, дорогуща, ты бы не вывернулась.

Станислава закусила губу. Кузина попала в самую точку.

Очередной урок, польский язык. Преподаватель — юный энтузиаст, только-только после университета. Моника уселась на третьем ряду, но тот высмотрел ее сразу же.

— Сейчас мы перерабатываем литературу древней Греции, — обратился он к ней. — Что-нибудь на эту тему тебе известно?

Перерабатываем? На что, интересно?!

— Ну, я много чего читала, — скромно улыбается Моника.

В то же самое время она чувствует легкую панику. Существуют произведения, в которые она не заглядывала лет с тысячу, содержание их позабыла, так что, если заставит ее отвечать, хана...

Филолог вздрогнул, услышав странный акцент, похоже, никто его не предупредил, что будет обучать иностранку.

— Пока что мы оговаривали «Илиаду» и «Одиссею». Ты эти произведения знаешь?

— Да, — облегченно вздохнула она.

— Ты можешь сказать нам, как начинается «Илиада»?

— *Menin aeide, thea, Peleiadeó Ahileos
oulomenen, e muri Ahaióis algē etheke,
pollas d' ifthimouspsuhas Aidiproiapsen*

erdon, autous de 'eloria teuhe kunessin... — начала декламировать Моника по-гречески.

Похоже, он имел в виду что-то другое^[44]. Последующие полчаса девушка провела довольно-таки мило. Учитель спросил еще двух учениц, затем продиктовал тему урока и начал обсуждать греческий театр. Моника слушала его одним ухом, задумчиво перелистывая учебник. Его писал какой-то идиот. Понятное дело, что программа лицей не может включать абсолютно всего, но пропуски очевидны. Имеется обширная глава, посвященная древнегреческой литературе, зато о древнеримской — лишь упоминание. Этруская

литература для автора — это сплошная terra incognita — хотя ведь хоть какие-то произведения известны по латинским разборам. Об Александрии автор знал лишь то, что там имелась библиотека, но вот где литература птолемеевского и римского Египта?! Этот писака, похоже, совершенно не понимает того, что после упадка Рима в Византии еще тысячелетие продолжалась славная литературная традиция Империи! Хммм, или здесь историю делят на какие-то другие периоды?

Моника перелистывает еще с десяток страниц, добираясь до средневековья. Ее подозрения подтверждаются. Византии как не было, так и нет, о расцвете в тот период классической армянской и грузинской литератур в тот период здесь явно никто не слышал, более того, здесь не хватает и громадных пластов наследия Запада. О норвежских и исландских сагах лишь коротенькое упоминание, стихи, создаваемые ганзейскими купцами, вообще пропустили...

Урок дошел до конца. Учитель задал прочитать дома стихи Сафо, которую здесь называли Сафой. В учебнике Моника их уже просмотрела. Из наследия психопатической лесбиянки сложно выбрать что-либо нейтральное — но автор приложил все старания...

Имя поэтессы пробудило в Монике воспоминания. 1073 год, маленькая мощеная площадь, куча горящих книг и папирусных свитков. По приказу римского папы Григория VII огонь пожирает наиболее непристойные произведения античных писателей...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Моника Степанкович любит до сих пор неизвестные ей места. В Кракове она впервые в жизни. В детском доме невозможно высидеть, там не с кем поговорить. Абсолютно не с кем. Так что: льготный дневной билет за четыре с половиной злота — и в автобус. Центр Кракова кажется ей очень интересным, Казимеж отпадает — систему нарушать нельзя. Знакомство с городом она начинает с периферии. Чтобы добраться до конечной остановки на жилмассиве Злочень ей требуется около сорока минут. Девушка высаживается и с любопытством осматривается.

Автобус будет стоять здесь пятнадцать минут, но если ее что-нибудь заинтересует, можно и не спешить. Следующий приедет через час. Как ей кажется, округа слишком даже цивилизованная. Трубы теплоэлектростанции, современный, довольно-таки уродливый район... Но кое-что имеется: обширный луг, на котором пасутся лошади. Издали чувствует она их теплый запах. Где-то внутри нарастает тоска. Моника и не знала, что в этом городе есть такие уютные местечки. Пора сматываться, но сюда она еще наверняка подскочит. Как-нибудь в другой день. Может завтра? Точно, нужно ведь как-то смягчить дело стычки под душем...

Моника возвращается тем же самым автобусом. Она скромненько присела на краешке сидения. Сейчас она единственная пассажирка. Водитель, пожилой и седой мужчина, поглядывает на нее сочувственно. Нечасто ему случается видеть таких милых и симпатичных девушек.

— А вот оделась ты глупо, — говорит он. — Надела бы голубое платье, походила бы на

принцессу из сказки...

Моника улыбается и ему, и своим мыслям. А кто сказал, будто бы она не принцесса^[45]?

Без четверти восемь. Первые ученицы уже в школе. Директор вышел на крыльцо и хозяйским глазом глядит на спешащих к источнику учености девиц. Со стороны автовокзала подошли две новые преподавательницы. Они тащат сумку, запаханную чем-то мягким. Наверняка купили что-то новенького у украинских контрабандистов. Вручную вышитая скатерть? Директор облизывается про себя, вспоминая про то грузинское винцо, которое они пили в честь начала учебного года...

Вообще-то, несмотря на имевшиеся предубеждения, он полюбил их обеих. Станислава казалась в чем-то не от мира сего, но ее результаты обучения сильно подействовали и на него самого, и на родителей учениц. Она и вправду умеет и любит преподавать. Личность у нее достаточно сильная, но в садизм не скатывается. Девушка справедливая и суровая, но если нужно, она способна проявить жалость, доброту, сочувствие. Сегодня таких педагогов уже не делают... Судя по следам в литературе, все они вымерли еще в двадцатилетие между мировыми войнами.

Ее кухня, а родство не вызывает никаких сомнений, тоже штучка не из простых. Ведь в принципе, она просто шантажировала его, чтобы занять эту должность, но довольно скоро и с облегчением директор открыл, что и она обладает такими достоинствами, которые у учителей редко можно встретить... Что она творит с компьютерами, просто в голове не укладывается. Школьный телевизор тоже отремонтировала без труда, даже вилки с розетками для нее не проблема. Истинное сокровище. Нет, этих девчат он не отдаст никому. Даже если и придется повысить им зарплаты... Черт, ну почему же педагогические таланты рождаются настолько редко?

Проходя рядом, те приветствуют его. Девушки настолько радостны, что директор от зависти даже вздыхает. Потом глядит на часы. До восьми еще двенадцать минут... Он является серьезным менеджером, так что обязан выглядеть соответственно занимаемому положению. Прекрасный украинский хронометр устроила для него Станислава. Выглядит словно самый настоящий «ролекс» из ограниченной серии, корпус цветом похож на титан, но часы стоили всего двенадцать злотых. И пока что идут прилично. Пришлось поменять только батарейку: украинцы пока что не умеют их хорошо подделывать^[46].

Из карманка пиджака выглядывает колпачок авторучки «waterman». Позолота в форме листков клевера уже чуточку потерялась, но Станислава обещала устроить другую, как только подвезут партию. Жалко только, что у остальных учителей точно такие. А как иначе, если новая учительница продавала их всего по шесть злотых...

Ученицы, как правило, подходят группками. Издали заметен солнечный отблеск. Но это не отражение в стекле, а прическа золотоволосой сербки, спешащей на занятия. Бедная сиротка, к счастью, как-то акклиматизировалась. Шлифует язык, много читает, справится... Вполне возможно, даже войдет в число четырех лучших по всей школе, освобожденных от оплаты за учебу. Ведь явно же у девочки с деньгами не густо...

Деликатный стук в классную дверь. Станислава как раз заканчивает вешать карту. Кто это может быть? Ученицам прекрасно известно, что до звонка их не запустят. А директор никогда не стучит, заходит без предупреждения.

— Входите.

Моника.

— Можно на минутку? — чужой акцент в ее голосе очень выразителен.

— Заходи, пожалуйста, — переход на сербский дело одной секунды. — Чем я могу тебе помочь?

Девушка тщательно закрывает дверь. Оп-па, заскочила, чтобы завершить неудавшуюся попытку убийства?

— Я хотела бы перед вами извиниться, — сербка опускает свои синие глаза.

— За что?

— Это я вчера, в душе... Думала, что никого нет, и как-то так вышло, — она краснеет. — Я испугалась...

— Вообще-то, это мне нужно просить прощения, — вздыхает преподавательница. — Но я тоже перепугалась. Ты всегда идешь купаться с ножом в зубах?

Кивок: нервный, стыдливый.

— Я подождала немного, не хотелось раздеваться при всех... — объяснение убедительное.

Моника говорит правду.

— Я понимаю. Но здесь нечего стыдиться, здесь это более-менее нормально. Не обязательно же заходить под душ совершенного обнаженной... Если у тебя нет купальника...

В глазах девчонки сверкнули веселые чертики.

— Купальник имеется, — не краснея, врет она. — Но этого он не прикроет...

Быстро расстегивает блузку и раскрывает верхнюю часть тела. Маленькие, зато красивые девичьи грудки в толстом, хлопчатобумажном лифчике. Худоба, ключицы выпирают. А ниже, над самым бюстом зеленоватой тушью вытатуирован балканский герб и фрагмент литании глаголицей^[47]. На золотой цепочке болтается небольшой золотой медальон...

— Нннда. И правда, — кивает Станислава. — Я понимаю.

Княжна Моника исподлобья наблюдает за классом. Девушки не кажутся ей особенно интеллигентными. Конформистки, они зубрят материал, только для того, чтобы их ответы удовлетворили учителей. Интересно, а как у них с пониманием смысла... Урок географии

тянется медленно. Сегодняшний урок связан с движением планет; в этом княжна плавает, потому слушает с интересом.

Химия тоже штука интересная. Учительница, чтобы приблизить некоторые проблемы ученикам, каждый четвертый урок посвящает истории этой науки. Моника рада, ее интересует проблема радиоактивности, хотелось бы чего-нибудь узнать о Марии Склодовской-Кюри, причем здесь, у самого источника... А фигурки^[48]. Сегодня преподавательница решила рассказать детям о далеком прошлом и о началах современной химии...

— Для начала, небольшой эксперимент, — улыбается она ученицам. — В ходе своих мошеннических экспериментов алхимики часто показывали два вида фокусов. Сейчас я вам их представлю.

В небольшой стеклянный стакан она налила жидкости из бутылки. Затем взяла стальной пруток.

— Жидкость, превращающая обычный металл в золото, — пояснила она. — Ну что, к делу...

Она погрузила пруток в стакан и начала им осторожно перемешивать жидкость. Когда его вынула, конец на отрезке около пяти сантиметров сиял желтым цветом. Пани профессор^[49], видя изумленные мины девочек, слегка усмехнулась.

— У кого-нибудь из вас имеются догадки, как я это совершила?

Моника поднимает руку.

— Мне кажется, концевка прута была покрыта золотом, — у девушки были проблемы с подбором соответствующих слов, — потом вы затагнули золото ртутью, чтобы по цвету она походила на остальной пруток^[50]. В стакане же должна находиться очень сильная кислота. Ртуть растворилась и открыла благородный металл.

— Отлично, — учительница раскрыла журнал.

Отличная оценка? Ну да, шестерка у них наивысший балл. Моника довольно улыбнулась. Оценки в принципе не играли для нее особого значения, но ведь приятно их получать.

— Подобное осуществляли и другим способом, — сообщила химичка. — Чеканили монету из золота, но по образцу серебряной, уже ходящей в обращении. После того забеливали обе стороны ртутью, чтобы она притворялась обычным талером. И снова сильной кислотой удаляли верхний слой, открывая благородный металл. Второй опыт обладает довольно гадким запахом, но тоже любопытный... Берем философский камень... — ложечкой она выбрала из бутылочки немного красных кристаллов. — Растворяем его в алкагесте — так алхимики называли универсальный растворитель...

Из банки она долила ужасно пахнущей жидкости и тут же включила вытяжку. Перемешала, чтобы все хорошенько растворилось.

— И вот теперь в таком образом приготовленный раствор кладем стальной предмет.

Учительница берет ключ от лаборатории, быстренько протирает его ваткой, смоченной

в соляной кислоте; бросает в лабораторный стакан и оставляет его на подоконник.

— На предыдущем уроке мы говорили о самых началах химии, сегодня же перейдем к временам, которые чуточку ближе к нам. Итак, мы имеем самое начало XVII века, в герцогстве Вюртембергском правит герцог Фридрих, недовольный своим положением и прекрасно, для тех времен, образованный тип. По слухам нам известно, что он увлекался геологией, картографией, биологией, вообще был очень начитанным. И надо же такому случиться, что разум его забрел в дебри герметизма, как тогда называли алхимию. В Гросс-Заксенхайме он приказал построить целый городок, куда привлек алхимиков и лаборантов чуть ли не со всей Европы, обеспечив им прекрасные условия труда, но взамен требовал только одного: вырвать у природы тайну философского камня, который сделал бы его богатейшим повелителем мира.

— Амбициозный тип, — заметила одна из учениц.

Учительнице пару минут пришлось умирять приступ веселья, после чего она вернулась к рассказу:

— Герцог не считался с расходами, но за своими подопечными тщательно следил и платил им только по результатам их работ. Тех, кто был раскрыт как мошенник, без жалости бросал в тюрьму. И вот тут-то к его двору прибыл ужасный хитрец, Григорий Гонауэр. Этот махинатор предложил правителю по-настоящему крупное дело: не больше и не меньше как превращение в золото двадцати пяти центнеров железа.

— А сколько это: центнар? — спросил кто-то с задних рядов.

Учительница запнулась.

— Прусский центнар — это около пятидесяти килограммов, — пояснила Моника. Хорошо, что она повторила польские числительные. — В Саксонии, понятное дело, были и свои меры веса, но весьма схожие.

Девушка получила плюс за активность на лекции. Надо будет потом расспросить одноклассниц, у чему этот плюс.

— То есть, на этой транзакции герцог получил бы где-то с полторы тонны чистого золота^[51], - продолжила тему химичка. — Но Гонауэр должен был доказать, что он и вправду способен провести трансмутацию. Особого труда это не потребовало. Он приказал приготовить огромный котел. После того туда напихали всяких железяк и свинца, разожгли сильный огонь. После того алхимик посыпал содержимое котла щепоткой таинственного порошка, затем всех из мастерской выставили, тщательно закрыв и опечатав дверь. Через сутки печати сорвали, а на дне котла нашли золото, причем, довольно-таки высокой пробы.

— Как он это сделал? — спросила Гося, приятная брюнетка с мелкими кудряшками волос.

— Очень просто. Гонауэр оставил в лаборатории мальчишку, спрятанного в стоявшем у стены сундуке. Когда все ушли, мальчик опорожнил котел, добавил золото и снова спрятался. В любом случае, герцог, довольный тем, что наконец-то ему повстречался настоящий алхимик, начал давить на гостя, чтобы тот брался за работу с железом... Гонауэр выкручивался, как только мог, и, увидав, наконец, что терпение герцога практически закончилось, смылся, забирая с собой дружка по алхимической деятельности, которому тоже грозила демаскировка. Вот только маршрут они выбрали не совсем удачный, поскольку прибыли ко двору графа Зигфрида фон Шамбурга в Ольденбурге. Граф, огромный поклонник алхимии, содержал у соседа собственную разведывательную сеть, благодаря чему, до него дошли слухи о способностях беглеца. Он приказал бросить его за решетку и

подвергнуть пыткам, чтобы тот раскрыл секрет производства тинктуры... Только Фридрих, который тоже содержал у соседа шпионов, узнал об этом и потребовал вернуть ему беглецов. У графа не было выхода...

— То есть, все закончилось хорошо, — вздохнула одна из сидевших под окном девиц.

— Как сказать... Герцог приказал отлить из собранного железа виселицу и повесил на ней Гонауэра. За несколько последующих десятков лет на ней повисло еще несколько алхимиков...

Через пару минут прозвенит звонок. Учительница взяла с подоконника химический стакан и вынула из него ключ. Жидкость бесследно испарилась, зато сталь заблестела золотым цветом.

— Может мне кто-нибудь объяснить, как я это сделала? — спросила она, с превосходством глядя на своих подопечных.

Никто не отозвался, одна только Моника подняла руку.

— Прошу...

— Это уже не было гальваническое покрытие, — во время урока сербка в учебнике подбирала нужный словарный запас, так что ответ прозвучал без запинок. — Красный порошок — это, похоже, нитрат или хлорид золота. Вы растворили его в чем-то очень летучем, судя по запаху — в медицинском эфире. Прошла реакция разложения, хлор и эфир испарились, а металлическое золото тонким слоем выпало в осадок на стали^[52].

Вторая шестерка. Совсем неплохо для первого урока. Еще пару дней и, возможно, она станет любимицей учительницы.

Физико-химическая лаборатория — местечко весьма даже симпатичное. В застекленных шкафах дремлют различные аппараты. Керамические подложки, горелки, реактивы... В воздухе еще стоит легкий чад после утренних опытов. На столе счетчик Гейгера.

— Ну что, за дело, — тихонько сказала Станислава.

— Ты когда-нибудь уже делала это? — в голосе Катаржины слышен легкий скепсис. — Я понимаю, философский камень, но трансмутация металлов как-то противоречит базовым законам физики...

Сестренка снисходительно глянула на нее. Именно в такие моменты Катаржина буквально чувствовала разделявшую их пропасть времен.

— Дорогая, на моем примере ты видишь результат действия этой субстанции, но никак не можешь поверить в столь банальную вещь, как превращение свинца в золото?

— Да ладно, за дело так за дело, — ответила та несколько нервным тоном.

У них был уже приготовлен небольшой металлический тигель и щипцы. Собственно говоря, ничего больше и не было нужно... Станислава сняла с шеи серебряный крестик, что висел на солидной, стальной цепочке. Одно из плеч креста выкручивалось. Внутри покоилось с полтора десятка красных кристалликов. Девушка пинцетом выловила один из них, тщательно завернула тайничок и повесила крестик на шею.

— Что, этого достаточно? — у кузины все еще оставались сомнения.

— Один грамм философского камня облагораживает тысячу частей металла, — рассеянно ответила Стася. — Понятное дело, можно положить побольше свинца, но тогда золото выйдет загрязненным...

— А из меди, к примеру, можно? — заинтересовалась Катаржина.

Кузина забросила в тигель пять граммов свинца.

— Металл может быть любым, но наилучшую производительность получаем, трансмутируя свинец. Железо и никель проявляют серьезное сопротивление, тинктуры нужно больше... Тогда пропорция составляет один к приблизительно ста пятидесяти. Ну что, расплавилось?

— Да, — Катаржина пошевелила тиглем. На его дне перекатывалась крупная капля серебристого металла.

— Тогда гляди, — Стася опустила кристаллик на горячую поверхность. — Теперь помешай, он должен хорошенько разойтись.

Катаржина, держа тигель щипцами над горелкой, начала его вращать.

Серебристый цвет металла потускнел, появились красноватые нитки, потом капля начала желтеть, пока не сделалась золотистой.

— Еще немножко, — сказала кузина, морща нос. — Ага, хватит.

Они погрузили тигель в воду и через минуту вынули золотую бляшку.

— Настоящее колдовство...

— В каком-то смысле ты права...

Она положила на стол золотую царскую пятирублевку. Государь Николай II спокойно глядел в светлое будущее. Рядом с его изображением лег кусочек искусственного золота. Теперь счетчик Гейгера...

— Аномалий никаких, — заметила Катаржина, измерив излучение монеты. — Теперь поглядим, как это... Есть отклонение.

— Так мы создали радиоактивное золото?

— Да не перегибай ты палку с этой радиоактивностью... Всего лишь полтора фона...

— Мне это ничего не говорит...

— Фон — это нормальное излучение среды, которой нас окружает. Из центра Земли оно направляется со стороны почвы, падает нам на голову из космоса. Его значение определяется как единица. Оно безвредно. У гранита излучение около тройки.

— То есть, наше золото...

— Опасным его не назовешь, но от обычного отличается. Наверняка следовые примеси какого-то изотопа. Блин, твой философский камень, скорее всего, действует так, что выбивает из ядер свинца определенное число протонов... В периодической системе элементов свинец стоит под номером 82, а золото — под 79... То есть, высвобождаются три... То есть, побочным продуктом будут ядра гелия или водорода. А не лития ли? Хмм...

— Для меня это слишком сложно, — вздохнула ее кузина.

— А это хорошо, что можно будет различить... Теперь нужно придумать, как все это можно использовать, чтобы нацелить Сендживоя.

— Давай поговорим о нем, — просит Катаржина. — Мне нужно создать психологический портрет. Он сможет помочь нам в его поисках.

— Ну, ты уже многое знаешь.

— Это так, — просмотрела та заметки, — но провалы имеются. Например, каким он

был, как относился к друзьям, были ли у него вообще друзья?

Станислава прикрывает глаза.

— Для друзей он был готов сделать все, — говорит она наконец. — Как сейчас вспоминаю дело Сетона...

Александр Сетон (анонимный художник)

— Кто такой Сетон?

— Александр Сетониус, у нас была мода пользования фамилиями, которым, ради лучшего звучания, придавали латинские окончания... Жил он, вроде бы, в Уэльсе, в небольшом имении на берегу моря. Как-то раз шторм выбросил на скалы неподалеку от его дома голландское судно. Сетон собрал слуг и поспешил на помощь потерпевшим кораблекрушение; всем им удалось спасти товары и купца, владельца этого корабля. В знак благодарности купец пригласил валлийца к себе, в Голландию. Как только Сетон попал в аристократические салоны, он сразу же начал выставлять себя, демонстрируя несколько алхимических экспериментов. Как правило, он выбирал самых неверующих Фом и наглядно показывал им трансмутацию металлов. При этом он сам прекрасно забавлялся и вручал таким людям на память кусочки произведенного им золота. С Сендзивоем он встречался несколько раз. Один раз, наверняка, в Нидерландах, — инстинктивно она применяет устаревшее название^[53]. — Потом в Чехии, при дворе короля Рудольфа II.

— Об этом я слышала, — усмехается Катаржина. — Похоже, он был бо-о-ольшим приятелем вашей науки.

— Это так. Хотя пару раз и позволил себя наколоть разным мошенникам. Сендзивой м Сетон представили ему трансмутацию металлов и некоторые другие опыты. Император остался впечатлен. Вот только, в конце концов совершил промах, причем, весьма неприятный. Он выехал в Дрезден, ко двору Кристиана II, саксонского электора... Повелитель этот был молодым и вспыльчивым. Его дед, герцог Август, совместно с сыном потратили состояние на содержание при дворе целого стада алхимического жулья. Заняв трон, Кристиан погнал всю эту свору поганой метлой, алхимию он, похоже, вообще презирал... И на тебе такой случай, что Сетон любил хвастать. Он прибыл в Дрезден и продемонстрировал всем, кто ему не верил, трансмутацию...

— И как все это понравилось Кристиану?

— К сожалению, даже слишком. Он с места поверил в могущество алхимии, которую ранее игнорировал. Посадил Сетона за решетку, а для того, чтобы тот выдал секрет тинктуры, подверг его пыткам. Из ловушки удалось вырваться лишь Терезе.

— Терезе? — переспросила Катаржина.

— Да, в Чехии Сетон женился на очень милой, небольшого росточка, весьма живой девице. Так вот, она отправилась в Краков, к Сендзивою, просить того помощи. К тому же она выслала письма императору, чтобы тот предпринял какие-то дипломатические шаги. Сендзивой посчитал, что нечего терять времени. У еврейских банкиров он заложил дом и с приличными деньгами отъехал в Дрезден. Там он предложил электору, что попробует как-нибудь повлиять на пленника и убедить его прекратить сопротивление. Еще он взял с того обещание, чтобы пытки были прекращены. Несколько раз он приходил в тюрьму и оставлял стражникам богатые подарки, чтобы те не оставляли Сетона вниманием... Он быстро со всеми там подружился, поэтому, когда однажды вечером он устроил пьянку в комнатах начальника тюрьмы, на приглашение откликнулись все. В качестве выпивки Сендзивой выставил несколько кувшинов превосходного венгерского [\[54\]](#). Все выпили хорошенько, заснули, он же забрал ключи, освободил приятеля, усадил на коня, и оба поскакали в сторону недалекой границы. Когда стражники пришли в себя, беглецы опережали их часов на восемь.

К сожалению, Сетон очень плохо вынес пытки и многодневное, форсированное бегство. Когда они уже добрались до Кракова, сам он чувствовал себя крайне паршиво, и где-то через месяц, несмотря на весь уход со стороны жены и приятеля, скончался. На смертном ложе он передал Михалу секрет производства тинктуры и взял обещание, что тот женится на Терезе... Так все и случилось.

Ранней осенью около восьми вечера бывает совсем даже темно. Если же день дождливый, темнота окутывает город еще быстрее. Княжна Моника Степанкович сидит в общественной библиотеке. Необходимо очень многое усвоить, пока что учителя глядят на это сквозь пальцы, но вскоре начнут проверять ее знания более тщательно. Так что следует быть подготовленной получше. Льготный тариф будет действовать еще с пару недель... Стоило бы постараться попасть в группу учеников, освобожденных от оплаты. Полученных в Казимеже денег хватит месяцев всего лишь на семь...

Девушка вздыхает. Прочитать необходимо еще ой как много, а библиотеку, как на злость, закрывают в восемь... Моника поднимается с места, отдает книги у стола обслуживания читателей. Библиотекарь проводит ее взглядом, вздыхает про себя. Из библиотечной карточки следует, что девушке шестнадцать лет. Ему самому, к сожалению, уже тридцать пять. Был бы он чуточку помоложе, не было бы у него жены и троих детей... Нет. Даже бы и тогда. Чувствует он в ней что-то странное. Нечто, из-за чего волоски на коже становятся дыбом. Идиотское, иррациональное впечатление.

Дождик только что закончился. По небу ветер гоняет темные тучи, прилично похолодало... Княжна поежилась. На ее родине было теплее. Нужно будет купить себе теплый свитер. Деньги ведь имеются.

На улицу выходит подворотня: темная, гадкая и вонючая. В ней спрятались два качка. Они уже выпили, ровно столько, чтобы появилось желание устроить с кем-нибудь разборку. Изнасилование светловолосой девчонки может стать чудным началом вечерних походов.

Жулье в первом поколении. Нет в них еще инстинкта «кажмирских пацанов». Подсознание ничего им не подсказывает. Не остерегает...

Моника идет, собравшись. Она их чувствует. Они не опасны. Не для нее. Огнестрельного оружия у них нет, сами они верят мышцам, выращенным в «качалке», и внешнему виду троглодитов. Мутанты на стероидах, на которых напялили блестящие треники и кроссовки «адидас». Шушера, по иронии судьбы и истории, начавшая проживать в центре города.

Сама-то она справится. Только ведь эта парочка представляет собой угрозу для других. Замечательно, окажем услугу этому красивому городу и замечательным людям, которые предоставили ей убежище. Окажем услугу женам, сестрам и дочерям солдат из батальона KFOR...

Качок подскакивает сзади, захватывает шею. Пальцы впиваются под челюсть и за ухо. Сильный захват, болезненный. Рывком девушку затаскивают в подворотню.

— Ну шо, малая, поиграем... — хрипит дружок напавшего.

Лет им по двадцать с небольшим. Имеется даже шанс на социализацию... Ладно, к делу. Время неожиданно замедляется. Вооруженная стилетом небольшая рука бьет словно кобра. Вопль раздастся через секунду, пока что враг не знает, что произошло. Стопа вперед. Конец. Прошло всего две десятых секунды. И хватило. Первый качок потерял руку — Моника отрубила ему ее в локте. Булат без труда режет кость, а хрящевая ткань уступает еще быстрее.

Бычок валяется на мостовой. В панике он пальцами пытается остановить кровь, льющуюся из культи. Перед глазами сейчас у него летают светящиеся пятна. Только лишь теперь он взвыл от боли и шока. Его дружок пострадал не меньше. Удар ногой переломал ему оба колена. Когда же он рухнул вперед, процесс их разрушения пошел до конца. Хана коленным чашечкам, связкам, суставные мешки заполнились кровью. Он тоже дико воет, прямо как зверь.

Моника ставит ему кости и суставы на место, но до конца дней своих неудачливый насильник будет ходить на костылях или вообще передвигаться на инвалидной коляске. Лежачая позиция и принудительное безделье позволят бандюге не раз и не два обдумать всю свою скотскую жизнь... Второй одной рукой много не сделает, ему тоже придется поменять профессию. Причем — радикально...

Холодные, синие глаза глядят на мечущихся на земле врагов. В воздухе вздымается тяжелый, металлический запах крови. Княжна морщит нос. Кажется, что ее волосы даже немного светятся в темноте. Качки с громадным трудом фокусируют взгляды, глядят на девушку. Та не сбежала, до сих пор им угрожает. Мозги, практически лишённые серого вещества, охвачены паникой. Но нет, у зверей не хватает воображения, так что так уж сильно перепугаться они не могли.

— Если хотя бы словечко кому-нибудь пискнете — я вернусь, — предупреждает незнакомка.

Те поняли. Воспитанные на видеоужастиках, они знают, что столкнулись с явлениями, которые их тупые и пустые лбы просто не в состоянии охватить.

Вот теперь следовало бы сплюнуть, чтобы проявить к ним абсолютное презрение, но Моника для этого слишком воспитана; потому всего лишь отворачивается и уходит. Вдох облегчения, а после него вновь болезненный стон. Выть они будут еще долго, пока шум не заинтересует проезжающий полицейский патруль.

Выходные — самое подходящее время, чтобы устроить себе пикник, только и у будничного дня имеются свои прелести. Тем более, если это чудесные сентябрьские предвечерние часы. Солнышко пригревает, но уже нет душной июльской жары, отбирающей силы и клеящей блузку к телу. Осень, летящие с деревьев листья, желтеющие травы.

— Именно этого мне так не хватало в Эфиопии, — сказала Станислава и потянулась так, что хрустнули суставы.

— И как же там? — заинтересовалась ее кузина.

— В пору дождей, словно в сказке зелено. В пору засухи все замирает. По нашему телевидению эту страну показывают довольно односторонне: голодающие дети, сплошная пустыня; тем временем, там имеются замечательные горы, озера с гиппопотамами, плодородные долины. Очень милый народ. Но ближайшие лет тридцать мне там лучше не показываться.

— Понимаю.

Вода в самоваре начала закипать. Бронзовая крышка завибрировала, в отверстиях запел пар.

— Ты глянь, кто к нам приболудился, — тихо заметила Катаржина.

Со стороны автобусного тупика шла Моника. В руке несколько морковок: явно для лошадей.

— Может она попопдничает с нами, — лениво заметила Станислава. — Надо ей махнуть или позвать...

Девушка шла по тропинке довольно-таки далеко от них, она и вправду не заметила устроивших пикник преподавательниц. Светло-гнедая кобыла внимательно глянула на Моника и застригла ушами. Сербка протянула в ее сторону толстую морковку, вот только угощение не было принято. Животное отступило на шаг и заржало. Предубеждения необходимо переламявать не спеша и осторожно. Моника положила морковку на траву и отошла сама. Кобыла глядела на лакомство, но потом отступила на всю длину цепи.

— Что за черт, — наморщила брови Катаржина, наблюдая за сценкой издали. — Ты погляди, как испугалась лошадь.

— Угу, — буркнула кузина.

Моника попыталась счастья с другим конем. Тот, осторожничая, куснул морковку, после чего удалился трусцой. Оставшиеся две морковки девушка положила на траве. Лошади подбежали к ним только тогда, когда Моника ушла.

— Странно, а ведь эти кобылы не из пугливых, — покачала головой Стася.

Сербка повернулась и разочарованно поплелась в сторону автобуса. Учительница помахала головой, чтобы привлечь ее внимание. Удалось.

— Привет. Присядь с нами, — пригласила ученицу Станислава. Сейчас будет чаек. Есть и к чаю. Тебе нужно немного набрать вес, — поглядела она на худенькое тело.

Моника колеблется. Она не знает, а прилично ли это, потому стесняется... Скромненько присаживается на краешке пенька. Сегодня она надела юбку. Ее ноги, еще

девичьи, довольно-таки крупные в коленках и щиколотках; пройдет еще несколько лет, пока они не станут женственно стройными. Пока что это еще жеребенок, щенок, дитя...

— Приятные коняшки, — лениво замечает Станислава. — Мы как раз думаем с кузиной, что следовало подойти в конюшню, заплатить сколько надо, взять седла и немножко поехать.

Княжна скромно улыбается.

— Я уже очень давно не ездил верхом. Впрочем, у них здесь, наверное, и нет дамских седел.

Все трое сейчас в платьях^[55]... а Станислава никак не реагирует. Поездка в дамском седле для нее является чем-то совершенно естественным. Ученица отмечает это в памяти. Ее преподавательница никак не соответствует эпохе. Маскируется она неплохо, но ее выдает масса мелочей. Взять хотя бы то, что вместо популярных сейчас ложечек с пирожным она использует вилку с двумя длинными зубцами. Или вот то, что протягивает руку и бессознательно вытаскивает какой-то мусор, запутавшийся в косе родственницы. Потом с улыбкой расчесывает ей волосы. Сестринские чувства она проявляет через искание. С тех пор, как в середине XIX века было установлено, что вши переносят тиф, после чего им объявили безжалостную войну, искание перестало быть проявлением ласки и заботы, оно вообще вышло из употребления^[56].

А вот Катаржина современна до боли. В ее движениях видна нервность и спонтанность и даже определенная резкость. Она училась в школе с совместным обучением, вот и приняла от коллег по классу образчики типично мужского поведения... Моника улыбается обоим женщинам.

Лошади глядят издалека — беспокойно и выжидающе. Следят, хотя и опасаются. Что же, конь — это лучший приятель человека... После снятия крышки самовар разгорается снова. Станислава берет упавший в траву кусок сырника^[57] и несет лошадям. Гнедая кобыла видит ее впервые в жизни, но без колебания съедает лакомство^[58]. Женщина возвращается к подругам. Лошади, поглядывая в их сторону, все так же стригут ушами.

Снова запел пар. Учительница отыскала в корзинке третью чашку, налила чаю из самовара и подала Монике. Еще один элемент, не соответствующий современности. Русская мода пить чай из стаканов серьезно вытеснила чашки из употребления^[59]... Моника поблагодарила, кивнув. Поставила чашку возле себя, на ровном участке земли.

— Вот сахар, — Катаржина протягивает сахарницу.

Княжна берет ложечку, касается ее кончика пальцем и, словно ошпаренная, отводит руку.

— Спасибо, я без сахара, — неуверенно сообщает она, инстинктивно вытирая пальцы об юбку. На голубой ткани остается тонкий алый подтек.

— Точно как и я, — сказала Стася. — А может желаешь к чаю варенья?

— Если можно...

Станислава наложила ей на блюдце. Какое-то время они пили молча. Ученица умело переламывала горьковатый вкус напитка вишневым вареньем...

— А сырничка?

— С удовольствием.

Катаржина задумчиво глядит на профиль девушки-подростка. Легкий дефект на щеке, несколько пятен, портящих красоту... Девушка угадала заинтересованность учительницы.

— Это после оспы, — поясняет она, касаясь кожи кончиками пальцев. — С возрастом должно исчезнуть.

После того она глядит на лошадей и не видит лица Катаржины, застывшего в гримасе неожиданного понимания.

Квартирку Станислава покупала с мыслью о самой себе. Когда же кухня перебралась в Краков, как-то совершенно естественно они стали жить вместе. Небольшая спальня сделалась теснее. Хотя, с другой стороны, она сделалась и более уютной. Теперь здесь стоят две кровати. Между ними отступ в метр, как раз достаточно, чтобы болтать лежа.

На дворе полночь. Обе девушки должны уже спать, вот только как-то не выходит. Теория вызревала все послеобеденные и вечерние часы.

— Знаешь, чего мне кажется? — начинает Катаржина.

Ее кухня молчит. Знает.

— А ведь эта малышка Моника может быть постарше тебя.

— Дурацкое предположение. Почему ты так считаешь? — хотя и у самой подозрения возникли много часов назад.

— По очень простой причине. Помнишь, что она сказала? Те шрамы на щеке у нее после оспы. Черной оспы.

— Ну так что, — сонно урчит кухня. — У меня и самой тоже были, к счастью, специалисты помогли. Мне связали руки, чтобы я не расцарапывала струпья: благодаря этому, шрамов у меня нет. Случается.

— Да в то-то и дело, что не случается. Сколько ей лет? Шестнадцать? Тогда, в каком году она родилась? В 1986... там временем, последний случай черной оспы был отмечен в... 1974!

— Холера! — Стася даже садится в постели. — И точно. А может, это после ветрянки?

— От той такие следы не остаются.

Молчание.

— Ты думаешь, она такая, как я?

— Нет, похоже, нет... А может... Нам надо с ней откровенно поговорить... Только вот сначала я кое-что проверю.

Катаржина отбросила одеяло и в ночной сорочке уселась за компьютер.

— Степанкович, — бурчит она себе под нос. — Ты упоминала о том, что у девицы на груди татуировка в форме герба?

— Ага. И надписи глаголицей...

— Стася, ты меня прости, но, похоже, у тебя появляются признаки старческого слабоумия.

— После четырех сотен лет в этом нет ничего необычного, — терпко заметила та. — Что же конкретное я прошляпила?

— Глаголицей уже никто не пользуется лет триста, а то и четыреста^[60]. Вот скажи, ты давно уже не была на Балканах?

— Ой...

— Есть! Степанковичи, боснийский княжеский род, родственными узами связанный с византийскими императорами. Последним представителем рода был князь Михайло, павший в битве на Косовом Поле^[61]... Вот, погляди, это тебе ничего не напоминает? — вывела она герб на экран.

— Ни малейших сомнений... Но почему она выдает себя за сербку?

— Потому что в Боснии сейчас спокойно. Она не получила бы у нас убежища... Византия. Холера ясна!

Катаржина начала рыться в книжках.

— Теперь понятно, где я видела это лицо, — бурчит она себе под нос. — Погоди... Вот!

Монография «Лица античности». Несколько томов, несколько сотен репродукций. Фреска из Мир, то есть, нынешнего Измира, созданная в девятом веке нашей эры. Практически уничтоженная, обнаруженная археологами, раскапывающими развалины византийской базилики. Тщательно составленная из нескольких сотен фрагментов. Некоторых из них так и не удалось найти. Золотоволосая, синеглазая девушка держит в руке восковую табличку и стилос. В фоне — виноградная лоза^[62].

— Боснийская княжна Моника Степанкович, — Станислава бледнеет. — Нет, это невозможно.

— А ты можешь предложить другое объяснение?

— Сетон, называемый Космополитом, мастер и приятель Сендзивоя, был первым в истории человечества алхимиком, которому удалось получить красную тинктуру или же философский камень.

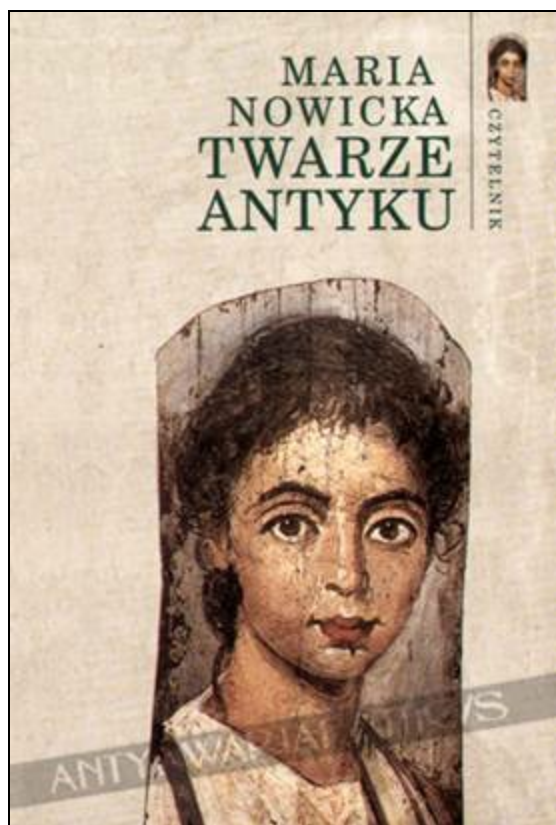
— Ты уверена?

— Абсолютно. А помимо того — я и представить не могу, как это дитя смогло прожить тысячу двести лет.

— Тебе же удалось.

— Да, но меня пытались убить, в среднем, пару раз в каждые сто лет. Холера...

— А выглядит совершенно по-детски, прелестно, при том — невинно, вид ее в любом человеке пробуждает желание помочь ей, заботиться о ней.

— Удивительно, что никто ее до сих пор не изнасиловал...Ведь такая девонька — это же мечта педофила...

— А может ее и насильовали. Возможно, что и не раз... Погляди, как она одевается...

— Асексуально, — бормочет себе под нос Станислава. Современные термины звучат в ее устах совершенно чуждо. — Как будто бы она боится... С другой стороны, если она настолько хорошо управляется ножом, то сочувствую всем, кто пытался.

— Ну вот, сама видишь. Так ты считаешь, она живет благодаря чему-то другому, не философскому камню?

Стася молчит, размышляет. Неожиданная вспышка понимания.

— Она вампирица!

Катаржина отвечает веселым смехом.

— Завязывай...

— Я серьезно. Сахар помнишь?

— На пикнике?

— Именно. Сахарницу она берет, но тут же заявляет, что чай пьет несладким. Зато варенье уминает будь здоров... А знаешь, почему так?

— Она прикоснулась к ложечке и...

— И обожглась. Серебром. Вилки у нас покрыты никелем...

— В таком случае, солнечный свет давно должен был ее убить. Опять же, где ее зубищи, которыми она была бы способна почесать себе подбородок?

— По очень простой причине. Потому что все те книжки и фильмы про вампиров слишком избирательно отнеслись к наполовину легендарным народным преданиям о существах такого рода.

— А это означает, что в летучую мышь она не превращается. Бррр... Ужас...

— Но все остальное сходится. Блин, в Византии задушили несколько малолетних княжон родом с Балкан... Что же касается зубов, то славянские легенды гласят, что вампиры высасывают кровь особой присоской, находящейся у них под языком...

— Безумие.

— Иногда, дорогая моя кузина, я никак не могу распутать ходы твоих мыслей. Без особых проблем ты восприняла факт, что она живет раз в двадцать дольше, чем ты^[63], но не можешь поверить в одного молоденького вампиреньша?

— Тут дело другое. В твоем случае, у меня имеются доказательства. Черным по белому. Фотографии, выполненные в течение последних ста двадцати лет, на всех них ты выглядишь одинаково. Равно как и на портрете, что висит теперь в Национальном Музее.

— А вот я считаю, что она вампирица. И мы обязаны это проверить. Пока не случилось несчастье.

— Что еще из всех этих легенд может оказаться правдой?

— Вампир — это хищник, такой же, как куница или ласка. Наверняка она очень быстрая, у нее ловкость кошки, скорость рефлексов, до которой нам далеко. Она сильная, гораздо сильнее нас... И наверняка не страдает угрызениями совести.

— Так нам что: угостить ее осиновым колом, стреляя из-за угла из самострела?

Станислава какое-то время молчит.

— Нет. Несмотря ни на что, мы обязаны с ней поговорить...

— Если все так, как ты говоришь, то мы сильно рискуем.

— Пуля быстрее удара стилетом... Ее сердце стучит, в ее жилах кровь. На ощупь она теплая. Это означает, что организм обязан функционировать на похожих, более-менее подобных принципах, что и наши. Если мы продырявим ее пулями, девчонка умрет. Скорее всего... Тебя же наверняка в твоём Бюро учили, как окружать неприятеля?

— Обязательно. Но не вампира... Воображение наших инструкторов столь далеко не заходило.

— Ты все еще не веришь?

— Не знаю.

Ровное дыхание трех спящих девушек. Звук успокаивающий. Княжна Моника Степанович тихо поднимается и направляется в туалет. Босые ноги осторожно ступают по полу. ПВХ-плитки холодные, но покрытие в самом туалете еще хуже. Девушка тщательно запирает дверь. Ей нужен свет, и она зажигает лампу. Пальцы, которыми она коснулась ложечки, все еще свербят. К счастью, все уже в порядке. Она их сразу же вытерла, кожа присохла. Мертвая ткань затвердела, словно кожа на чемодане. Организм создал ороговевшую массу, чтобы ядовитые соединения серебра не проникли глубже. Корка выполнила свою задачу. Теперь необходимо от нее избавиться, пока кто-нибудь не увидит.

Девушка наклоняется и отворачивает штанину пижамы. Стилет слегка поблескивает в свете шестидесятиваттной лампочки. Он достаточно длинный и толстый, при том еще и тяжелый. В руке лежит хорошо. Форма выдает его происхождение. На клинке сталь трех цветов образует сложный орнамент, четко видны тонкие полоски. В дамасской стали они идут вдоль клинка, здесь же — наискось, поперек. Это настоящий булат. Технология, развитие которой выпало на IV век нашей эры. Три разновидности высококачественной стали, скованные вместе в восемьдесят слоев, сложенные затем гармошкой и снова прокованные. Во всем мире в одну эпоху не более трех оружейников были способны создать подобное... К IX веку погибли последние специалисты, знающие технологию производства булата. Их заменили партачи^[64], ученики, которых выгнали из мастерских за лень. И вот их изделия расползлись повсюду: совершеннейшая дешевка, «дамасская сталь»^[65]...

Ее дед, князь Максимилиан^[66] сломал саблю в бою, выщербив ее на глиняных стенах Багдада... Из конца клинка для нее изготовили стилет. Ним можно перерубить практически все что угодно. Где-то между атомами углерода и железа, в порах металла застыли капельки человеческой крови^[67]. Невозможно пережить тысячу лет, не запятив своих рук... Много времени прошло. Ее душа уже успокоилась. Убивать она не любит. Даже если иного выхода нет, потом долго мучают угрызения совести.

Девушка срезает ороговевший внешний слой. Осторожно, ведь это и вправду чертовски острый инструмент. Кусочек пемзы помогает убрать остатки мертвой ткани. К утру все должно хорошенько выздороветь... Серебро, должно быть, очень чистое, не менее 900-й пробы. Хорошо еще, что вилочка для пирога была никелированная, не пришлось есть словно дикарка, пальцами...

Моника прикрывает веки. Разъяренная толпа албанских крестьян. В балканских странах казни проводят, в соответствии с традицией, на холме за деревней. Тот старик, похоже, был чрезвычайно умен. Это он распознал ее. Моника вздрагивает при воспоминании о сморщенных пальцах, сжимающих старинный талер с выбитым изображением императрицы Марии-Терезии. Скорее всего, старик сунул бы монету ей в рот...

А результаты учениц улучшились. Большая часть с трудом, стискивая зубы, но делает по семь отжиманий. Правда, преподавательнице этого мало...

— Дорогие мои, вам еще придется хорошенько над собой поработать, — брюзжит она. — На следующей неделе каждая из вас должна отжиматься хотя бы пятнадцать раз. Вот я уверена, что ваша одноклассница сделает восемьдесят отжиманий, — переносит она взгляд на Монику.

Княжна ненадолго задумывается. Ей не хватает азартной жилки. Если бы такая была, где-то она могла бы и оступиться. Статистика — наука неумолимая. Правда, ее интересуется вопрос границ собственных возможностей.

— Можно и попробовать, — говорит она в конце концов.

— Замечательно, а вы смотрите и учитесь.

Стопы упираются в стенку, ладони протерты влажной тряпкой... За дело. Пятьдесят отжиманий сербка сделала без особого усилия, но дальше пошло уже с трудом. Между очередными отжиманиями перерывы все длиннее, девушка тяжело дышит. Пот выступает на лице, под мышками и в других местах. Семьдесят четыре. И все... ни одного больше.

— Замечательно! — поздравляет ее Станислава. — У меня самой больше ста двадцати никогда не выходило...

И в этот момент звучит долгожданный звонок. Все очень просто и в то же самое время эффективно. Прикончить жертву физически, чтобы та, в случае чего, не могла защищаться...

Княжна Моника Степанкович крайне осторожна. Она проверяет, все ли девушки уже покинули раздевалку. Путь свободен. Она ныряет в середину, запирает двери на задвижку. В душевых кабинках никого нет, нет и света, только ей свет не нужен. При необходимости, она могла бы даже читать в темноте^[68]... Мышцы ноют, но это даже приятно. Семьдесят четыре отжимания, она и не знала, что способна сделать столько. Учительница дала ей шанс испытать триумф. Расстегивающие блузку пальцы слегка дрожат. Прохладная вода доставит удовольствие. Следующий урок — французский. Быть может, писать и не придется... Станислава знает, что физически исчерпала ее.

Пока же имеется полчаса для себя. Девушка пускает воду, позволяя, чтобы та намочила волосы. Струи холодны, словно лед. Боль в руках расплывается в блаженном оцепенении. Так, теперь немножко тепленькой...

Моника с наслаждением вдыхает воздух. И вдруг вспышка под веками. Девушка испуганно открывает глаза. Ярко вспыхнули и перегорели две лампочки под потолком. Но она видит перед собой лишь чудовищное, черное отверстие...

Российский наган — оружие страшное. Выдумали его французы, но только российская техническая мысль, а точнее — ее недостатки, придали ему окончательную, топорную форму. Оно требует крепкой руки. Калибр девять миллиметров при каждом выстреле дает ужасную отдачу. Пули, несколько большие, чем повсюду применяемые, обладают большей силой поражения. Они пробивают даже те бронежилеты, с которыми не способен справиться револьвер «Магнум».

Станислава уже давно пришла к выводу, что в случае угрозы необходимо применять такое оружие, которое с наибольшей вероятностью нанесет нападающему побольше вреда... В Эфиопии у нее было нечто подобное под рукой. Вот только у противотанковой ракетной установки имеется определенный недостаток. Ее можно закрепить на седельной луке, когда пересекаешь на верблюде дикие горы, но вот в женскую сумочку она никак не помещается. А наган — влезает.

Особенным достоинством данной модели является то, что барабан спереди не прикрыт. Противник видит лежащие на своих местах патроны. Кому-то еще пришло в голову, что изнутри ствол необходимо оксидировать. Благодаря этому, он похож на черную дыру... А подобная картинка парализует волю. Станислава стоит в полутора метрах от ученицы, практически под стеной. Она очень внимательна и сконцентрирована, готова выстрелить в любое мгновение. Катаржина поправляет в выключателе отвертку с изолированной ручкой. Ага, выходит, это не перегоревшие лампочки, а замыкание...

Но у нее же в руке еще кое-что. Небольшой револьвер чеченского производства из инструментальной стали. Калибр небольшой, убойная сила тоже, зато концевки пуль из чистого свинца. На близком расстоянии — совершенно убийственное оружие. Оно делает в теле мааленькие входные отверстия, зато выходные не накроешь и шапкой. Кроме того, каждую пулю можно просверлить изнутри и залить капельку ртути. И вот тут получаем нечто вроде запрещенных повсюду пуль дум-дум. От обычных пуль, говоря грубо, они отличаются тем, что выходное отверстие уже ничем не накроешь. Трех выстрелов достаточно. Спереди ее труп будет еще как-то выглядеть, а вот спины попросту не будет... И выражения сочувствия тому, кому придется отмывать метров двадцать квадратных окровавленной стенки.

Девушки стоят так, чтобы прикрывать одна другую. Скорость здесь никак не поможет. Не успеет она справиться с первой, вторая нафарширует ее свинцом. Быть может, от большинства пуль и удастся увернуться, но в револьвере Катаржины, как минимум, дюжина патронов.

В первый момент княжна раздумывает над тем, каким образом эти двое форсировали двери в раздевалку. Потом догадалась: у учителей имеется собственный комплект ключей. Так, бесконечно молчать невозможно. Ладно, пускай начнут первыми.

— Ну что же, дорогая моя, — отзывается Стася. — Самое время обсудить несколько весьма существенных проблем. Говорить мы можем по-польски, по-сербски, по-гречески, как тебе удобнее... Не знаю только, знаешь ли ты современный греческий язык, потому что я византийский его диалект не освоила...

Шестнадцатилетняя чужеземка стоит перед ними совершенно голая. Даже ножны с ножом она отложила на полочку, где уже стоит бутылка пахучего фруктового шампуня. Между грудей зеленеет герб Степанковичей и надпись, выполненная давным-давно мертвым алфавитом. Фрагмент литании... Выше, на тонкой цепочке, висит небольшой золотой медальон: Богородица из Меджугорие^[69].

— Чего вы от меня хотите? — сдавленным голосом спрашивает Моника.

Играет. Все время она играет, на сей раз ученицу, попавшую в руки двух училик-садисток. Одной ладонью она прикрывала грудь, другой — стыдливо закрывает кустик золотистых волос между бедрами. Перепуганная невинность... Ее взгляд идет в сторону. Стилет все так же лежит в кожаных ножнах. Нет, вытащить его она не успеет. Ни малейшего шанса...

— А вот скажи нам, в каком году ты родилась? — задала вопрос Катаржина.

Глубочайшее изумление в перепуганных голубых глазах.

— В восемьдесят шестом, — теперь на ее лице выражение абсолютного непонимания.

Выглядит она сладко и беззащитно. Польские солдаты обманулись именно на это. Целый батальон. С другой стороны: она ведь их и не обманула. И вправду, она была беззащитно. И нуждалась в их помощи.

— Зажил пальчик? — Станислава задает вопрос несколько ядовитым тоном.

— Пальчик? — с удивлением поднимает Моника руку и показывает совершенно здоровые кончики пальцев.

— Проверим? — Свободную руку Станислава подносит к висящему на груди крестику.

— У меня аллергия на серебро, — поясняет княжна.

Хитро! Объяснение звучит очень даже правдоподобно.

— И действительно, это можно назвать и аллергией, — бурчит под нос Катаржина. — Раны, нанесенные серебряным клинком у тебя, похоже, не заживают...

— Чего вы от меня хотите? — возобновляет вопрос Моника.

Голос ее дрожит, похоже, она и вправду напугана. Вода все еще капает, разбивается на кафельных плитках, стекает по коже.

— Княжна Степанкович, у нас имеется желание немного поболтать об обычаях, царящих при дворе византийских императоров и про некую базилику в Мирах... — Катаржина показывает ксерокс фрески. — Ну и про святого Николая, если ты, случаем, имела возможность познакомиться с ним. Ведь, кажется, он там был епископом...

Знают. Теперь можно только поддаться. А что будет дальше? Они же не застрелят ее, если не будут вынуждены к тому. Грохот выстрелов заставил бы собраться здесь всю школу, она не успеет сбежать. Задушат серебряной цепочкой? Или?...

— Вы много знаете...

А это уже признание. Моника опускает руки. Выглядит она невинно и в то же время мило. Вода из душа все так же стекает ручейками по ее телу.

— Как вы догадались?

— Собрали немного фактов, — отвечает Станислава. — Особо сложным это не было. Вот мы и комбинировали, подгоняли... Ведь ты же вампирица...

Пожатие красивых, гладких плеч. Девушка кивает, подтверждая слова. Катаржина поправляет хват на рукояти револьвера. Мысль о том, что необходимо будет стрелять в столь замечательную девчушку, вздымает в ней волну отвращения. Ведь она еще дитя. Через несколько лет тело окрепнет. Женственности ее еще предстоит расцвести. Нет. Не расцветет. Она застыла на этом этапе. Никогда она не станет взрослой. Прошло неведомо сколько веков, а ей все время шестнадцать лет. Если ее не убьют, ровно столько ей всегда и будет. Она прелестна, но ведь и сатана тоже падший ангел. Зло, на первый взгляд, может быть прекрасным. В хищных зверях столько изящества...

— Да, я вампирица, — отважно признает княжна, — но разве это достаточная причина убить меня?

Моника выпрямилась. Теперь она уже не пытается возбудить жалость и сочувствие. Она горда. Не стыдится своей наготы, раздавить психологически ее не смогут. Им не почувствовать перевеса, исходящего из того, что ее противницы одеты, а она — нет... Умрет, но честь и гордость сохранит. Ведь она из княжеского рода! Ее славянские предки штурмовали Константинополь за много веков до турок.

«И правда, вопрос в самую десятку», — размышляет Катаржина. — «Ничего плохого она нам не сделала, хотя, наверняка, возможностей у нее было достаточно...»

— Мы учительницы, — голос Стаси делается тверже. — В качестве педагогов, мы несем ответственность за доверенных нашей опеке учениц.

— А откуда предположение, будто бы я в чем-то им угрожаю? — глаза глядят спокойно, в них нет желания борьбы.

— Да почитывали кое-чего, — шипит преподавательница в ответ.

Княжна поворачивает голову в ее сторону.

— И фильмы, наверняка, тоже смотрели. Все это чушь. Крови я обязана выпить раз в четыре-пять лет. И никогда не требуется столько, чтобы убить. Кровь поддерживает во мне жизнь... Не знаю почему, какие химические соединения действуют как стабилизатор на процесс деления моих клеток. Предполагаю, что они защищают концевки теломеров^[70] от повреждений при очередных репликациях ДНК. И еще одно. Это всего лишь видовое отличие, возможно, случайная мутация. Она не заразна. Но в моей семье иногда проявляется.

Голая шестнадцатилетняя вампирица говорит на языке современной молекулярной биологии. Тело покрыто гусиной шкуркой. Невольная дрожь проходит по спине. Наверняка, они не спят в кладбищенских склепах, в противном случае — она привыкла бы к холоду. Станислава чуточку отходит. Вполне возможно, девчонку и придется убить, но зачем же ее дополнительно мучить?

— Оденься, — отдает она приказ. — Только никаких штучек. Нож оставь здесь.

Выходит, лежащий на полке стилет она заметила. Ей не дают ни единого шанса. Не прорваться, не убить, не сбежать.

— И каким это чудом никто не сориентировался? — спрашивает Катаржина. — Укусы вампиров наверняка отмечались в полицейских хрониках... У себя в Бюро мы анализировали различные странные случаи с точки зрения наличия возможных маньяков. В том числе, и покусанных людей. Так как ты это делала?

— Я не кусаю людей, — на лице Моники рисуется отвращение. — Ведь это был бы каннибализм!

Учительницы изумленно переглядываются.

— Лошади! — догадывается Стася. Ее глаза темнеют. Лошадок она любит.

— В принципе, для них это даже безболезненно, — поясняет ученица. — Если умеешь, они и не замечают. Что-то чувствуют, но когда уже привыкают к тебе, то перестают обращать внимание.

— Ну а следы зубов?

Моника раскрывает рот и выдвигает скрытую под языком присоску. Так что славянские легенды говорили правду.

— Вакуумирование, непосредственно через кожу, — с определенной гордостью говорит девушка. — Субстанция, из которой сделана присоска, способна входить между клеток тканей жертвы. Нужно лишь попасть на достаточно крупный сосуд, к примеру, сразу за конским ухом...

— Блин! — Станислава никогда не пользуется столь гадкими выражениями. Это первый случай почти что за две сотни лет. Она опускает оружие.

Моника облегченно вздыхает. Она вспотела... А вот дезодоранта и нет. Катаржина фыркает, пряча оружие в карман. Захотели дамочки поохотиться на дикого зверя, а что

нашли?

— И много вас таких? — Станислава свой револьвер пока не прячет.

— Понятия не имею. Знаю о двух других, только они уже несколько веков не живут... А вы что, никого из наших еще не встречали? — глядит она преподавательнице прямо в лицо.

— Из наших?

— Ну да, — краснеет Моника. — Поначалу мне казалось, что вы тоже... Но серебро... Вы берете в руки ложечку — и ничего. И ничего не знаете про кровь... Так что я пришла к выводу, что вы как-то иначе умеете обманывать время, — тут она переносит взгляд на другую преподавательницу.

— Меня в это не вмешивай, — топает ногой Катаржина с деланной злостью.

— Философский камень, — поясняет ее кузина. — Произведенный мастером Сендзивоем из Санока.

Юная вампирица с изумлением глядит на нее.

— Это как же? Выходит, удалось?

— Ну да. Вот только запас у меня кончается. Но мы подозреваем, что алхимик все еще жив...

Моника оделась до конца и спокойно открывает замкнутую на задвижку дверь. Она не сбежит. Знает, что не придется. Ее не обидят. Катаржина учила психологию, теперь знает, что боснячка сказала правду... Вторая преподавательница тоже прячет свое смертоносное оружие в сумочку. Такое в школе лучше не показывать. А то ученицы еще перепугаются. Так, еще пару срочных вопросов...

— А епископа Николая, святого Николая ты знала? — допытывается Катаржина.

— Это каким же чудом? — пожимает плечами княжна. — В Миры я приехала в 898 году, а он умер веков за пять до этого... Я по правде сказала. Родилась я в 86-м году... 886-м, — прибавляет она, поясняя.

Звонок звенит звучно и чисто. Сейчас начнется урок польского языка. Станислава должна идти на французский в выпускном классе. Опаздывать не годится. У второй преподавательницы окно, но она обещала директору сконфигурировать компьютер.

Так что у дверей раздевалки они расстаются. Нет необходимости что-либо говорить. Еще будет возможность переговорить спокойно, без спешки, без заглядывающих в глаза черных стволов. Катаржина отдает девушке оставленный под душем булатный стилет. Это окончательный знак доверия. Врагам оружие не отдают... Моника вбегает по лестнице.

— погоди! — кричит за спиной Станислава.

Девушка останавливается, поворачивается.

— Да? — лицо ее освещает улыбка.

— Заскочи к нам завтра, после занятий; я сделаю лечо.

— С удовольствием. Спасибо за приглашение.

Теперь она перескакивает по несколько ступеней. Золотые волосы влажной волной спадают ей на плечи. Девушка слегка дрожит. Не нужно было так долго стоять под холодным душем.

Небольшая, уютная квартирка. Окно выходит на краковские Плянты. В стекло стучит дождь. Осень... А внутри тепло и очень даже приятно. В воздухе расходится запах шарлотки, чая и древесного угля из самовара. Княжна Моника сидит по-турецки на толстой шкуре северного оленя, просматривает томик эфиопских стихов. Лошади в последнее время все больше привыкают к ней. Шарлотка им нравится больше морковки. Еще немного, и можно будет насытить жажду...

Плянты рядом с Ягеллонским Университетом

Катаржина разжигает самовар. Ее кузина у стола провозглашает тираду:

— Найдем Сендзивоя. На сей раз я выдавлю из него побольше тинктуры. Быстренькс сделаем себе килограммов пять золота и купим на него жилище побольше, на три или даже четыре комнаты. Как-нибудь устроим, чтобы ты смогла поселиться с нами... Как только сдашь на аттестат зрелости, срываемся отсюда. К примеру, в Боливию...

Она разливает в рюмки сладкое красное грузинское вино. В три рюмки.

— Вообще-то говоря, детям спиртного давать не следовало бы, — урчит она себе под нос. — Ну да ладно, сегодня такая оказия, сделаем исключение... Пей, девонька.

— Не называй ее «девонькой», — мягко укоряет ее «кузина». — по свету она шастает на семьсот лет дольше тебя, соплячка...

Княжна тепло улыбается им обеим. Совершенно не важно, сколько ей лет, главное, на сколько себя чувствуешь. А она чувствует как раз на свои шестнадцать. Может даже выдавать себя за их младшую сестру. Черт подери, она даже готова разрешить, чтобы ее гоняли чистить картошку и делать уроки. Так давно никто уже не дарил ей свою дружбу. Моника даже успела забыть, насколько замечательное это чувство...

Стоящий как и каждое утро на своем посту перед дверью директор школы издали заметил сияние светлых волос. Моника Степанкович вновь оделась довольно странно. Сейчас натянула на себя великоватый на пару номеров свитер из тех, что гуралы (жители горный районов Карпат) продают возле Главного Вокзала. Серая шерсть замечательно гармонирует со светлыми волосами. Заметил он и еще одну перемену. Со вчерашнего дня ее лицо подсвечено каким-то внутренним светом. Он и не знал, что та способно так мило улыбаться...

По улице приближается преподаватель биологии. Он тоже улыбается, но при виде этой улыбки у директора по спине пробегает дрожь. Странный тип. Есть в нем нечто неуловимое, заставляющее удвоить бдительность. Но пока что нет никаких причин, чтобы указать ему на дверь.

Преподаватель польского языка рвет волосы на голове. Из пятнадцати девиц одна только красавица-сербка прочитала заданный текст. И даже кое-чего поняла, хотя пока что у нее все ужасно путается. Польский она знает еще слабовато... Но необходимо оценить ее стремление.

— Отлично, — прерывает он ее ответ и записывает в дневник жирную шестерку.

Девушка робко благодарит и садится на место. В толстом свитере она выглядит намного лучше. Моника открывает тетрадь, записывает тему урока. Учитель поглядывает на нее. Что-то в ее жизни должно было измениться. С утра она ходит по школе как бы танцуя. На лице постоянно гостит улыбка. Благодаря ней девушка выглядит еще красивей.

Поначалу алхимик снимал жилье в Новой Гуте. И раньше, пару раз в жизни, бывали у него idiotские идеи. А эта, похоже, была самой глупой из всех предыдущих... Приходилось жить в разных паскудных местах, но это — явно — самое отвратительное. Вид соседа, ссущего прямо на лестнице в подъезде переполнил чашу... А если подумать — ну что его так потрянуло? В XVII веке в этом ничего удивительного не было. Он и сам прекрасно помнит те времена, когда ночные горшки из окон выливали прямо на улицу. Похоже, уж слишком легко привык он к новым стандартам цивилизации. Так, нужно поискать себе иное жилище. По мере возможности, подальше отсюда. Вот только: где?

Он нашел место, в котором когда-то стоял его дом. Ну, только скажем, что нашел. Сетка улиц совершенно изменилась, расстояния он вроде и запомнил, но, понятное дело, расчетам не доставало точности. И все равно, дом должен был находиться где-то здесь... Техникум в ободранном здании XIX века занимает несколько давних городских участков. Неплохо было

бы возвратиться к старым развалинам, но не поселится же он в школьной каморке...

Ладно, поищем-ка мы чего-нибудь иного. Недвижимость в Старом Городе, в основном, безумно дорогая. По другой стороне от Плянтув цена чуточку ниже. Четыре килограмма золота — это прилично, но в последнее время ценный металл подешевел... Алхимик ходит по городу и ищет. Дольше всего приглядывался к каменному дому неподалеку от Центрального Вокзала^[71]. Отсюда имеется вид на театр имени Словацкого и на Старый Город^[72]. Теперь следует пройтись в ипотечное управление и изучить книги на право владения...

Счастье в том, что дом частный. Хозяин, получивший дом назад после пятидесяти лет разрухи, совершенно не имеет средств на обновление. Выбранный Сендзивоем каменный дом пригоден только для генерального ремонта. В первую очередь следовало бы поменять крышу. Что же, за дело!

Кобыла задумчиво обнюхала кусочек сырника, а потом приняла угощение, забирая его своими бархатными губами с ладони Моники. Девушка погладила ее по шее и на мгновение прижалась к теплому животному. Погрузила лицо в гриву. Лошадь переступила с ноги на ногу, после чего полез мордой к девушке в карман в поисках сахара.

Станислава и Катаржина наблюдали за этой сценой издали.

— Даже если она и знает, что случилось, то мало чего видать, — буркнула себе под нос младшая из женщин, отпивая глоток чаю из чашки.

— И все равно, что-то с этим не так, — ответила на это ее «кузина».

— Почему? Впрочем, можешь и не отвечать...

— Так. Давай поглядим, пришли ли мы к одним и тем же выводам... Наша девица — вампир. У нее иная биология. Она высасывает кровь, пускай даже осторожно и с пониманием.

— Прирученный хищник? — предложила Катаржина.

— Да. Она встретила других, те сообщили, что делать. Она и не шастает по ночам, не кусает прохожих. Не знаю, как давно вампиры появились среди людей, но ее поведение приобретенное...

— А это означает, что...

— Совершился процесс социализации. Излишне агрессивные типы, наверняка, исключают себя сами. Те же, которые силой набросили на себя тесный корсет цивилизации — выживут... Во всяком случае, шансов у них побольше. Нельзя исключить и того, что имеются такие, что ведут себя так, как описывается в желтой прессе... Ладно, проехали. Мы все так же балансируем на тонком канате. Монику мы застали врасплох в такой ситуации, когда она не могла воспользоваться собственной скоростью. А ведь ее скорость, сила и сопротивляемость попросту фантастичны... Вот представь себе прирученного волка... Остается надеяться, что инстинкты хорошенько заснули... А вот интересно, сколько она выпила, — сменила тему Станислава.

— Все продолжалось около четверти минуты.

Княжна играла с лошадыо, как бы желая ласками исправить нанесенный той вред.

— Возможно, около полулитра. Для животного с такой массой это все равно что ничего, — пожала плечами Станислава. Она вынула из сумочки логарифмическую линейку. — Будем считать, что кобыла весит около трехсот килограммов, — она умело двинула нониус. — Кровь — это одна восьмая массы тела... То есть, около тридцати семи кило. Полтора процента.

Катаржина осторожно вынула устройство из рук кузины и покачала головой.

— Господи.... Ничего подобного в жизни не видела.

— Да, сейчас это уже древность, у всех калькуляторы, но я как-то привыкла... — пояснила та. — Жаль, что сегодня таких уже не производят.

— А не сделали ли мы ошибку? Может ее, несмотря ни на что, стоило бы убить?

Станислава стиснула пальцы на ушке чашки и глубоко задумалась.

— Нет, — ответила она в конце концов. — Убить легко, иногда — очень даже легко. Так что не следует относиться к этому как к плевому делу. Она прожила более тысячи лет. Года два тут, потом еще где-то. Действовала осторожно, благодаря чему и выжила, хотя подобное кажется практически невозможным. Даже у меня, человека взрослого, с этим имелись очень серьезные проблемы.

— Но она же не лжет.

— Нет. Но, похоже, не все нам говорит. А вдруг она впадает в летаргию, и это длится десятки лет?

— Спросим у нее?

— Не теперь.

Она сняла заглушку на самоваре и какое-то время раздувала жар. Моника возвращалась к ним. Инстинктивно вытерла губы, хотя и раньше никаких следов крови на них видеть не было. Девушка выглядела оживленной.

— Удалось, — у Катаржины это прозвучало, скорее, как утверждение, а не вопрос.

— Ага. Думаю, кобыла ничего и не почувствовала, ответила княжна, усаживаясь по-турецки на туристическом коврикe. — Во всяком случае, перед тем, как уйти, я проверила: не натворила ли чего. Впрочем, это обычный сосуд; вот на основных делать ничего не стоит, иначе лошадка истекла бы кровью.

Она налила себе чашку ароматного настоя и сделала быстрый глоток.

— У крови отвратительный вкус, — сказала она с тоном оправдания.

— А теперь как, заснешь лет на десять, чтобы спокойненько ее переварить? — спросила Катаржина.

— Было бы неплохо, — усмехнулся вампиреныш. — К сожалению, этого мы не умеем. — Иногда, попадая в ловушку, я размышляла, а вот как бы было, если бы можно было переспать с годик, спрятавшись в каком-нибудь гроте, или, как писали в книжках, в склепе под замком или церковью... Переждать, пока враги не уберутся, подождать, пока не закончится очередная война...

В ее голосе были слышны печаль и усталость. Моника говорила правду. Она увидела лежащую на салфетке логарифмическую линейку и усмехнулась каким-то своим воспоминаниям.

— Твой жизненный опыт в три раза больше моего, — спокойно обратилась к Монике Станислава. — Подумай, как следует нам отыскать алхимика? Может тебе удастся нам помочь?

Девушка серьезно задумалась.

— Мы предполагаем, что он находится в Кракове?

— Или был здесь совершенно недавно. Произвел брусочек золота и тут же его продал...

— Ему нужны деньги, причем, в большом количестве, — буркнула Катаржина.

Какое-то время княжна молчала.

— Прибыл он недавно, — начала размышлять она вслух. — Устраивается надолго. Вот почему потерял голову и сделал килограмм металла. Ему нужны средства, чтобы нанять жилище, как минимум, месяцев на шесть. Что-то ему здесь нужно сделать, или же он хочет отдохнуть. В первую очередь, следует подумать над тем, а что он собирается делать. Во вторую же — какие его любимые развлечения.

Бывшая сотрудница Центрального Следственного Бюро кивает. Выводы боснийской княжны, родившейся тысячу двести лет тому назад, полностью совпадали с ее концепциями...

— В Кракове живет еще один человек Сендзивоя, — сообщила Станислава. — Некий Дмитрий...

— Что нам о нем известно? — Катаржина привыкла анализировать ситуацию.

— У алхимика он был подмастерьем. Получил такую же порцию тинктуры, что и мы. А сейчас, похоже, покатился по наклонной; когда я его встретила, был пьяным в стельку... Он вообще любил баловаться водочкой. Быть может, все четыреста лет бухает?

Катаржина сделала несколько быстрых расчетов.

— Мало вероятно, — заявила она. — Алкоголь молниеносно разрушает основные личностные функции. В противном случае, он потратил бы весь запас порошка для изготовления золота, а золото пропил.

— Так что ты хочешь сказать? — обеспокоилась Станислава.

— В течение всех этих четырехсот лет ты его видела?

— Да нет, только раз: несколько недель назад. Думаешь, он недавно начал пить?

— Возможно. В тот момент, когда сориентировался, что запас тинктуры у него закончился окончательно. Он не выдержал напряжения и начал заливать глаза, как никогда перед тем. Еще одно. Ты встретила его только раз, и он был пьян. Это вовсе не должно означать, будто бы мужик пьет постоянно. Но он знал Сендзивоя и может оказаться нам полезным. Вначале мы его найдем, а потом предложим сотрудничество. Если алхимик в Кракове, мы обязаны его вычислить. Вероятнее всего, пока что след с золотом ведет в тупик. Сендзивой получил, как минимум, тридцать тысяч злотых. Этого ему хватит надолго. Скорее всего, жилище он снимает. И это он может делать левым путем или законно. В обоих случаях он пользуется фальшивым именем. Он как, был религиозным человеком?

— Как все мы, — буркнула Станислава.

— Тогда я предлагаю обставить все костелы в Кракове. По крайней мере, старые. Если он все так же ценит духовную сторону жизни, должен посещать мессы...

— Не забывай, дорогуша, что в твоём распоряжении уже нет сотен агентов ЦСБ, — мягко спустила кузину на землю Стася.

— А зачем? — пожалала та плечами. — Достаточно установить миниатюрные камеры...

— А расходы? — спросила Моника.

— Сколько костелов находится в центре города?

— В Старом Городе, если я правильно подсчитала, восемнадцать. На расстоянии, скажем, пары остановок трамваем, в старинной части Кракова и в Казимеже нужно

прибавить еще полтора десятка, — не раздумывая, ответила Станислава.

— Шесть тысяч на камеры, к этому еще тридцать передатчиков и немного полезной электронной мелочевки. Мы должны уложиться в десять тысяч злотых.

Ее кузина издала сдавленный писк.

Сендзивой постучал в старинную, когда-то даже весьма красивую дверь с номером 6. Ему открыл старичок. Было видно, что восемь десятков лет он прожил, но держался очень даже ничего. Хозяин удивленно оглядел неожиданного гостя. Мужчина в костюме... Коммивояжер? Да нет, те ходят в костюмах из супермаркета, а этот пошит на заказ. Коричневое, заграничное пальто, быть может, мормонский миссионер? Нет. Те, в свою очередь, носят идентификационные бейджики, и взгляд у них более вдохновенный...

— Чем могу служить? — выкашлял дедок вопрос.

— Как мне стало известно, дом вы унаследовали, но у вас проблемы с тем, чтобы начать ремонт.

— Никаких кредитов брать не буду, — буркнул хозяин.

С кредитами он не в лучших отношениях.

— Я не собираюсь предлагать вам кредит, — усмехнулся алхимик. — Думаю, вам следует продать часть помещений, чтобы заработать на ремонт. Я же подыскиваю чего-нибудь для себя.

— Ясно, — вздохнул старичок. — До этого как раз мы с внуком и сами додумались. Но тут имеется проблема. Нечего продавать. Вначале нужно выселить ту босоту, что здесь проживает... Комуныки мне запустили сюда таких, что хоть волосы на голове рви...

— Квартплату вносят?

— Да где там! Так еще и не тронь. Алкоголики...

— Так что с того? — не понял прибывший.

— Вы что, с луны сорвались? Если алкоголик, это означает, что человек больной. Какой-то дебил вписал алкоголизм в список хронических болезней. Благодаря тому, такая вот сволочь получает пенсию, и вдобавок — как хронический больной — не подлежит выселению...

— И все это только потому, что пьет? — был поражен пришедший.

— Именно... А мне только и остается, что сидеть и ждать. Как только кто из таких отбросит коньки от денатурата, я тут же выбрасываю его барахло на мусор, и помещение снова мое.

— И часто их кондрашка хватает?

— За последнее время троих в течение пары лет... — нахмурился дедок. — А мне как раз семейство нужно было куда-то поместить. Внуки женятся...

Пришелец понимающе кивнул.

— Я видел вашу крышу, — сообщил он в конце концов. — Зимы не выдержит. Конструкция прогнила. Просто-напросто завалится. Эти куски новой жести между плитками мало чего сделают...

— А пан кто? Кровельщик?

— У меня к вам имеется предложение. Продайте мне сто метров крыши по сотне злотых за квадрат. Я же профинансирую замену всей крыши.

В глазах деда вспыхнул огонек.

— Звучит очень даже неглупо, — потер он руки. — Но ведь площадь крыши четыреста квадратов.

— Мне нужна только четверть. А крышу меняю полностью. Так что, пана это интересует?

Второй подобной оказии просто не будет. Нужно хвататься, а не то этот псих к соседу пойдет.

— Естественно. Проходите в комнату, напишем предварительный договор.

Пребывание в детском доме у княжны уже в горле сидело. Ей не нравится здесь практически все. Ей не мешают лущащиеся от краски стены или пропитавшая все здание вонь лизола. К этому она как раз привыкла. Ночевки в разрушенных войной деревнях, пастушеских шалашах и землянках привели к тому, что она привыкла к грязи, вшам, клопам, гнили... А здесь не так уже и паршиво. Никто ее не кусает, мыши не оставляют катышков в постели, крысы не обгрызают по ночам башмаков.

Зато не может она вынести пустоты и бездеятельности. А вдобавок, вредная баба-яга, кураторша группы, цепляется к ней за каждую минутку, проведенную за пределами учреждения. При этом она вечно ссылается на какой-то мутно написанный устав. Похоже, что в силу предписаний, воспитанница обязана курсировать исключительно по маршруту «лицей — детский дом», и на каждый выход в библиотеку получать соответственное позволение.

А живущие тут девчонки ведут себя словно паршиво запрограммированные роботы. Все указания выполняют неспешно и небрежно; их любимое развлечение — это телевизор и дебильные радиопередачи. И болтовня о сериалах. Они ничего не делают для того, чтобы изменить существующее положение вещей. Через несколько лет государственная опека закончится, что они сделают тогда? А ведь действовать они должны сейчас, пока есть время.

Ну да ладно, отбросим пока эту проблему. Моника ругается про себя, подбирая самые гадкие слова сербского и греческого языка... Биологически ей почти что шестнадцать лет. Последние восемь веков женщина подобного возраста была взрослой. Она сама могла решать о себе, хотя, понятное дело, не до конца. Тем не менее, она была свободной. Княжна к этому привыкла. А вот теперь попалась: торчит будто муха ив банке с медом — вроде бы и сладко, так не выберешься. И останется здесь еще долго. Так что нужно улучшить условия пребывания для себя лично. Вырваться из-под контроля этой дрянной бабищи.

Но что можно сделать? Мерой свободы являются деньги. Нужно придумать методику их регулярной добычи, найти источник содержания, гарантирующий такую-сякую прибыль. А потом снять для себя квартиру. Бабу-ягу из дома ребенка подкупить или запугать. Княжна, если бы пожелала действовать самостоятельно, будет иметь с этим серьезные проблемы, но

Крушевские наверняка захотят ей помочь.

Итак, разберем проблему по очереди. Работа. Это должно быть что-то не слишком напряжное — хождение в школу занимает много времени, а знания, хочешь — не хочешь, пополнить нужно... Вот в чем она хороша? Может стричь овец, ткать, вышивать, в Византии считалась интеллектуалкой, что сводилось к умению читать, писать и знакомству с античной литературой... Холера! В Польше начала XXI века с этим далеко не уедешь. Еще она знает, как поставить вино, выгнать из него ракию, может делать сливовицу, в том числе, и знаменитую палинку^[73] — но ведь здесь гнать самогон запрещено. Еще она разбирается в травах, умеет лечить больных овец, коптить сыры. Вот если бы она жила в Закопане, то горцы-гурали наверняка бы оценили ее опыт... Правда, в Польше производством осчипка^[74] заняты исключительно мужчины. Ей не хватает целой массы знаний^[75]. Овцы и сыры пока что отпадают. Моника не раз была служанкой, но это занятие ей не нравится.

Впрочем, а кому в нынешние времена нужна служанка? К тому же, еще и несовершеннолетняя? Что хуже всего, среди потенциальных работодателей наверняка бы нашлись «любители свежатинок», как тот глупый англичанин тогда, на Крите, которому, в конце концов, пришлось отрезать его червячка, потому что по-хорошему отцепиться никак не желал...

Что-то робко пробивается среди горячечных мыслей. Подсознание высылает сигналы. Что-то она пропустила... Эврика! Станислава стала сейчас преподавать только потому, что бегло знает несколько иностранных языков. Княжна слишком молода, чтобы работать по данной специальности. Вот столетие назад, в шестнадцатилетнем возрасте, она без проблем могла бы стать учительницей или гувернанткой^[76]. Но ведь ей и не надо быть учительницей, чтобы найти работу, при которой ее способности могли бы найти применение. В краковском университете наверняка имеется кафедра классической филологии и, скорее всего, отделение теологии, так что... Есть студенты, которые просто обязаны продирается через завалы греческой и латинской литературы. Наверняка имеется и востоковедение. Там, в свою очередь, кто-то глубоко изучает турецкий и армянский языки. Опять же, славянская филология, где знание боснийского и сербского тоже ценится. Студенты, как правило, народ ленивый, зато распоряжаются весьма даже неплохими средствами.

Это ее шанс: переводы и репетиторство или, как это сейчас называется, аудит. Нужно только чуточку подшлифовать польский. Понимает она его без проблем, неплохо на нем говорит, но иногда запинается. Классическую латынь она учила от людей, которые разговаривали на ней каждый день. С греческим тоже не будет проблем, когда попала в Миры, ей было восемь лет. Так что это ее чуть ли не родной язык.

Моника улыбается собственным воспоминаниям...

А все очень даже просто. Миникамера за двести злотых. При покупке трех десятков можно даже неплохо выторговать. А если напасть на товар из контрабандных партий, без пошлин на оптику и электронику, достигающих семидесяти процентов стоимости

оборудования, без НДС, пожирающего еще двадцать два процента, то можно спуститься ниже двадцати злотых за штуку^[77]... К этому же маленькие передатчики с радиусом действия около пятисот метров. Каждый необходимо выставить на чуточку другой волновой диапазон. Все необходимо сопрячь таким макаром, чтобы у приемника не было проблем с приемом информации. И, наконец, самый трудный этап — монтаж...

Обычный вечер понедельника в квартирке на Плянтах. Станислава читает книжку. Ее ей принесла кузина, вроде бы чего-то даже ничего. С первых же страниц можно понять, что в произведении рассказывается о приключениях экзорциста-алкоголика. Н-да, польская литература явно катится псу под хвост... А интересно, кстати, кто это написал? Графоман не банальный. На внутренней стороне обложки помещена фотография автора. Рожа гадкая, весь зарос, что какой художник, нож сам в кармане открывается... Станислава взяла в художавую руку веер и отгоняет дымок, пахнувший канифолью, что приходит из кухни. Кузена Катаржина работает. Завалила весь стол электроникой, теперь чего-то паяет. Время от времени смазывает соединяемые элементы серной кислотой^[78].

Странные запахи не мешают Станиславе. Работая в доме Сендзивоя, она к ним привыкла... Впрочем, бывало, что там воняло даже гораздо хуже, например, тогда, когда мастер исследовал состав телячьей крови. Долгими неделями слетались мухи, да и весь дом пропитался воистину трупным запахом.... Или, великая зараза, эпидемия чумы 1624 года. Тогда все считали, будто бы запах горячего настоянного на травах уксуса позволяет пережить заболевшим и избежать заражения здоровым. С тех пор тот запах доводит ее чуть ли не до истерики...

Младшая кузина действует неспешно и методично. Она разработала схему, изготовила прототип, испытала... И не спешит. Все должно быть выполнено очень тщательно и загерметизировано воском^[79]. Конечно, она рассчитывает на то, что уже первый день наблюдений принесет конкретные и материальные эффекты, но по привычке монтирует камеры так, чтобы те могли выдержать, самое малое, месяцев шесть. В ЦСБ ее хвалили за то, что мыслит с опережением... Но, с другой стороны, так ведь и нужно. Всегда следует иметь допуск на ошибку, резерв на черный день... Так, теперь еще раз проконтролировать оборудование. А где можно испытать устройство? Лучше всего, в каком-нибудь нейтральном местечке, где имеются приличные толпы. Одно такое местечко неподалеку она знает. Школа.

— Я выхожу! — кричит Катаржина в глубину квартиры.

Кузина Станислава что-то тихонько буркнула, но от книжки не оторвалась...

Как повесить шпионскую аппаратуру в самом центре города, на довольно-таки многолюдной улице? А в чем проблема? Для этой цели имеется брезентовый комбинезон и торчащая из кармана отвертка. Волосы связаны в хвостик, на голове бейсболка того же цвета, что и комбинезон.

Дворник проживает на первом этаже, в самой глубине двора. Катаржина энергично валит кулаком в его дверь. Тот открывает, пьяный в сиську и потому взбешенный, окидывает

незнакомку ненавидящим взглядом. Рожа покрыта трехдневной щетиной, лапы волосатые, в глазах желание всех прибить. Нельзя допустить, чтобы начал размышлять.

— Мне нужна трехметровая лестница, лучше всего — алюминиевая, с широкими ступеньками и блокиратором, — чтобы кого-нибудь полностью сбить с панталыку, лучше всего с места потребовать от него немедленно предоставить чего-то такое, чего ни за какие коврижки тот доставить не может.

— Ыыы... — дворник перепугано глядит на девушку.

— Мужик, давай живее, не стану же я монтировать датчик на темную!

В Бюро ей тщательно пояснили, что важнейшей частью словесных стычек является стремление вызвать у противника чувство глубокой вины. В конце концов, дворник направляется в кладовку и вытаскивает здоровенную железную лестницу, грязную, как будто бы он ею в мусорке рылся. В тех местах, где коррозия съела краску, просвечивает матовая ржавчина.

— Да пан ее хотя бы какой-нибудь тряпкой протер, — командует Катаржина и укоризненно поглядывает на часы.

Необходимо дать понять, что он забирает ее ценное время. Ругаясь себе под носом, мужчина очищает перекладины куском старого ватника. Наконец, он закидывает лестницу себе на плечо.

— Куда?

Похоже, чиновники из домоуправления когда-то неплохо его выдрессировали. Жаль, бухает он настолько сильно, что практически все позабыл. Необходимо вернуть ему классовое сознание.

— Датчики всегда вешают со стороны улицы, — в голосе Катаржины звучит укоризна. — Или пан желает замерять интенсивность дорожного движения здесь, во дворе?

...

Мужик послушно топчет к воротам. Катаржина опирает лестницу, приказывает придержать. А над входом как раз имеется подходящая полочка, образованная широким алебастровым порталом. Девушка вынимает из рюкзака аккумуляторную дрель и быстро монтирует камеру. Ноутбук, соединительный кабелек, регулировка резкости. Затем девушка подкручивает винт, подстраивая угол обзора. Готово. Кабель отключает, компьютер выключает. Спускается по перекладинам.

— Благодарю за сотрудничество. Свяжемся через месяц.

Уходит, не прощаясь. Дворник долго еще торчит перед подворотней, в конце концов отлипает от стены и неохотно возвращается в каморку-склад.

— Вот принесли же черти проверяющую, — бормочет он себе под нос.

Другой на его месте начал бы ворочать в голове: что и на кой ляд смонтировали на доме, находящемся в его опеке, но его мысли были заняты исключительно стоящей на столе в его каморке незаконченной бутылкой...

Работу раскандыкают, говоря совершенно специальным языком, проваландаются пару месяцев, сделают всего ничего и оставят после себя кошмарный бардак. Опять же, следует считаться с тем, что половина материалов испарится в — до конца так и не выясненных — обстоятельствах. Цена, которую потребуют, будет обратно пропорциональной качеству работы. Можно нанять гуралей. Те сделают быстро и более-менее тщательно, но спрос на их услуги высок, и, к сожалению, в последнее время они взвинтили цены. Обвинять их не следует, работают ребята легально и обязаны выплачивать сумасшедшие налоги и соцстрах. Можно привлечь гуралей нелегально. Выйдет где-то на добрую треть дешевле. Но все-таки дороговато...

Стройматериалы делятся на две категории. На хорошие и на плохие. А на качестве экономить не следует. Зачем делать дешевку, которую лет через пятьдесят нужно будет менять? Так что материал должен быть наилучшего качества. Тут мы в своем распоряжении имеем: материалы дорогие и дешевые. Дорогие, это товары, на которые имеются чеки. Зарегистрированный оборот производителя с включенным страхованием и налогом. Тот же самый материал, но без чеков, можно купить на треть дешевле.

Алхимик появился в шесть утра. Через узкие ворота на покрытый мусором дворик въехали два грузовика досками, балками, черепицей, фанерой, пенополистиролом, жестью и массой других ценных вещей. Тут же появились и пара десятков рабочих. Они умело вскарабкались на крышу и с огромным мастерством приступили к демонтажу готовой рухнуть конструкции. В восемь из своей квартиры выглянул хозяин дома.

— А здорово у них получается, — оценил он.

— Специалисты высшего класса, — подтвердил Алхимик.

— Чегой-то специалисты эти слишком смуглые, — задумчиво заметил старичок. —

Откуда пан их вытряхнул?

— Ну... скажем, что это беженцы. Из Косово.

Дедуля оскалил в улыбке пожелтевшие от никотина и кофе зубищи.

— Сказал бы пан, что из Чечни, тогда бы я, может, и поверил...

— Абхазские гуралы, — серьезно заметил Сендзивой.

— Абхазия... Чего-то вспоминаю...

— Раньше это была область Грузии. Теперь рвется в самостоятельность. Малюсенькая такая страна в предгорьях Кавказа... А от Чечни их делит целая горная гряда.

Алхимик понятия не имеет, что дедок имеет к чеченцам, посему предпочитает объяснять в самых общих выражениях.

Разборка старой крыши, если пользоваться современными инструментами, продолжается относительно недолго. Работники сорвали всю черепицу. Она не годится для повторного применения, но ее тщательно собрали. Последующая разборка — это работенка для двух десятков мужиков часов на четырнадцать. Работники и спали на крыше, пара охраняла материалы. Как бы жильцам чего-нибудь дурного в голову не пришло...

Конструктивные элементы из клееной древесины. Скелет поставили уже на следующий день. Еще день заняло изготовление внутреннего и внешнего покрытий, а так же гидроизоляции. И вот теперь — самое сложное: на новую крышу необходимо выложить слой старой черепицы так, чтобы крыша, более-менее, выглядела как до ремонта. А то еще придурки из стройнадзора прицепятся...

Княжна Моника полностью отказалась от попыток установить контакт с живущими с ней девицами. Никогда им не договориться, хотя они и «ровесницы». Любой контакт, выходящий за рамки будничной вежливости, оказался невозможным. Иногда такое случается. Девчонки сидят втроем и сплетничают о жизни каких-то придурочных идолов. При этом они теряют массу времени. Ведь есть гораздо более интересные вещи, о которых стоило бы поспорить. Моника, прожив более тысячи лет, научилась ценить каждую спокойную минутку. Так что: надеваем наушники. Она уселась по-турецки на кровати, оперлась о стенку и нажала кнопку «воспроизведение» на кассетном плеере, сунутом в карман серой рубашки.

В расположенной неподалеку библиотеке имеется специальный отдел для невидящих читателей. Там можно брать на дом записи книг на магнитофонных кассетах. Моника слушает их часами, осваиваясь с языком. Неважно, когда она вновь отправится в путь, так или иначе, еще один освоенный язык всегда сможет пригодиться.

Вот только уходить отсюда не хочется. Станислава... Приятно встретить кого-то, кто тебя понимает. Кого-нибудь с подобным опытом. Кого-то, помнящего, как до живого кусают клопы, и как мало света дает масляная лампада. Хорошо иметь приятельницу, которая способна понять тебя с полуслова. И совсем не имеет значения, сколько ей лет. Да и как все это считать? Сама она прожила более тысячи лет. Преподавательница — около четырехсот. Биологический расход организмов приблизительно одинаков. Жизненный опыт? Ну, тут можно и поспорить. Что лучше: сотни лет проживания в небольших балканских, византийских и кавказских селениях, или четыреста лет непрерывного бродяжничества по всем уголкам земного шара?

В то время, как сама она гоняла коз на пастбище, чувствуя на себе оценивающие взгляды деревенских стариков, Станислава сделалась по-настоящему светской дамой. Ее характер сформировался в местах, где жизнь шла быстро... Нечего и сравнивать.

Она не может представить учительницу без книги в руке, в то время как сама она иногда и за десять лет не имела возможности прочитать что-либо новенькое... Когда родилась, то была княжной. Пару раз в жизни даже применяла этот титул. У нее было несколько домов... А потом удача повернулась задом. Моника бывала и наверху, и опять внизу...

Девушка прикрывает глаза. Лучше всего было в Грузии. Народ чертовски суеверный. Как-то раз она жила целый сто двадцать лет в селении, и все знали, что она вампирица, которая никогда не постареет... Им это никак не мешало. Прогресс сжимается петлей у нее на горле. У войн в Югославии имелся один положительный аспект. Полнейший бардак в бумагах регистрационных учреждений позволил ей создать фальшивую тождественность. Но теперь она попала в более цивилизованные регионы Европы, и начинаются неприятности.

И в то же самое время она чувствует, что в воздухе висит нечто странное.

— С точки зрения статистики, это просто невозможно, — поясняет Катаржина.

Станислава растирает в ступке кардамон. Не все способны оценить необыкновенные свойства этой приправы. Ученица алхимика поднимает голову и с любопытством глядит на кузину.

— Почему?

— Вот сколько может быть бессмертных? Во всем свете?

Четырехсотлетняя «родственница» молчит, глядя в окно.

— Философский камень, якобы, смогли получить только Сетон и Сендзивой, — отзывается она. — Причем, последний получил рецептуру от Сетона. До того, якобы, его имел Келли, шастающий по Центральной Европе англичанин. Но он не умел его производить. В какой-то древней могиле обнаружил шар из слоновой кости, заполненный порошком... Во всяком случае, именно так он заявлял...

— А вот мне любопытно, случаем не... Насколько стара алхимия? Здесь мне важна идея.

— Герметисты всегда утверждали, будто бы алхимия доходит до начал творения, Гермеса Трисмегиста и тому подобное... Сендзивой над этим насмеялся. Правда, в конце XIX века были найдены архивы царей Ассирии в Ниневии, и среди табличек был трактат названный «Врата печи», родом из VI века до нашей эры.

— Если тогда тинктура была создана в первый раз, то по нашей планете могут бродить люди, которые в два или три раза старше Моники.

— Это так. Но не думаю. Статистика, которую ты так любишь, исключает их существование. В какой-то раз он, попросту, не успеет сбежать... Или свалится с лестницы.

— Беспокоит меня наша малая. Какова вероятность того, что вампирица встретится именно с тобой?

— Быть может, ее что-то притянуло. Телепатия или...

Катаржина уже ранее заметила, что мысли ее кузины несколько ленивы. Ей не хватает искусства дедукции; голова у нее светлая, но размышления как бы заикаются. Это проблема иного воспитания, жизненный опыт здесь не поможет...

— Телепатия... предположим, что таких как ты здесь несколько сотен. Это предполагая, что алхимики одаряли тинктурой своих учеников, сотрудников и так далее...

— Очень маловероятно, — вмешалась Стася.

— Ладно. Подсчитай, сколько может быть таких, как ты.

— Келли нет в живых. Сетон мертв. Авиценна... — она заколебалась. — Не знаю, то было за сотни лет до моего рождения. Из учеников Сендзивоя, кроме меня, живет пара. Один — это Ян Копаницкий, его я встречала пару раз; к своей истинной фамилии он привязан как-то и не был. Какая она у него теперь?

— Скуржевский.

— Тоже ничего. Сендзивой, если жив... Двух остальных я и не встречала, а после стольких лет имена их не помню.

— В живых их нет, — пояснила Катаржина, — их нагнали те, которые пытались покончить с тобой в школе...

И она кратко изложила выясненные в архивах результаты следствия.

— Черт, я до сих пор не могу понять, откуда они знали?

— У меня имеется гипотеза. Кто-то вас подставил. Некто, неплохо знающий тайну

Сендзивоя.

— Имеется еще один. Димитрий... — вспомнила Станислава.

— Хмм. Ну да. И о чем вы разговаривали?

В Катаржине предыдущая профессия выработала определенные навыки.

— Я спросила о Сендзивое. Тот сообщил, что уже давно его не видел. Ну и жаловался, как надоела ему жизнь. Еще ему хотелось узнать, проживаю ли я в Кракове. Вот и все.

— Те двое были убиты в Кракове... Он мог их просто подставить. Вот представь себе такую ситуацию... Димитрий любит пожить с шиком и, время от времени, погулять.

— Это точно. Костюм, что был на нем, выглядел словно из каталога.

— В его распоряжении запас тинктуры, но, как тебе известно, ею можно воспользоваться двумя способами. Или переработать в золото, или жить дольше. Золото — это деньги... Но за то, чтобы иметь деньги платой становится более короткая жизнь. Разве что...

— Он находит несколько очень религиозных людей. Внушает им то, что мы вампиры, впрочем, даже и не важно, что он там им сказал. Те двое гибнут с разрывом в лет пятнадцать. Затем приходит моя очередь...

— Именно. У каждого убитого он находит порцию тинктуры. Но, может, не всегда это и удавалось. Не все ведь держали ее дома или при себе.

— Если это правда... — Станислава взяла сумочку и вытащила наган. Провернула барабан. Шесть патронов с пулями закружило в смертельном танце.

— Ты права, если это правда? Ведь мы можем и ошибаться, — успокоила ее кузина.

— Как мы это проверим?

— Если это он, то вскоре можно рассчитывать на посещение убийц...

— Определить адрес будет нелегко.

— Но тебя могут выследить. Необходимо предпринять средства осторожности.

— И что ты предлагаешь?

Княжна Моника мчит на роликовых коньках по Плянтам. У нее неплохо выходит. Лет шестьдесят назад она ездила на роликах, но параллельная установка колесиков не давало таких возможностей, как нынешнее решение.

Коньки она получила от Станиславы. Преподавательница восприняла, что Моника прожила более тысячи лет, но подсознательно относится к ней как к шестнадцатилетнему подростку. И замечательно. В нынешние времена это очень даже замечательный возраст. От человека не требуют ответственности... В Византии в четырнадцать лет девушку считали взрослой. Ее двоюродная сестра вышла замуж в двенадцать лет, что не было чем-то необычным. Приятно иногда на пару часов освободиться от забот, которые несет с собой зрелость...

Моника мчит по-настоящему быстро. Когда же это в последний раз она ездила на роликах? В 1913? Похоже, так, за год перед войной, уничтожившей независимую Сербию и еще несколько стран. А в нужный ритм она вошла сразу же.

Воздух развеивает светлые волосы. Прохожие проводят ее взглядом. На ушах наушники от кассетника. Моника пролетает мимо трех полицейских. Один из них удивленно глядит ей вслед.

— Блиииин, какая телочка...

Ну почему для всех она ассоциируется именно с этим животным? Остальные качают головами. Девушка промчалась мимо них так быстро, что не успели заметить лица, а только размазанное пятно золотых волос.

Моника проезжает подземный переход, ведущий в сторону вокзала, и ускоряет. Здесь трасса ведет чуточку под уклон. Еще скорее! Жаль, что нужно быть внимательной, проскакивая улицы, пересекающие Плянты. Тот, кто спроектировал этот забавный парк вокруг Старого Города, должен был пойти дальше и запахать и все улочки. Здание Музыкальной Академии. Девушка проскакивает рядом с группой смеющихся студенток. Футляры для инструментов. Может быть стоило бы купить себе скрипку? Игра на ней так успокаивает... Но следует ли ей успокаиваться? Так. Шестое чувство подсказывает, что что-то висит в воздухе. Ладно, куплю. Как только добуду деньги.

Вавель. У основания холма, практически точно под башней с милым именем Куриная Лапка, стоит вытесанная из песчаника копия языческой статуи. Все зовут ее Швятовидом, хотя статуя изображает Сварожича. Возле статуи горит несколько кладбищенских свечей-фонариков. Язычники держатся крепко!

Увидав это, Моника сплевывает сквозь зубы. Христианкой она была еще в те времена, когда местные дикари резали новорожденных в жертву своим идолам. Подъездная дорога на возвышенность покрыта булыжником и круто идет вверх. Рядом узенький тротуар... Резкий угол, но девушка не поддается. Ворота. Моника въезжает на территорию замка. Где-то тут имеется лавочка. Есть. Остатки развалин на дворе, вскрытые и защищенные археологами, выделяются светлым цветом известняка на громадной лужайке. Расставленные вокруг бетонные блоки служат в качестве лавок. Моника садится на единственной свободной и вслушивается в реакции собственного тела. Она слегка запыхалась, сердце стучит барабанной дробью, выходя на нотку триумфа. Лошадиная кровь кружит в ее жилах, пот пахнет чуточку по-другому. Но через несколько дней это пройдет. А вокруг все замечательно, прозрачная и золотистая польская осень.

Девушка переставляет кассету на другую сторону. Еще пять минут, и она отправится дальше. На соседней лавочке сидит парень, на глаз лет четырнадцать, закопался в чтение толстенной книжки; добрался до конца главы и со вздохом облегчения захлопывает том, кладет его на нагретые солнцем доски названием кверху.

Молодой человек подставляет лицо солнышку, щурит глаза, пораженные его сиянием. Затем ведет взглядом по застройкам Вавеля и неожиданно замечает соседку. Какое-то мгновение он наслаждается ее красотой, проскальзывает по лицу и, опустив глаза ниже, отмечает роликовые коньки. Робко улыбается, как и следует улыбаться, увидав красивую незнакомку. Затем вытаскивает из сумки очередную толстенную книжищу.

Княжна поднимается с места. Полминутки на то, чтобы разогреть щиколотки и стопы, и можно катить дальше. Теперь будет с горки. А потом? Когда выедет на Плянты, кажется, будет легкий подъем. Или поехать через город? Нет, часть улиц мощеная, а вот какие, она не помнит. Ролики жалко. Ладно, в путь. Парень откладывает книжку и провожает девушку взглядом: чистым и светлым. В нем нет плотского вожеления, чистой воды восхищение. А Моника уже мчится вниз, мимо длинной крепостной стены, увешанной табличками с

именами спонсоров, давших средства на восстановление замкового холма. Там давно уже положен кошмарный, неровный бульжник. Опять же: съезд очень крутой и заканчивается практически на оживленной улице. Но Моника справляется. Ролики сделаны из твердой резины, корпуса — из углеродного волокна. Ну а поддержание равновесия — это мелочь...

Катаржина с удобством устроилась на поворотном кресле перед компьютером. Кузене пришлось пережить установку этого шумного ящика в салоне, хотя современное устройство ну никак не соответствует заставленному старинной мебелью интерьеру. Альтернативой было размещение машины в спальне... Катаржина способна отдаваться работе целыми днями. Что же, она ведь представительница новой эпохи. Станислава все еще верит в могущество листа бумаги и карандаша. Когда занималась делами на пограничье Судана и Эфиопии, ей хватало тетрадки и авторучки. Она прекрасно знала: кто, когда и за сколько... Но, раз компьютеры способны им помочь, необходимо ими воспользоваться.

Кузина Катаржина спокойно стучит по клавишам, обрабатывая фотографии с камеры-прототипа.

— Хмм... — бормочет она себе под нос.

— Что-то обнаружила?

— Погляди сама. Вчера я подвесила камеру в четыре вечера с минутами. А вот тут... — показывает она снимок, сделанный в двадцать ноль-ноль.

Свет уличного фонаря вырвал из темноты силуэт человека, стоящего в двери школы.

— Преподаватель биологии. Как его там... Секлюцкий, — идентифицирует мужчину Станислава. — Странно... Чего это он искал в такое время на работе? Ведь даже дополнительные занятия заканчиваются в четыре вечера.

— Вообще странный тип, — морщит брови Катаржина. — Что-то меня в нем беспокоит.

— Меня тоже, — кивает Станислава. — Взгляд у него какой-то нехороший. Ученицы его, похоже, не любят.

— Ну, мы вообще мало чего знаем о своих подопечных. Хотя, с другой стороны, нам ничего не мешает получить побольше информации. Среди них можно найти потенциальную агентуру.

Старшая из «девушек» усмехается. По причине работы в Бюро у ее «кузины» появились странные привычки...

— Ты имеешь в виду Моника?

— Именно. Нашу маленькую вампирицу... Или вампирку? Знаешь, как правильно?

Большая перемена. Моника тихонечко выскальзывает из школы. Полчаса — это куча

времени. Надевает роликовые коньки. Пять минут по-настоящему быстрой езды — и она на месте. Небольшой салон, где можно купить сотовый телефон. В заведении имеется ломбард и комиссионка электронного оборудования. Моника расспросила Катаржину относительно того, как работает мобильный, и теперь, довольная, приобретает элегантный, хотя и недорогой, аппарат и стартовый пакет. На листике записывает номер и улыбается про себя... Она носила княжескую диадему. В ее библиотеке имелись книжки, за которые теперь любой антиквар дал бы отрубить себе руку. Когда-то, уже очень давно, у нее имелась собственная вилла на берегу Средиземного моря, несколько рабынь... Она ездила в карете, восседала на чистокровной арабской кобыле. Сейчас на щиколотке она носит стилет из булатной стали, стоящий для коллекционера любых денег. Но никогда в ее жизни не было у нее телефона... Моника проверяет. Аппарат действует....

— Чем могу еще служить? — с улыбкой спрашивает продавец.

До девушки не дошло, что это всего лишь шутка. Взгляд ее перемещается по выставленным на полках устройствам. Каждое снабжено этикеткой с ценой. Моника решает мгновенно.

— Будьте добры, вот это...

Она глядит на часы. Урок начнется через шесть минут. Хорошо еще, что сейчас будет информатика с Катаржиной. Маленькое опоздание она простит. Вот если бы был французский, пришлось бы оправдываться за каждую минуту отдельно...

Старенький, юзанный ноутбук с 486-м процессором и черно-белым дисплеем стоил всего четыреста злотых. Замечательное вложение средств. Он настолько невелик, что можно запихнуть в сумку. Моника Степанкович сидит на краю ванны. Щель под дверью ванной прикрыла скрученной половой тряпкой: будет лучше, если свет в коридор не будет попадать.

Вообще-то правила внутреннего распорядка не запрещают заниматься по ночам работой ради заработка, но у девушки имеется странное предчувствие, что если бы ее накрыли, то все закончилось бы страшным скандалом. Опять же, имеется пункт, в соответствии с которым свет необходимо гасить ровно в десять вечера. Моника не уверена, относится этот пункт только к жилым комнатам или к ванным тоже.

Несколько ксерокопированных страниц она пришиливает к стенке. Греческий язык чуточку отличается от того, которым сама она пользовалась, живя в Мирах, но пока что справляется без словаря. Пальцы стучат по клавишам очень быстро, и все равно, больше чем четыре страницы перевода за час она сделать не способна. Часы в углу экрана показывают начало третьего ночи. Пора и вздремнуть, потому что утром будет вареная. Моника сохраняет работу и закрывает ноут.

Восемь утра. Ученицы все еще не проснулись. Они сидят за партами, но веки у них тяжелые. Кабинет биологии не принадлежит к самым приятным местам. Длинные серые витрины из дерева тянутся по всем стенам. Оставлены места лишь для окон. А в витринах стоят банки с различными препаратами, как правило, весьма отвратительными. Вдобавок: задумчиво склонивший свою черепушку полный человеческий скелет. Он настоящий, что видно по цвету костей. Гипсовые копии выглядят совершенно иначе. Рядом с классной доской, в высоком террариуме, на громадной древесной ветке греется несколько змей. Намного больше змей проживает в аквариумах в препараторской.

Преподаватель спокойно излагает тему урока. В то же самое время, слегка прищурив глаза, он следит за девушками. Монике его взгляд не нравится. Один раз в жизни, когда в XIV веке турки напали на армянские селения у подножия Арарата, она попала в руки торговцев рабами. Попалась тогда крайне неудачно: сама она убивать не любит, а тогда пришлось целых одиннадцать раз... У Секлюцкого тот же самый взгляд, что и у тех. На класс глядит так, словно оценивает стоимость живого товара. На его узких, словно у змеи, губах блуждает неосознанная усмешка. Эта скотина комбинирует что-то необыкновенно гадкое. Интересно, что? Так или иначе, придется обратить на него внимание... Княжна злится. В Польшу она прибыла, чтобы хоть чуточку перевести дух... Атмосфера угрозы отдыху не способствует.

Биолог прерывает изложение материала и отдает короткое, существенное указание. Нужно прочитать текст в учебнике и выполнить упражнения в конце главы. Сам же прячется в препараторской. В шести стеклянных бутылках, заполненных питательным раствором, более темными пятнами выделяются капли старой вакцины, найденной в разрушенной аптеке. В пяти банках ничего не поменялось. Зато в шестой... Ну да, глаза его не обманывают. В шестой что-то явно начинает происходить. Пятно стало больше. Притертая пробка дополнительно смазана маслом. Бутылка абсолютно непроницаемая, тем не менее, преподаватель чувствует неприятный холодок. А вдруг стекло треснет...

Он вынимает из кармана мобильный телефон. Среди его функций имеется и калькулятор. Считает. Шестнадцать учениц. Все родились после 1983 года. Вероятность заражения — семьдесят пять процентов, по двенадцать тушек на каждый класс. От шестидесяти до восьмидесяти процентов по школе... Все это он высчитывал уже неоднократно. И всякий раз результат тот же самый. Эти глупые телки будут стоить миллион баксов!

Как это сделано? Очень просто... Даже удивительно, что до него до этого никто не дотумкал... Пальцами он нежно поглаживает стекло. Наилучшие решения труднее всего выдумать. Даже у него это заняло несколько лет. Но еще чуть-чуть, и он будет богат. Сколько же клеточных делений должны пройти бактерии, чтобы превратиться в полноценный материал?

История. А вот это может быть интересно. Преподавательница рассказывает о временах

крестовых походов, осаде и падении Константинополя. По теме она знает немного, но ей не хотелось даже поискать в книгах.

Моника Степанкович внутренне напряглась. Безотносительность и отстраненность изложения ее бесят. Для исторички это всего лишь дата из книжки. 29 мая 1453 года... Для нее же — наполненная кошмарами ночь, когда под огнем турецкой артиллерии пали извечные крепостные стены. Хаос, пожар, паническое бегство с осознанием того, что, в принципе, бежать и некуда... Тогда она оставила за собой трупов намного больше, чем до того или после того. Турки три дня и три ночи грабили город и убивали его жителей... Три дня врывались они в дома и церкви, убивали мужчин, насиловали женщин. Под конец третьего дня она нашла в сточной канаве останки двоюродной сестры. В тот день она в последний раз видела кого-либо из собственного рода...

Последующие годы. Сам Константинополь пал, но подчиненные ему территории держались. Тогда ей казалось, что найдет себе местечко, где сможет жить... Только страны на Балканах исчезали одна за другой. И, в конце концов, бежать стало некуда... На ногу Моника чувствует прикосновение кожаных ножен. Булатный стилет был в ту ночь с нею. Сколько раз пришлось ей убивать? Уже на утро она потеряла счет...

Теплый осенний день катится к вечеру. Станислава ведет свою кухню и княжну Моника по Флорианской улице. В одном из ближайших закоулков заработал грузинский ресторан. Уроки закончились рано, самое время пообедать. Так что стоит попробовать настоящие хачапури и запить их глотком вина «алазни». Прошлый год в Грузии был для винограда урожайным. Молодое вино, зреющее в подземных кувшинах, на залитых солнцем склонах неподалеку от монастыря Шиомгвиме^[80], не имеет себе равных. Французским кислякам до него, как до неба на четвереньках...

Княжна уже достигла значительного прогресса в выявлении тонких нюансов польского языка, так что, увидав на вывеске надпись «Подвал под золотой пипой^[81]», фыркнула нежным, девичьим смехом.

— Что же это за пивная для развратников?

— Похоже, что «пипа», это старопольское уменьшительное от имени «Фелиция» — Катаржина поднимает взгляд на кухню. Станислава отрицательно покачала головой.

— Раньше так называли устройство для выкачивания пива из бочки^[82], - пояснила она и потянула девиц дальше.

Похоже, что ей тоже докучал голод. Вообще-то, без еды она могла выдержать несколько дней, но удовольствием это назвать было сложно.

Подземелья старинной части Кракова тянутся на километры. Это совершенно иной мир, не замечаемый с поверхности. Из ничем не примечательной подворотни ступени ведут вниз. А потом начинается лабиринт. Один подвал, проход, второй подвал, десятый... Иногда они располагаются на одном уровне, иногда — на двух, а то и трех. Как правило, одна подвальная система занимает пространство под одним городским кварталом. Но иногда, если несколько домов на улице принадлежали одному и тому же человеку, их подвалы соединяются друг с другом. Ба, встречаются даже экстерриториальные проходы, проходящие под соседскими владениями.

Краков издавна был купеческим городом. Когда-то в этих емких подземельях цвела жизнь. По замурованным сегодня спускам скатывали и выкатывали бочки с пивом, медом и токаем. Сквозь ведущие на поверхность шурфы на блоках спускали мешки с товарами, окованные деревянные сундуки, связки кожаной обуви. Купцы ушли, от них осталось лишь дыхание множества счастливых веков. Сегодня в подвалах разместились десятки пивных и гастрономических заведений: рестораны, пабы, винные подвальчики. Песни и тосты колотятся в кирпичные потолки, связанные замечательным строительным раствором XVI века. В подвалы, после множества лет забвения, вернулась жизнь.

В «Подвале под золотой пипой» дороговато, но вполне даже и симпатично. Сейчас, в обеденное время, клиентов весьма даже и немного. В небольшом зальчике их всего двое. Если бы Станислава каким-то чудом заглянула в это помещение, она ужасно бы удивилась. За пивными кружками оговаривают свои дела два сообщника. Один из них — это ее древний знакомый, Димитрий, ученик алхимика Сендзивоя. Второй же — это Секлюцкий, преподаватель биологии из их школы.

— У меня имеется ее адрес, — сказал биолог, вынимая из бумажника сложенный вчетверо листок. — Был в заявлении о приеме на работу.

— А вот интересно, адрес настоящий? — вздохнул второй мужчина. — Она ведь могла и хорошенечко замаскироваться. Ты уверен, что это именно она?

Он вынул из кармана фотографию, сделанную около 1880 года, и задумчиво крутит ее в пальцах.

— Абсолютно. Ты мне разъяснишь?

Колебание. Что сказать дружку? Правду, полуправду, соврать?

— Она живет очень долго и не стареет, — наконец-то отозвался он. — Мой прадед и дед пытались накрыть ее.

— Но ведь такое невозможно...

— Естественно, — усмехнулся Димитрий, подсовывая приятелю фото. Тот видел его неоднократно. И действительно, похожесть практически исключает ошибку.

— И что делаем дальше?

— Ну что же, раз нам известно, где она проживает, нужно будет ее убить.

— Вот так просто: убить? — обеспокоился его собеседник.

— Ладно, не убить. Ликвидировать. Вампиров ликвидируют. Сможешь потом сделать вскрытие. Возможно, обнаружишь чего-нибудь любопытное. Только не говори, будто бы тебя что-то останавливает. Твой блестящий план по получению миллиона долларов требует гораздо больше жертв...

— Совсем даже и не обязательно, — тут же встрепенулся биолог. — Заразность не столь уже и велика, тем более, что сейчас болезнь можно и лечить. Я рассчитываю на то, что число смертей не превысит десяти процентов.

— А это правда, что Всемирная Организация Здоровья платит по пятнадцать тысяч долларов за каждый доказанный случай черной оспы? — удивлялся Димитрий.

— Да. Но с 1974 года ни одного не было отмечено. Болезнь вымерла в принципе. А точнее, была уничтожена человеком. Вплоть до нынешнего момента. У меня в препараторской имеется восьмилитровая баночка, а в ней — культуры бактерий, изолированные из старых вакцин^[83]. Теперь они потихонечку размножаются на питательном растворе... Придется, правда, несколько недель подождать.

— Что, целых восемь литров? Только не гляди с таким укором, это же ты у нас специалист по микробиологии.

— Да нет, и нескольких капель хватит, но проблема в том, что бактерии в вакцине были химическим путем кастрированы. Размножаются крайне медленно. Каждое последующее поколение проходит естественный отбор. Самые слабые — гибнут, самые сильные — развиваются быстрее всего. После нескольких десятков циклов полностью восстанавливают давнюю живость. Вот тогда можно будет и позабавиться.

— Черная оспа...

— Можно сказать, что я сражаюсь за то, чтобы вернуть биологическую разнородность, — слегка усмехнулся учитель. — Я спасаю от окончательного уничтожения целый вид живых существ.

— Понятно... а в качестве награды получишь миллион баксов. Жаль, что не Нобелевскую премию.

— Если эта Станислава и вправду является вампиром, если она действительно живет более ста лет, то исследования ее организма даст нам знания, стоящие и нобелевки...

— Выбей себе это из головы. Твой план с оспой и так достаточно рискованный...

Стилеты взглядов над столом. Заговорщики знакомы уже добрых несколько лет. Иногда ссорятся, но, чаще всего, соглашаются на полуслове. Оба очень четко определяют свои жизненные цели. Они жаждут той власти, которую способна дать самая могущественная из всех, по их мнению, существующих на земле сил: большие бабки!

Грузинский рестораник оказался ужасно симпатичным местечком, но Станислава недовольна. Она считает, что лаваш следует жарить на масле, выжатом из орехов^[84], ну а то, что в меню нет ни одного сорта грузинского вина^[85], требует незамедлительного отмщения! Катаржина с княжной с трудом сдерживают смех. Но на самом деле, Станислава в чем-то права... Моника много лет провела в Грузии, так что тайны тамошней кухни ей не чужды...

Они уже пообедали и теперь, за десертом, могут и поболтать.

— Если шгука с камерами не удастся, придется искать Сендзивоя по-другому, — начинает Катаржина.

— А почему бы ей и не пройти? — беспокоило глянула на нее «кузина».

— Я не говорю, что так случится, но, на всякий случай, нужно предохраниться. Подобного рода охоту ведут по нескольким направлениям... Мне нужно кое-что, что наша

бихевиоральная^[86] группа называет «психологическим портретом»...

Княжна Моника сидит рядом и внимательно слушает.

— Мужчина в возрасте около сорока пяти лет, но выглядящий несколько моложе, — говорит Станислава. — Любил ходить в коричневом плаще с белым плюшевым воротником под самый подбородок... Понятное дело, уже давно он этим костюмом не пользуется.

— Он любил хорошо одеваться, или не обращал на это внимания? — спрашивает Катаржина.

— Всегда ходил в чистом. В те времена такое было довольно-таки необычным. Но мало кто обращал на это внимание... Сам же он в какой-то степени поспешал за модой, а точнее, навязывал окружению свой стиль.

Катаржина отмечает на листочке одежду и ставит небольшой вопросительный знак.

— Его любимые напитки? — спрашивает она.

— О, Господи... Пиво любил. Но в те времена все пили пиво: от маленьких детей до болезненных стариков.

Бывшая агентесса переводит изумленный взгляд на княжну. Та подтверждает, кивая.

— Напиток как напиток, — пожимает Моника плечами. — Правда, совершенно не был похож на ваш. Пиво было более густым и чуточку более сладким. И еще, оно было практически некрепким. Впрочем, на Балканах оно никогда особенной популярностью не пользовалось. Мы предпочитали вино.

— Пиво другое, — записывает Катаржина. — У меня появилась идея. А вино пил?

— Иногда. — Кузина напрягает память. — Как правило, венгерское^[87]...

— Значит, токайское, — размышляет Катаржина вслух. — Оно и тогда было дорогим?

— А как же.

Катаржина старательно пишет.

— Любимые развлечения?

Взгляд кузины переполнен мягким укором.

— А развлечения, дорогая моя, у нас были чуточку иными, чем у вас. Мы читали Библию и набожные книжки, вышивали, играли в карты или в кости, играли на музыкальных инструментах, иногда глядели на представления фокусников и шутов или на казни преступников. Но сразу же тебе скажу, что из всего этого Сендзивою более всего по сердцу было чтение книг. Над ними он проводил каждую свободную минутку. Книг у не го было около пары десятков, то есть, на те времена, довольно-таки приличное собрание.

— Угу... — бурчит себе под нос Моника. — Эпоха упадка.

— Эй, малая, не выступай, — тут же вскипела Станислава. — Двадцать книг было неплохой библиотекой...

— В Мирах у меня было почти что шестьсот папирусных свитков, — с вызовом глядит на нее вампирица. — Немного классики, но еще религиозные трактаты, поэзия... Мы жили на совершенно ином уровне.

— Быть может, это потому, что ты была княжной? — замечает Катаржина.

— Может и так, — это уже признание в ошибке.

— Книги, — дописывает самая младшая из троих женщина. — Этого мало...

— А что ты хочешь сделать? — Станислава чуть ли не сразу забывает о ссоре, долго сердиться она не умеет.

— Вообще-то, все достаточно просто. Выделить любимые развлечения и экзотические потребительские продукты, к которым наш объект привязан. Осуществить взлом в базы

данных банков, действующих в системе кредитных карточек «Виза». Поискать людей, которые бы осуществляли закупки в соответствии с определенным нами алгоритмом, учитывая конкретные группы продуктов. Затем, после выявления номеров карточек, свистнуть данные из центральных архивов клиентов и посмотреть на фотки...

Моника Степанкович и Станислава Крушевская родились очень и очень давно. Их жизненный опыт определяет способ взгляда на действительность. Десяток последних лет существования Интернета для них всего лишь едва уловимая историческая деталь. Тем более, что обе жили в странах, где такого рода технические решения еще не принялись. Станислава с беспокойством глядит на младшую «кузину». Только теперь до нее дошло, какую власть сконцентрирована в руках ее родственницы... какое могущество...

Княжна тоже молчит, и она тоже напугана. Предчувствие говорит ей, что через десять, возможно — двадцать лет ей придется вступить в сражение с компьютерными системами. Ошеломляющие возможности, о которых рассказывает за чашкой чаю учительница, это всего лишь начало... Один раз Монике уже пришлось бежать. Тогда она покинула Константинополь, оставила дом, заполненную книгами комнатку и на целые века превратилась в дикую девицу с гор. А теперь... теперь даже не будет телесного врага, которому можно было бы распороть брюхо булатом. Теперь опасность будет скрываться где-то там, в паутине стекловолоконных магистралей, соединяющих сервера и банки данных.

— А почему ты подозреваешь, что он пользуется карточкой? — спрашивает Станислава.

У нее самой их две. Одну выставил банк на Джерси, вторую — Национальный Банк Туваля. В том случае, если кому-то захочется сражаться с содержанием сбережений в одном налоговом раю, Станислава быстро переведет из в другой...

— В нынешние времена, это наилучший метод распоряжения наличностью, понятное дело, если она у тебя имеется. А месяц назад у него было около тридцати тысяч злотых за проданный брусок золота, — терпеливо поясняет бывшая сотрудница Бюро. — Потому я предположила, что он пользуется кредиткой... Вот только, если нам не удастся точно вычислить, что он с ее помощью покупает, тогда это пустышка.

— Я слышала, что в Варшаве имеется магазин, специализирующийся на болгарских винах. Понятно, они могут предложить и что-то редкое. Быть может, там же существует такой же, только с токайскими винами. Если Сендзивой захочет полакомиться вином какого-то редкого года... Наверное, это проверить стоит?

— Не исключено, что ты и права... Только я еще кое-чего придумала. Раз он любит традиционное пиво, такое, какого сегодня уже никто не производит, может быть стоит сварить бочку и поставить ловушку? Вот только, блин, как найти рецепт четырехсотлетней давности?!

Станислава заинтересованно глядит на кузину.

— Сварить я могу и у нас дома...

— А ты умеешь? — глаза Каси^[88] от изумления делаются совсем круглыми.

— Тоже мне, бином Ньютона! Через три недели будет готово. Проблема в том, как потом его продать... Что, встанем на рынке с транспарантом?

— Один из ресторанов в Старом Городе принадлежит Бюро, — понижает голос Катаржина. — Разнообразим предложение подаваемых там напитков.

— Так ведь ты в Бюро уже не работаешь.

— Зато до сих пор имею несколько полезных связей... Так что нужно наварить пива...

Боснийская княжна этой польской поговорки не знает^[89]. Предложение

преподавательницы она принимает совершенно естественно.

— Как ее ликвидировать? — спрашивает биолог.

Он нервно сглатывает слюну. Димитрий смотрит на него, прищурив глаза.

— Прежде всего, мужик, успокойся, — ворчит он. — Если хочешь чего-нибудь достичь в жизни, ты обязан научиться убивать. Сам собрался прикончить сотню девиц, а теперь не можешь стукнуть в лоб какую-то бабу?

— В лоб...

— Ну, это я так, идею предложил. Можно ведь и по-другому. Лучше всего, если подстроить несчастный случай...

— Или запустить ей ядовитую змею?

Сообщник внимательно смотрит на преподавателя, обдумывая идею.

— А какую?

— Понятно, что не гадюку. У той слишком слабый яд. Достаточно иметь крепкое сердце и часок отлежаться. Может, жарараку? Агрессивная скотина, где-то с полметра длины^[90]...

— А эффективность?

— Сто процентов^[91]. Если противоядие вколоть в течение двадцати минут после укуса — тогда снижается до шестидесяти. Только откуда в этом городе за двадцать минут добыть сыворотку? Но вопрос: а яд действует на таких, как она?

— Да.

— Откуда знаешь?

— Поверь мне. Кое-какой опыт имеется... Думаю, что змею возьмешь из своего развода?

— Ясное дело.

— Тебя никто не вычислит?

— Змеи нигде не зарегистрированы, а купил я их из левой нычки...

— Ну и что. Торговца зацапают и тогда, чтобы смягчить приговор, он сыпнет и тебя... Об этом не подумал?

— Спокуха! Он понятия не имеет, кто я такой; разве что с виду узнает. Ладно, через пару дней все будет готово.

Ночь на среду прохладная. Княжна Моника Степанкович работает по ночам. В ванной ноут подключить негде. К счастью, советский народ эту проблему решил уже давным-давно. Девушка выкрутила одну лампочку и завернула купленного у русских «злодея». Кабеля едва

хватило... Моника работает. Два специализированных словаря, изданные еще до Первой мировой войны, обнаружили в букинистическом магазине. Иногда приходится заглядывать и в них — как оказалось, некоторые слова она забыла. Другие звучат для нее совершенно чуждо. Греческий язык, которым она пользовалась, все же отличается от языка времен Перикла.

Пять часов работы. На часах три ночи. Двадцать страниц перевода, по пятнадцать злотых за страничку... Неплохая оплата за бессонную ночь. Но есть еще четыре часа, которые можно посвятить сну. Спит она всегда глубоко, силы восстанавливает быстро.

Директриса крадется словно старая гиена. Моника слышит ее шаги, когда та очутилась не дальше пары метров от двери. Оп-па, засада! Свернуть барахло не удастся. Что же делать? Ладно, играем ва-банк.

Баба-яга резко распахивает дверь. А что она себе представляла? Все, что угодно, но только не это... Рабочими гипотезами были: тайное курение травки, выпивка, может, даже, занятия сексом с протасенным украдкой парнишкой? А тут она застаёт свою подопечную, которая, задумчиво изучая толстенную книгу, умело стучит по клавишам ноутбука. Моника делает вид, что из задумчивости ее вырвал скрип двери, поднимает глаза и, увидав начальницу, одаряет ее улыбкой, после чего спокойнехонько возвращается к работе. Играет она здорово, выглядит практически естественно.

Женщина же ужасно смущена. Вид погруженной в чтение ученицы поначалу ее успокоил. Ничего плохого не происходит, сербка чего-то там переписывает, сидя на краю ванной. Но в следующую же секунду в ее голове, как по мановению волшебной палочки, выстраиваются очередные пункты правил внутреннего распорядка. И из них следует, что девица нарушила, как минимум, половину...

— Что ты здесь делаешь? — из горла исходит хрип.

Черт, не прокатило...

— Учю древнегреческий язык, — ответ конкретный и четкий. — Очень интересно...

В ней не видно страха, как будто бы занималась самым естественным в мире делом.

— Среди ночи? — изумленно сопит директриса.

— Никак не могу заснуть...

Моника понимает, что сделала серьезную тактическую ошибку: начала объясняться... нехорошо.

— В правилах внутреннего распорядка сказано четко, что в десять вечера все должны быть в кроватях! — орет женщина. — А тебе, что, казалось, что тебя это не касается?! Вечно с тобой все не так, шатаешься неизвестно где... С завтрашнего дня у тебя шлагбаум!

— Что это значит? — удивляется княжна.

Слово «шлагбаум» ей известно, но до сих пор оно ассоциировалось только с железнодорожным переездом.

— Посидишь тут под ключом, моя дорогая, пока мы не выясним парочки фактов, — цедит слова начальница. — Сегодня вечером пришло письмо от дирекции школы... Ты, вроде бы, присутствовала там только в первый день, да и то — на двух уроках.

Мозг в течение пары секунд анализирует информацию... Да о чем эта баба бредит? Блин, понятно! Ее же записали в ту ужасную общеобразовательную бурсу, из которой она смылась. Наверное, стоило бы сообщить директрисе об изменении места обучения?...

— Марш в постель, а утром я с тобой разберусь, — рычит старшая женщина и исчезает в двери.

Так что же делать? Возможностей хватает... Ладно, вначале необходимо сохранить работу, а потом хорошенько умыться. Моника возвращается в спальню. Четыре остальные девушки погружены в глубоком сне. Княжна не любит скандалов. А тот, что предполагается завтра, будет по-настоящему солидным. К тому же, баба-яга и серьезно захочет подержать ее под ключом. Так, драка наверняка начнется сразу же после завтрака. Все хозяйство займет где-то с час, а то и больше, а ведь в восемь нужно быть в школе. Если она пропустит французский, будет неудобно перед Станиславой...

Ну так что? В дорогу. Моника собирается быстро и методично, не зажигая свет. А ей и не нужно. В темноте она видит словно кошка, хотя, к примеру, чтение без света тяжело для глаз. Вообще-то слишком много вещей у нее и нет. Три тома словаря, ноутбук, «уокмэн», несколько кассет. Временные документы, хотя особо они и не пригодятся, белье, сменный свитер. Деньги, тонкая пачка банкнот... Это в карман. Девушка беззвучно собирается и застилает постель. После себя лучше оставлять порядок.

Конечно, можно было бы написать прощальное письмо. Вот только: кому и зачем? Нет, нужно. Все-таки, должна быть культура; каким бы не было пребывание в гостях, за него следует поблагодарить. На вырванном из тетрадки листке Моника калякает несколько прощальных слов и кладет его на подушку. Утром найдут. Она глядит на часы. Четыре часа ночи. Так, ролики в рюкзак. Двери внизу закрыты, в окнах первого этажа решетки. Но здесь, на третьем этаже их нет... Так, сумку на руку... Моника открывает окно и выходит на влажный от росы карниз. До угла здания шагов десять без страховки. Ничего, бывало и хуже...

Громоотвод из стальной проволоки. Солидные крепления, запущенные в стену еще во время строительства. Моника умело опускается вниз. Теперь только двухметровая ограда из сетки на стальной раме, и она уже на тротуаре. Девушка храбро направляется в ночь. На третьем этаже, в спальне ее группы загорается свет. Директриса вновь решила ее проконтролировать и обнаружила бегство... Только, естественно, птичка уже давно улетела...

Супермаркет работает круглые сутки. Понятно, что это риск. Их баба-яга наверняка уже висит на телефоне, названивая в полицию. Патрульные машины в эту часть города заезжают часто. Но нужно.

В отделе с туристическим снаряжением Моника покупает пробковый коврик и спальник. Осматривает палатки. Дешевка страшная, зато недорого. Сезон закончился, продолжается хаотическая распродажа барахла. Сорок злотых — не слишком крупный расход. Рядом стоят еще велосипеды. Цена тоже акционная, но по карману бьет прилично. Черт, так у нее же имеются ролики. Кассирша настолько сонная, что ничему не удивляется. Даже девушке-подростку, среди ночи покупающей палатку.

Княжна пересекает заснувший город. Автомобилей пока не видно, так что она катит посреди улицы. Где-то скрежещет первый трамвай. Моника мчится на роликах. На луг, где выпасают лошадей, она добирается буквально за полчаса. Тропинка и полузатопленный мостик. Моника перебирается на другую сторону. Густая березовая роща. Там обнаруживается симпатичное местечко, где можно разбить палатку, закинуть вовнутрь коврик, разложить спальный мешок. Скоро пять утра. Моника выставляет будильник в телефоне на семь и засыпает. Два часа — это, считай, ничего, но если она не вздремнет, то в школе будет чувствовать себя словно зомби. А она не любит чувствовать себя зомби, потому что она — вампир.

В воздухе заметна белая мгла ее дыхания. Это означает, что температура упала ниже десяти градусов по Цельсию... К счастью, спальник толстый и теплый...

Станислава задумчиво водит взглядом по классу. Ученицы заняты делом. А вот княжна Моника Степанкович обучается по индивидуальному плану. Она уже знает все то, что ее одноклассницы только изучают. Так что нет смысла терять время. «Отверженные» Виктора Гюго в оригинале — это подходящий материал, чтобы подшлифовать знание французского языка. Станислава просматривает предыдущие работы Моники. Судя по некоторым видам ошибок, девчонка изучала французский в двадцатых годах где-то в Ливане или Палестине. Выходит, должна знать и арабский. Интересно, насколько ее диалект отличается от суданского?

Со вчерашнего дня что-то незначительно изменилось. Раньше она никогда не подключала ноут к розетке в классе, а теперь явно заряжает аккумулятор. Никогда до того преподавательница не замечала листьев и соломинок в волосах своей ученицы. Сегодня после уроков они собирались варить пиво, только Моника попросила ее извинить: не придет, много занятий. Впрочем, она никогда пивом не занималась. Вот если когда-нибудь пожелают хорошего винца...

На пятый день алхимик поднимается на собственный уже чердак. Сто квадратных метров — это много места. Здесь у него шесть окон, которые выходят на улицу и на внутренний двор. Проверил, есть ли вода в кране. Замечательно, уже подключили... Он выглянул в окно и широко улыбнулся. Дом чуточку выше окружающих его построек, так что он выступает над деревьями. Перед Сендзивоем вид на широкую, зеленую ленту — Плянты, а за ней красные крыши Старого города. Под ногами у алхимика выбранное со вкусом покрытие. И не из супермаркета. Протрется не раньше, чем через лет тридцать. Впрочем, сам он и не собирается жить здесь так долго.

Рабочие стоят рядом; за ними камин, пока что без огня.

— Договор выполнен. — Мастер, одновременно являющийся главой клана, выступил вперед. — Все сделано на день раньше. Платишь за шесть дней?

Сендзивой усмехнулся в ответ.

— Абхазия — страна бедная, опустошенная войной^[92], - спокойно говорит он по-русски, разве что с чуточку архаичным акцентом. — У вас там семьи, которым вы должны высылать деньги. Плачу вдвойне...

Он извлекает из портфеля упаковку банкнот по сто злотых, садится на столе у подоконника и спокойно отсчитывает двести пятьдесят штук. Когда заканчивает, у него в

руке остаются еще четыре. Непонимающе глядит на них, затем усмехается и добавляет на кучку.

Снова он выглядывает в окно, радуется виду. Когда оборачивается, его новая квартира совершенно пуста. Работники ушли. По лестнице, сопя, поднимается хозяин.

— Лишнего не заплатили? — заговаривает он. — Такая замена крыши, как мне говорили, тысяч на двести тянет...

— Иногда удастся чего-нибудь и выторговать, — алхимик закидывает обрезки досок в камин, чтобы подложить огонь.

— Вы с этими чеченцами торговались?! — старичок свистит сквозь зубы. — Так пан круче, чем на вид...

Новый жилец задумчиво склоняет голову. До дедка доходит, что ляпнул глупость. Этот человек с самого начала выглядит настоящим мужчиной.

— А это деньги для вас, — алхимик вынимает из портфеля вторую упаковку. — За чердак. Пересчитайте, должно быть ровно тридцать тысяч...

Он добавляет в камин щепки. Вытаскивает из кармана старинное огниво, века XVI-ого. Через мгновение кусок газеты загорается. Сендзивой прикрывает дверки. Языки пламени отражаются на лице пересчитывающего банкноты домовладельца. В его глазах подмигивают искорки. Алхимик глядит на старика и замечает определенную похожесть с самим собой. Деньги, как таковые, того не интересуют. Это всего лишь средство для достижения цели...

Как сварить хорошее пиво? Да ничего сложного! Во-первых, нужен солод. Где-то мешок или половинка. Впрочем, сделать солод тоже не проблема. Нужно рассыпать зерно на ткани, оросить его водой, но быть осторожным и не перелить воды, а не то зерно сгниет. Через пару дней зерно выпустит белые, похожие на паутинку корешки. Все это время нужно поддерживать зерна слегка влажными. Еще через пару дней появятся ростки. Как только они достигнут длины в пару сантиметров, зерно нужно собрать и высушить. К этому времени содержащийся там крахмал превратится в простые сахара. А теперь все нужно пропустить через крупорушку, чтобы высохшее зерно размельчить...

Главной сложностью, которую Станислава не может преодолеть, это то, где в центре города найти крупорушку. Но проблему эту можно разрешить весьма легко. На Западе варка пива в домашних условиях сделалась очень даже популярным занятием. Там же можно найти специализированные лавки. В Польше этим делом занимается лишь горстка любителей, правда, неплохо организованных. Достаточно отыскать их в Интернете и заказать 20-кг мешок уже размолотого пильзенского солода. Если кто-то из торговцев проживает в нашем городе, можем взяться за дело сразу же, как только привезем мешок от продавца домой. К тому же такие люди предлагают еще и пивные дрожжи, солодовый экстракт, хмельной гранулят, бутылки, пробки, машинки для закупорки, даже этикетки. Устройство пивоварни в собственном доме — это расходы порядка нескольких сотен злотых. Но вложенные средства вернутся, потому что домашнее пиво, после вычета стоимости составных, наполовину дешевле самого дешевого из доступных на рынке сортов.

Опять же, сваренное дома отличается несравнимо лучшим качеством...

Понятное дело, чтобы сделать по-настоящему хорошее пиво, нужен опыт. У Станиславы подобный опыт имеется. За работу она взялась сразу после уроков. Взамен за соответствующую доплату все ей доставили прямо под дверь...

Котел от полевой кухни накрывает все четыре горелки газовой плиты. Сорок литров воды, мешок солода. Температуру она оценивает на глаз; поначалу хватит и 35 °С. Приставила к печке лесенку и мешает содержимое половником.

— Этот этап называют затиркой, — поясняет она кузине.

Та чуточку морщит носом. Запах варящегося солода весьма странный.

— Соседи подумают, что мы тут самогон гоним, — замечает Катаржина.

— Фигня. То, что мы делаем, абсолютно законно, — прелестно улыбается ее старшая «родственница».

Прошло последующие полчаса. Стася подкручивает горелки, снова тщательное вымешивание и очередной, третий скачок температуры. Под конец она доводит ячменную похлебку чуть ли не до кипения. При этом половником она вылавливает разваренные и вываренные зерна. Его собралось чуть ли не полное ведро. Жидкость в котле делается желтой. В тот момент, когда Станислава выставляет ведро на балкон, Катаржина наливает себе где-то с полстакана жидкости. На запах она ни в чем не напоминает пиво, на вкус — тем более.

— Эй, а может подождешь, пока не созреет? Через две недели попробуем.

— А это что же?...

— Сусло.

Стася вновь регулирует горелки, чтобы довести смесь до кипения. Экстракт хмеля в гранулах пахнет очень резко; старшая кузина высыпает в котел около половины пакета и снова мешает.

— Ладно, теперь пускай с часик покипит, — бурчит она себе под нос. — Избыток воды испарится.

— Слишком трудоемкая штука... — замечает ее кузина. — Слушай, а как мы приготовим обед? — глядит она на занятую кухню как бы с легким упреком.

— А бутерброды на что? Или закажем пиццу по телефону.

В варке пива есть что-то от алхимии... Горячее сусло попадает в два ведра с крышками, ведра выносятся на балкон. Пускай остывает. Из супермаркета им привезли пластиковую бочку объемом в 100 литров. Похоже, не слишком она приспособлена для того, чтобы держать в ней пищевые продукты, но что поделать... Другой попросту нет... Теперь содержимое ведер необходимо залить в резервуар, дополнить артезианской водой из канистр, прибавить дрожжи и вытащить все хозяйство на балкон. В крышке имеется дырка, куда вставлен водяной затвор. Булькать будет дай боже!...

— Через две недели можем взять изделие в пивную, — с удовлетворением заявляет алхимичка.

Палатка разбита в березовой роще, подальше от людских глаз. Коврик, спальник — чего еще требовать от жизни? Совершенствования условий проживания... Княжна посетила строительный супермаркет; ладно, потратит оплату за ночную работу, но ведь и деньги она зарабатывает для того, чтобы их тратить... Заказать грузовое такси — как два пальца об асфальт. Перед супермаркетом вечно дежурит несколько. Закупки она перевезла к конечной остановке автобуса.

Моника припрятала приобретения в кустах и постепенно перетащила их в рощу. Большая часть покупок даже относительно легкая. Лошади следят за девушкой, когда она топает по тропинке, навьюченная досками. В последнее время они ее уже не боятся. Девушка улыбается животным. Теперь-то они ей уже ни для чего не нужны, жажду она успокоила. Но ей нравится прикосновение теплых ноздрей, когда лошадь ищет в ладони кусочек сахара. Нравится ей и теплый запах конюшни. Тропа раздваивается. Хорошо вытоптанная дорога идет налево, как правило, по ней ходят люди, выгуливающие своих собак. Едва заметное ответвление ведет вправо. Как раз в ее княжество.

Здесь уже никто не ходит. С трех сторон мелиорационные каналы и топи, с четвертой — высокая бетонная стена. За нею нечто, подписанное на плане города как «Телефония». Деревья высеялись, похоже, сами, со стороны луга ее лагерь будет практически невидим... Спать в палатке даже здорово, но идет осень... Нужно более солидное укрытие. Два десятка балок, ручная дрелью. Моника соединяет деревянные элементы, создавая скелет двухскатной крыши. Домик будет небольшим, два на четыре метра. А зачем ей больше?

Десять пачек напольных досок. Честная сосна, правда, паршивого сорта. Зато и цена не преувеличенная. На землю пенополистирол, чтобы не тянуло. А на него, ясное дело, пол из досок. Нужно заботиться об эстетике места, в котором проживаешь. Все оставшееся после прикручивания прибивается к крыше. На основу — десятисантиметровый слой пенопропилен и три слоя строительной пленки. Солидным ножом Моника вырезает прямоугольники дерна и покрывает ими крышу. С пары десятков метров домик будет просто невидимым. Доски образуют и переднюю стенку. Моника даже дверь купила. Монтажной пенкой она герметизирует все щели, чтобы не сифонило. Шесть часов тяжелой работы, но зато у нее имеется крыша над головой... Она не понимает бездомных, кочующих по вокзалам людей. Насколько же приятно жить в собственном домике?!

Матрас из пенки, на него толстое одеяло и спальник. И можно жить. На днях подкупит еще печку-буржуйку...

В том месте, где канава делает изгиб, рядом с рощей, растут высокие тростники. Но у самого берега имеется пяточок воды. Моника строит для себя небольшой деревянный помост. Цицерон написал когда-то, что чистота — это признак интеллекта. Классиков изучать иногда даже стоит. Строительство продолжалось ужасно долго, уроки на завтра приходится готовить при свечах. Моника пытается вспомнить цены тысячелетней давности. Что было дороже: масло для ламп или восковые свечи? Как правило, сама она пользовалась светильником... Ой, так много мелочей стерлось из памяти... Моника запускает ноутбук. Пальцы, после целого дня, в котором она орудовала молотком и пилой, немного побаливают, но поработать надо. Заказов столько, что клиентам приходится даже отказывать.

Идея с пивом — штука интересная, идея с миниатюрными камерами — еще лучше. Вот только Катаржине и этого не хватает. В Бюро она привыкла к тому, что расследования и поиски ведутся по нескольким направлениям. Кузина спит как убитая, а она сидит за компьютером. Алхимик, если устраивается надолго, наверняка будет пытаться получить польское гражданство, вполне возможно, недавно это устроил. Наверняка он избегает выплаты социального страхования. Во время недавней переписи населения оказалось, что количество поляков репродуктивного возраста, не фигурирующих в списках Учреждения^[93], составляет более полутора миллионов. Это понятно. Вот не любит народ, когда его грабят...

Алхимик тоже наверняка не любит. Следовательно, необходимо сравнить базу данных ZUS с базой данных номеров PESEL^[94]. Выбрать группу мужчин в возрасте 35–50 лет. Из Иммиграционного Управления выбрать сведения о предоставлении польского гражданства или натурализации в течение прошлого года. Из этого числа отсеять тех, которые имеют счета в польских банках. Ведь наверняка алхимик, точно так же как она сама и Стася, держит денежки подальше от липких пальцев местных властей...

Или еще проще? Быть может, достаточно будет найти информацию о переводе на зарубежный счет суммы около тридцати тысяч злотых? Он продал брусок своего золота. Не станет же он прятать деньги в коробке под кроватью. Хотя, с другой стороны, этого исключить тоже нельзя.

К сожалению, в ее идее несколько недостатков. Во-первых, невозможно выяснить, а не пребывает ли Сендзивой в Польше, используя зарубежный паспорт. Во-вторых, не исключено, что он поискал себе работу и все же фигурирует в реестрах ZUS. Он может пользоваться фальшивым идентификационным номером... Любой специалист по легализации иностранных агентов подскажет еще с десятков штук. Следовательно, необходимо найти ключ и идентифицировать алхимика как-то иначе.

Начало третьего. Если завтра на работе Катаржина желает выглядеть адекватно, сейчас необходимо идти спать!

Пятничное утро совершенно гадкое, дождливое. Катаржина идет рядом с кузиной, обходя самые крупные лужи.

— Как правило, при идентификации подозреваемого, мы устанавливаем группу его приятелей или родственников, — замечает бывшая сотрудница Бюро.

— Приятелей? Таких было немного. Сендзивой был, скорее, некомпанейским типом. Впрочем, его знакомые и приятели давно уже превратились в прах... Почти четыреста лет прошло...

— Но, предложим, что он появился в Кракове... Как думаешь, что бы он сделал?

— Не знаю. Когда я с ним познакомилась, он занимался алхимией, целыми днями

работал в лаборатории. В конце концов, он произвел философский камень, создал всех домашних, каждому дал по горстке порошка, завернутого в бумажку, все вместе мы приняли первую порцию... Затем расстались. Каждый пошел своим путем.

— Может, он вновь займется алхимией?

— Не исключено. Откроем на него охоту перед магазином с химическими препаратами?

— Хммм... Лабораторная посуда, реактивы... Если он сидит здесь уже с полгода, то давным-давно всем ему необходимым запаса. А с кем он встречался, какого типа были те люди?

— У него имелись знакомые среди еврейских знатоков Каббалы. В Казимеже.

— На Казимеже, — инстинктивно поправила Катаржина.

— В те времена — «в», это был отдельный город^[95]. Там, где сейчас находится улица Дитля, протекало ответвление Вислы. У Казимежа имелись даже свои крепостные стены, но в городе действовало иное право. Мещанин или шляхтич, проходя через ворота города, брал на себя ответственность перед раввинатским судом. Я ходила туда несколько раз с учителем послушать дискуссии на тему алхимии.

— Евреев на Казимеже уже нет в принципе, — замечает Катаржина, — зато там есть пивная под названием «Алхимия». Похоже, нужно будет подвесить напротив нее камеру. Так, на всякий случай... Еще... Дружба с интеллектуалами... Есть у вас здесь, в Кракове, какие-нибудь дискуссионные клубы, заведения, в которых собираются физики или математики? Нечто вроде знаменитой львовской кофейни «Шотландская», куда сходились ученики и приятели Стефана Банаха^[96]?

— Понятия не имею, ни о чем подобном я никогда не слышала.

— Черт!

— А может учредим центр алхимически-каббалистических исследований? — предлагает Стася.

— Замечательная идея, — не может скрыть сарказм Катаржина.

Лицей. Стены мокры от дождя, внутри слышен запах сырой одежды... Княжна приехала на автобусе. Катание на роликах по лужам, похоже, было бы решением не из лучших... Теперь она примерно сидит и слушает биолога.

— Мы часто задаем себе вопрос, как одни виды превращаются в другие. Тем временем, все довольно просто. Обратимся к теории Дарвина об эволюции и появлении видов. Предками нынешних жирафов были антилопы, в чем-то похожие на окапи. Их пища находилась высоко: животные питались листьями деревьев, растущих в саванне. В силу этого, им приходилось вытягивать шею, так что через пару десятков поколений эта часть тела удлинилась.

Последний раз княжна учила биологию по учебникам еще перед Первой мировой войны. Она тут же вылавливает фальшь. Это не теория Дарвина. Тот сказал бы, что у антилоп с наиболее длинными шеями имелись большие шансы выжить. А Секлюцкий, тем

временем, излагает нам давным-давно отброшенную теорию Ламарка.

Моника улыбается про себя. Та концепция кажется ей гораздо более правдоподобной... Вот интересно, то ли их преподаватель — это замаскированный ламаркист, то ли ошибка его является следствием полнейшей необразованности^[97]... Трудно сказать. Хотя, в этом типчике можно почувствовать много хитрости. Если он соединит свою хитрюганистость с отсутствием моральных основ, результаты могут быть совершенно невеселые.

Наконец-то польский язык. Княжна читает реферат. Преподаватель задумчиво слушает ее, время от времени исправляя неправильные концовки выражений. А малышка справляется замечательно... Звонок, конец занятий. Толпа девиц высыпает из школы. Моника, словно молодая кобылка, сбегает с ними по ступеням, но как только школьницы расходятся в разные стороны, тут же делается серьезной. Она ожидает под дверью. Обе преподавательницы сейчас выйдут. Снова полил дождь. Ну и гадкий же день...

— Не заскочишь к нам пообедать? — Станислава уже вышла.

Княжна радостно улыбается.

— С удовольствием.

Дождь льет как из ведра, сделалось совершенно темно. Девушки поднимаются по слегка скрипящим, деревянным ступеням. На площадке, у дверей квартиры Станиславы, лежит жарарака. В полумраке она практически не видна. Глаза змеи не отражают света.

Станислава первой заметила угрозу и резко отталкивает приятельниц руками, сразу же доставая револьвер.

— Я, — вызвалась Моника, поднырнув под плечо Стаси.

Змея зашипела, поднимая треугольную голову. Моника бросила сумку с покупками на пол. Змея пружиной выстрелила вперед... Мозги у змей маленькие, двигаться их заставляет, скорее, инстинкт, приказывая атаковать все, что движется^[98].

Княжна сделала шаг вперед и схватила жарараку за кончик хвоста. Один резкий рывок...

Если поймать змею за хвост и повесить вниз головой, у той нет ни малейшего шанса вывернуться и укусить^[99]. Существуют две школы. Первая, бедуинская, требует «стрельнуть» змеей, словно бичом. Как правило, этого достаточно, чтобы разорвать змее спинной мозг и убить ее... Второй метод, практикуемый на Балканах, требует, чтобы под рукой был камень или дерево. Но может быть и стенка. Этот метод требует меньшего умения, в принципе же он сводится к такому подбору расстояния и угла удара, чтобы основной момент удара разmozжил пресмыкающему голову. Но можно поступить и более экологически...

Станислава спешно открыла дверь и прибежала на площадку с пластмассовым ведром, которое еще вчера служило для варки пива. У ведра имеется крышка. Моника забросила жарараку вовнутрь и слегка прибавила крышкой по голове, чтобы змея не вылезала, после чего прижала томом энциклопедии.

— И что со всем этим сделаем? — спросила она.

— Возможностей несколько, — буркнула Станислава. — Во-первых, пообедать...

— У ядовитых змей мясо нехорошее, — заметила княжна. — Хотя и помогает при некоторых болезнях.

— А откуда ты знаешь, что это ядовитая змея? — удивилась Катаржина. — Лично я, говоря по правде, вижу подобную гадость первый раз в жизни.

— Я тоже, — ответила Моника, — но... - указала она темное пятно на сумке, — это, похоже, яд...

— Можно продать в зоопарк, — предложила Станислава. — Если это что-то редкое, не исключено, что получим приличные деньги... Сейчас узнаем, — принесла она атлас. — Вот! Жарарака. Проживает в Южной Америке. К сожалению, там их кучи... Так может и кастрюлю?

Младшая кузина задумалась.

— А почему кто-то подсунул ее именно нам? — спросила она.

— Тоже мне, подсунул, — фыркнула Станислава. — Наверняка, с Плянтув приползла.

— Становится холодно, змеи ищут укромное местечко, чтобы заснуть на всю зиму, — прибавила Моника. — В горных деревнях в Боснии такое случалось. Не ядовитых даже держали в домах, мышей они ловили лучше, чем коты.

— Девицы, что у вас с головками?! Экзотическая змеюка посреди города, а вы говорите, будто бы она просто так приползла?! Здесь вам не бразильская сельва и не Косово, — разволновалась бывшая сотрудница Бюро.

— Ну да, — согласилась с ней Станислава. — А может сбежала она от кого-нибудь? Люди теперь всяких тварей разводят... Ну а какие у нас враги? Разве что...

— Разве что Дмитрий, — договорила за нее кузина. — Раз уже он в городе, надо его отыскать. Как найдем, тихо-мирно переговорим... При случае проясним всякие делишки. Ладно, а после обеда я вызову такси и отвезу эту дрянь в зоопарк.

— Да, держать нечто подобное дома — это сложно...

Катаржина задумалась.

— Настоящая проблема у нас появится тогда, если Дмитрий найдет Сендзивоя раньше нас, — очень серьезно заметила она.

В животе приятная тяжесть, теплая куртка; когда идешь по лугу, роликовые коньки необходимо снять. Лошадей на пастбище сегодня не выгоняли. Слишком мокро, и конюху не захотелось переться так далеко... А ей осталось еще кое-что сделать. Подходящий лист металла Моника купила в супермаркете. Буквы из самоклеящейся пленки, банка красной автомобильной краски, банка бесцветного лака... Через час дверь ее домика украшает мрачная, официального вида табличка с белыми буквами:

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАД РАДИОАКТИВНЫХ ОТХОДОВ МОГИЛЬНИК № 6

Чуть ниже Моника прибавляет еще две таблички. Одна с черепом и скрещенными

костями; вторая — с международным символом радиоактивности: это уже для совсем неграмотных. Теперь следует заняться задней стенкой шалаша. Достаточного количества досок уже нет, но и это не проблема. Всего две остались. Тогда заделаем себе укрепление... Над мелиоративной канавой, рядом с ее «ванной», имеются залежи глины. Мелкие белые камни лежат возле пастбища в кучах. Наверное, когда-то это было поле, кто-то собирал выпаханые... Две доски, глина, камни, хорошенечко утоптать... и следующий слой. Стена быстро вырастает. Когда высохнет, по крепости сравнится с бетонной.

В небольшой нише печка типа буржуйка. Еще сырую глину Моника покрывает белой акриловой краской. Пускай выглядит как каменная. Чтобы никого не искушало... Она купила солидный шмат сырого говяжьего окорока, который теперь вымачивается в соляном растворе. Через несколько дней закоптит и подвесит к потолку. Да здравствует коровье бешенство! Хворост в печке прогорел, сверху Моника насыпала слой древесного угля. Теперь девушка вытянулась на матрасе с книжкой в руке. Сверху набросила овечью шкуру, купленную возле вокзала у гуралей. И наконец-то почувствовала себя дома. Здорово иметь собственный!

Алхимик вытряхнул на стол содержимое небольшого кожаного мешочка. Добрых два грамма красных кристалликов. Он делит их на две части. Из поцарапанного чемодана вытаскивает небольшие весы, несколько брусков свинца и толстостенную металлическую банку. После того тщательно отвешивает металл. Банку со свинцом размещает в камине. Через полчаса металл расплавится. Половину порошка Сендзивой отсыпает назад, в мешочек. Это запас на черный день. В воздухе разносится приятный запах горящего дерева. Камин греет замечательно, ветер свистит в черепице. По небу перекатываются низкие грозовые облака. Осень...

Алхимик вспоминает. Много прошло времени, почти что четыре столетия, только воспоминание мучает его словно заноза. Дождь разбивающийся на оправленных в свинец стеклянных брусках... Умиравший приятель благословляет его...

Сетон Космополит выдавал себя за англичанина. Темные глаза и смуглая кожа перечили тому, но в те времена мало кто над этим задумывался. Замечательная эпоха, паспортами тогда не пользовались, каждый был тем, за кого себя выдавал... Только он один знал его настоящее имя. Арабский алхимик Гебер, первый человек, вырвавший у природы тайну дистилляции спирта и тайну философского камня. Прожил почти что восемьсот лет, чтобы погибнуть от людской жадности и собственной глупости. Эх, приятель...

Свинец расплавился. Теперь на горячую поверхность металла алхимик бросает горстку порошка, тщательно перемешивает. Тридцать оборотов мешалкой достаточно. Небольшую стальную форму он ставит на подоконнике, подложив терракотовую плитку. Выливает туда из банки желтый металл. Форму хватает клещами, погружает в кастрюле с водой. Шипение и клубы пара. Через полчаса брусок можно будет вынуть. Выглядит она замечательно, со клеймом швейцарского Credit Bank Suisse и информацией по массе — 1 килограмм.

Алхимик кладет брусок на весы. Килограмм и пятнадцать граммов. Точно попасть

никак не удастся... Но и сердиться явно не станут, если драгоценного металла будет на чуточку больше. Что еще? Настоящие золотые бруски имеют выбитый номер. Никаких проблем! Из того же чемоданчика Сендзивой достает штамп и молоток... Произвести золото не штука. А вот заменить его на наличные деньги — тут сложностей не оберешься. В XVII и XVIII веках он бил голландские дукаты. Тогда за это грозила веревка. Рисковал, но у его монет проба была даже лучше, чем у настоящих, так что никто его не подловил... А вот интересно, чтобы с ним сделали современные швейцарцы?

Десять вечера. Моника давно уже испарилась, жарарака стучит головой по крышке ведерка. Катаржина потягивается.

— Хочу немного пройтись, — говорит она. — Со змеюкой на поводке, то есть — в коробке.

— Зоопарк закрыт, — замечает Станислава.

— Ну да, только я тут подумала занести эту гадость в школу и положить на место...

— Думаешь, что это Секлюцкий?

— Возможно... Не нравится что-то мне этот тип. В препараторской его кабинета есть несколько террариумов со змеями. Думаю, стоит проверить, а пуст ли какой-нибудь из них случаев.

— Но ведь школа закрыта.

Кузина показывает ей пучок ключей. Обе они выходят в холод и сырость октябрьской ночи. В подобную погоду жулье зарывается в малинах, не высовывая носа за порог. Школа стоит темная, по стенам стекает вода. Двери подключены к системе тревоги, но Катаржина давным-давно знает коды. Она захлопывает тяжелое дубовое крыло, зажигает свет: если кто-нибудь снаружи заметит отсвет фонарика, может сообщить в полицию. А теперь в учительскую за ключами к биологическому кабинету и мастерским.

Препараторская кабинета биологии приветствовала их кислым запахом аммиака^[100], вонью змеиных экскрементов...

— Ты погляди, какая неплохая коллекция, — качает головой Станислава, глядя на солидный стальной стеллаж.

Полки висят от пола до потолка. Аквариумы с рыбками, террариумы с ящерицами: змей около полутора десятков. Наибольшее впечатление вызывает двухметровый питон. Увидав женщин, он поднимает плоскую голову и высовывает раздвоенный язык.

— Не высовывай язык, а не то свинья насыт, — бурчит себе под нос Катаржина и, не замечая осуждающего взгляда кузины, осматривается по помещению. Во всех аквариумах-террариумах полно зверья, ни один из них не стоит пустым.

— Холера, похоже, это не его работа, — вздыхает младшая.

— Так что делаем с нашей лапочкой?

Кузина высмотрела крупную банку с продырявленной крышкой. Наверное, чтобы держать там насекомых.

— Ладно, до утра как-нибудь перемучается.

Она спокойно вытряхивает ядовитого гада на столешницу; быстро, пока тот не сориентировался, прижала ему голову веткой с раздвоенным концом. Станислава хватается жарараку за шею возле головы и сует в банку.

— Поглядим на реакцию пана профессора, — говорит она. — Удивится или не удивится... Так или иначе, это заставит его немного подумать, виновен он или нет. Как ты на то, чтобы тут немного оглядеться?

— Шикарная идея.

Первый шкаф заполнен препаратами в банках. Ничего интересного, какие-то жуки. Во втором — восьмилитровая бутылка с молочно-белым содержимым.

— О... — смеется Станислава. — Бражки поставил, самогон гнать собрался...

Кузина освещает содержимое, качает головой.

— Это не самогон, а питательная среда для каких-то бактериальных культур, любопытно...

— Ладно, нечего нам здесь делать. Пошли отсюда...

На дворе их приветствует дождь. Похолодало, пар от дыхания четко заметен в темноте.

— Одно меня беспокоит, — вздыхает Станислава. — К нам кто-то что-то имеет и знает, где мы живем...

— Угу... — Ее младшая кузина проверяет, удобно ли в кармане устроился чеченский револьвер. Она давно не стреляла... Но надеется, что умение никуда не ушло.

Княжна Моника просыпается в своем шалаше. Смотрит на экран мобилки. Шесть утра. Снаружи, после дождя, все мокро. Внутри сухо и тепло. Матрас, две бараньи шкуры, спальник мешок. В печке догорает жар. Одежду девушка развесила на забитых в стену гвоздях. В воздухе пахнет дымом. Большинство людей посчитало бы подобные условия крайне примитивными. Но ей тут хорошо... Ноутбук на расстоянии вытянутой руки, книжки... Чего еще желать от жизни? Центрального отопления и горячей воды в кране? Зачем? Девушка встает и потягивается так, что трещат суставы. Она любит спать раздетой, тогда лучше контролирует температуру тела. Намного легче выхватить момент, когда необходимо проснуться и подбросить топлива в печь. Моника глядится в зеркало. Она все еще худая, но пара месяцев хорошего питания позволила чуточку восстановить вес. Голодной ходить не любит.

Волосы сделались жирными, необходимо их вымыть. Моника набрасывает халатик и выходит из своего домика. Трава, смоченная ночным дождем, приятно холодит ступни. Ветер со стороны луга холодный, но она привыкла. Люди боятся низких температур, надевают на себя слишком много одежды, а потом результатом одной ночи под голым небом становится воспаление легких. А ведь можно себя закалить. Можно сделать так, чтобы тело стало стойким и крепким. Нужно только хотеть... Камыши и помост. Здесь ее никто не увидит.

Моника сбросила халатик и зачерпнула миску воды. Приятно почувствовать на обнаженной коже дыхание ветра. Она смочила волосы и нанесла на них шампунь. В

холодной воде тот не хотел пениться, но растирание и поверхностно-активное вещество свое сделали. Промыла. Воду вылила в яму, метрах в двух от потока. Не хочется травить рыбок химией. После этого бултыхнулась в речушку. Легла в воде, позволила, чтобы та несла ее. А вот контакт с илом на дне посчитала нежелательным. Пальцы на ногах начали цепенеть. Так что конец купаниям. Моника выскочила на мостки и тщательно растерлась полотенцем. Его завязала узлом на голове, холодный ветер в соединении с мокрыми волосами может быть и опасным. Завернулась в халат и направилась в домик. Приятно будет, исключительно ради разнообразия, погрузиться в его тепло... И как раз в этот момент на нее напали.

Четыре амбала с тупыми рожами и с подкормленными на стероидах мышцами. Воспользовались коротким мгновением ее задумчивости. Правда, они не предусмотрели пары мелочей... До стилета дотянуться Моника не успела. Двое запрыгнули ей на спину, чтобы свалить, вдавить в траву, выкрутить руки. Удар локтем назад, в солнечное сплетение. Попала, хрустнула ключица, вместе с ней, как минимум, четыре ребра. Удар вперед, маленьким кулачком прямо в довольную харю качка. Ей хотелось попасть так, чтобы концы вырванной челюсти попали узлы за ушами, но челюсть сразу же сломалась. Эх, нынешняя молодежь, кости словно из картонки...

Как-то раз, в кавказских горах она попала в руки грузинского князя, разбойника Илико... Вот то был парень крутой, только четвертый удар повалил его на колени. А эти — словно из дерьма слепленные.

Выламываемые верхние резцы процарапали верхнюю часть ладони Моника. Третий нападающий успел вывернуть ей предплечье. Девушка потеряла равновесие. Вывернулась и и ударила лбом в колено очередного амбала. На мгновение даже сознание потеряла. Тем временем, тот, самый шустрый, все еще удерживал ее запястье. Его дружок схватил второе. На мгновение перед Моникой открылось бедро соперника. Далековато для зубов, зато хлестнула его присоской.

Да, лошадиная кожа толще человеческой, даже покрытой блестящим треником. Присоска всегда попадает в самую крупную вену или артерию. Слизь, покрывающая присоску, вызывает мгновенное закрытие раны, когда кровь уже не нужна. Если только не вырвать присоску сразу же. Тогда в тканях образуется дырка с мышиную нору. Моника с отвращением сплюнула людскую кровь вместе с мясом.

Подсекли ее одновременно, Моника больно грохнулась в мокрую траву. Что-то вроде теплого дождика оросило ее обнаженную спину. Она знала, что это из бедренной артерии врага, что он истекает кровью, словно зарезанная свинья. На вывернутых запястьях защелкнулись наручники. Плюс: стокилограммовый бычок на спине. Ладно, бывало и хуже.

Подтянуть ноги под живот — это неполная секунда. Колени больно прочесали по земле, веткам и камешкам. Резким движением Моника сбросила нападавшего и вскочила на ноги. Да, руки были скованы за спиной, но ведь ноги свободны! Качок как раз поднимался с земли. Удар ступней в бок. Противник захрипел и свалился на землю. Из рта кровь: похоже, сломанное ребро пробило легкое. Девушка подождала, пока он не откашляется, после чего ударила с другой стороны — исключительно ради симметрии и чтобы выбить из головы всякие глупые идеи.

Моника осмотрела побоище. Первый свернулся клубком, плюется кровью. У него сломана ключица и несколько ребер, повреждено легкое, но сердце — похоже — целое. Выживет. Со вторым, в принципе, ничего и не случилось: разбитая челюсть вырвана с места, выбитые зубы, возможно, слегка повреждены шейные позвонки. Несколько недель ходит с

пиной на челюсти, пару месяцев сможет хлебать только супчики и каши... Не оценил он своего счастья, воев теперь от боли и шока. Третий, теоретически, мог истечь кровью, но, хитрый гад, пришел в себя настолько, чтобы впившимися в живое мясо пальцами остановить кровотечение... Второй рукой вытаскивает шнурок из штанов, чтобы сделать перетягивающую повязку... Это хорошо, что он способен как-то справиться, со скованными за спиной руками она ему помочь не могла, даже если бы и захотела. Четвертый, похоже, получил больше всех. Ладно. А не чего лезть с коленями даме на спину...

Так, теперь по очереди. Сначала необходимо освободиться от наручников. Потом одеться, в драке с нее сорвали халат. Фигня, по крайней мере, им будет что вспомнить. Мало кто видел что-то столь красивое, как обнаженная княжна из рода Степанковичей. Были и такие, кто за подобное удовольствие заплатили жизнью...

Парень со сломанной челюстью показался наиболее адекватным. Моника направилась к нему, босиком по залитой кровью траве. Только теперь она почувствовала, что вся и сама залита кровью, утреннее купание псу под хвост. Волосы необходимо обязательно высушить. Полотенце куда-то подевалось, а ветер холодный, не дай бог воспаление...

Увидав ее, избитый парень завыл. В глазах безумный страх.

— Ну, чего! — рявкнула Моника. — Не ожидали? Где ключ от наручников?

Тот что-то непонятное пробормотал. Моника подняла ступню, почесала большим пальцем по щиколотке.

— Снимешь наручники, отпущу вас живыми.

Предложение прозвучало весьма разумно.

Тот, соглашаясь, мотнул головой. Крупные капли крови брызнули на землю. На четвереньках он пополз к дружку.

— Кто вас насрал? — спросила девушка.

Свист выходящего воздуха, удар в ягодицу. Моника охватила неожиданная, отупляющая волна сонливости. Она еще успела повернуться и увидеть пятого. Он стоял возле ее домика и как раз опускал ружье, которым ветеринары пользуются, чтобы усыпить животное. Земля подскочила вверх. Все окуталось тьмой.

Димитрий спокойно подошел к лежащей на траве девушке; открыл глаз, посмотрел на зрачок. В порядке. Спит. Затем осмотрел побоище. А неплохо девка устроила. Он был прав, взяв, на всякий случай, эту свою цацку... Пацаны уже ни на что не пригодны.

— Уррроды! — рявкнул он. — В машину и отправляйтесь к какому-нибудь врачу, чтобы вас полечил...

Те с громадным трудом поднимались; хромая, направилась в сторону дороги. Девушка была легкой, Димитрий без труда смог перекинуть ее через плечо и занести в автомобиль.

Станислава сразу же заметила, как только вошла в класс.

— Где Моника? — удивленно спросила она.

Ей ответил масляный взгляд пятнадцати пар глаз. Коротко постриженная брюнетка огляделась по сторонам.

— Ее нет, — беспомощно заметила она. — Может, проспала...

Преподаватель ничего не сказала, но почувствовала в сердце болезненный укол. Предчувствия практически никогда ее не обманывали. В этот день она была ужасно рассеянной. Ученицы тут же почувствовали это, и даже попытались по-своему этим воспользоваться. Станислава выловила перешептывания. Лицо учительницы тут же стало серьезным.

— Скучно? — глянула она на подопечных. — Тогда сделайте-ка эти вот упражнения.

На перемене она вынула из кармана мобильный телефон и позвонила. Только номер Моники не отвечал. У Катаржины по пятницам был только один урок, приходила она к одиннадцати.

— Наша принцесса куда-то пропала, — сообщила ей старшая кузина прямо у школьных дверей.

— Черт! — тут же обеспокоилась бывшая агент Бюро. — По телефону связаться пробовала?

— Естественно. И как раз потому это меня так и беспокоит...

Какое-то время они молчали.

— Вообще-то говоря, мы даже и не знаем, где она живет, — тяжело вздохнула алхимичка. — Она как-то упомянула, что ушла из детского дома...

— Не могла же она уехать в никуда...

— Хмм. А мне кажется, что она устроилась где-то неподалеку от луга на Злоцене; в последний раз пришла в школу с сеткой моркови... А ты обратила внимание на ее запах?

— Запах? — вытаращила глаза Катаржина.

— От нее пахло дымом. Метров на десять... Это может означать, что она живет в курной избе или спит, скажем, в лесу, возле костра...

Младшая кузина задумалась.

— Не может быть, моя дорогая. Сейчас, в ноябре? Это абсурд... Кроме того проживание в лесу влияет на внешний вид... А она все так же ходит чистенькая и опрятная.

На лице кузины появилось выражение деланого сожаления.

— Чистота, моя дорогая, это, прежде всего, состояние разума. Если кто-то желает, всегда может найти достаточно воды, чтобы умыться или помыться... Наши бездомные ходят, воняя словно хлев вовсе не потому, что не в состоянии поддерживать чистоту. Им просто не хочется, эту потребность они утратили... Как и в деревне. Вода в колодце, а ноги мыли только на святого Яна...

— Ну почему она ничего не сказала, — прервала ее рассуждения Катаржина. — Без всяких проблем ей можно было бы выделить место в твоей квартире...

— Возможно, она не любит просить о чем-либо? Наша ошибка в том, что мы не предложили...

— Господи, ночью было так холодно, если спала в лесу, то могла умереть от переохлаждения организма...

Станислава только рукой махнула.

— Не преувеличивай. Если прожить столько времени, сколько она, то ей известны сотни методов выживания в ночном холоде. На Кресах как-то раз зимой я спала в чистом поле, накрывшись только кожухом.

— А вдруг бы у нее случилось воспаление аппендицита...

— А мобилка на что?

— А если та разрядилась? Так, берем отгулы и в дорогу.

Через десять минут они ехали в такси. Вышли на краю луга. Дул ветер, в любой момент мог хлынуть дождь. Лошадей сегодня на пастбище не выводили.

— Ого! — буркнула Станислава, глядя на кружащих у ограды «Телефонии» птиц.

— Что случилось?

— Вороны, питаются падалью...

— И не думай о таком!

Луг они пересекли быстро. Тропа сворачивала возле ручья. С другой стороны, за зарослями тростников, уже была видна роща. Мостик, казалось, вот-вот развалится, но женщины перешли. Приличная площадь мятой травы. Катаржина остановила кузину жестом и начала исследовать отпечатавшиеся в почве следы.

— Кто-то пытался все это замаскировать, — сообщила она наконец, — но тут была страшная драка... — Носком сапога она отвернула комок земли, открыв пятно. — Кровь. Много крови.

— Думаешь... — вдруг Станислава наклонилась и подняла медальон на разорванной цепочке..

Теперь у них не было ни малейших сомнений. Через минуту обнаружили домик-шалаш.

— А неплохо малая устроилась, — признала бывшая сотрудница Бюро. — Только какая-то скотина выследила ее...

— Ее убили?...

— Похоже, она здорово сопротивлялась, — Катаржина осторожно подняла странного вида гильзу. — Это от ружья, стреляющего усыпляющими стрелками, — пояснила она, видя изумление Стаси. — Кто-то выстрелил в нее такой штукой. Похоже, у нее врожденная устойчивость, до того, как наркотик начал действовать, Моника успела его здорово избить.

Она пошла через рощу, внимательно исследуя почву.

— Их было пятеро, — сообщила Кася. — Четверо в кроссовках «адидас», один — в полуботинках. Черт, я не спец по следам, но вот, погляди сама, одна нога погружалась в землю сильнее. Усыпил ее стрелкой, а потом нес на плече.

— Холера ясна!

Внутри шалаша были разбросаны книжки и тетради. Ноутбук исчез. Станислава собрала все в сумку, трясушимися руками доложила сверху свитер и куртку Моника.

— Как найдем, отдадим ей... Как ты считаешь, кто мог это сделать?

Алхимик бродит по букинистическим магазинам^[101], осматривает выставленные на продажу старые книги. Кожаные корешки, пожелтевшая бумага, карты, скопированные со старинных печатных изданий в технике аквафорте... Вспоминает. Небольшой каменный дом возле городских стен, хорошо подобранная библиотека, милая женушка, четверо сотрудников и та забавная девушка «за все про все». Как же ее звали? Ага, Станислава. Он приехал в Краков отыскать своих людей. Дал объявление в газеты и ждет. В конце концов, каждый возвращается в этот город.

Как найти людей, которых давно уже не видел? Методик имеется много. В первую очередь он проверил телефонные книги. Дупль-пусто. В секретариате школы, возведенной на его бывшем участке, он оставил конверт с визитной карточкой на тот случай, если бы кто-нибудь там о нем спросил. В нескольких газетах для психов он поместил статьи на темы истории алхимических идей. Подписал их настоящим именем и фамилией, что редакторы признали за исключительно остроумный псевдоним. В конце статей указал собственный электронный адрес. С тех пор получил пятнадцать писем, только ни одно из них не было от тех, кого он разыскивал.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Что дальше? У него было несколько идей. Ноги сами несут его в монастырь доминиканцев. Там проверяет плиту с эпитафией Сетона. Записка торчит на месте. Выходит, самое время посетить настоятеля.

Моника очнулась и сразу же полностью пришла в себя. Открыла глаза. Сырой полумрак, запахи затхлости, бетонный потолок с неровно отпечатавшимися следами опалубки. Подвал. Узкая, металлическая кровать... Ее привязали крайне тщательно, завернули в одеяло и пристегнули несколькими толстыми кожаными ремнями. Запястья и щиколотки обездвижили дополнительными наручниками.

Кто ее похитил? Возможностей хватает. И все гадкие. У того, кто все это сделал, большой опыт в обездвиживании заключенных... И, похоже, он правильно оценил ее способности. Вырваться из неволи будет нелегко. Во-первых, нужно избавиться от ремней. Во-вторых, вытащить из кровати кусок проволоки или пружину и открыть наручники. В-третьих... Моника повела взглядом по помещению. Камера, два на три метра, с неровным бетонным полом... Солидная деревянная дверь, с обратной стороны, наверняка, снабженная тяжелым засовом. Никаких камер. Следовательно, в-третьих, необходимо взломать дверь. Или подождать изнутри, пока кто-нибудь не придет, и свернуть ему шею.

Ремней семь. Много. Ближайший в двадцати сантиметрах от ее подбородка. Зубами никак не достать. А присоской? В принципе, попробовать можно, но имеется проблема. Присоска действует на принципе чистого инстинкта, пробивает плоть в поисках кровеносных сосудов. С качком можно было справиться, потому что у него под кожей текла кровь. А ремень мертвый, разве что... Под ремнем и одеялом находится ее собственное тело. Моника вытянула подбородок вперед и ударила. В коже ремня образовалась круглая дыра диаметром около сантиметра. Во рту почувствовала отвратительный вкус старого чемодана. Еще пару раз, рывок и удалось! Осталось шесть штук. А может ей удастся перевернуться на живот и порвать их? Рванула... нет, к сожалению, номер не прошел. Та сволочь, что поместила ее сюда, в деле разбирается. Следовательно, нужно ждать. Раньше или позже, случай представится... Во всяком случае, она сама на это надеется.

Алхимик углубился в полумрак древнего костёла. Старая, как весь свет, деревянная исповедальня стояла на своем месте, как и сто лет назад... В нем никого не было. Сендзивой внимательно огляделся, потом вошел вовнутрь, поднял доску сидения и, сунув пальцы в щель, передвинул защелку. Задняя стенка открылась. Алхимик сделал шаг вперед, положил доску, захлопнул дверки. Никто его махинаций не заметил. Сейчас он стоял в абсолютной темноте. Протянул руку влево. На высоте головы находилась ниша. Сендзивой считал, что нащупает там огниво и свечи, но почувствовал пальцами цилиндр фонарика. Что ни говори, прогресс! Включил мощный луч. А лампа то ксеноновая, прищелкнул он языком. Несколько десятков ступеней довели его до подземного хода. Стены были довольно плотно отмечены отверстиями толщиной с карандаш, замазанные раствором. Монахи осушали стены кремнефтористоводородной кислотой, которая, проникая в поры старых кирпичей, связывала содержащуюся в них влагу кремнеземом^[102].

Сендзивой усмехнулся про себя. Это он, почти что четыреста лет назад, открыл эту кислоту. Приятно, иногда, увидеть, как твое собственное изобретение приносит людям пользу. Дно прохода залито бетоном: приятная перемена — в прошлый раз пришлось пощиколотки брести в вонючей жиже. Он прошел под первым двором и теперь находился в части, монастыря, охваченной клаузурой^[103]. Совершенно безразлично алхимик проходил мимо боковых ответвлений хода, пока не добрался до нужного ему. Сендзивой осветил вмурованный в стену камень: схематический рисунок головы быка. Здесь. Он поднялся по сотне с лишним ступеней и остановился перед деревянной дверкой, плотно набитой железными гвоздями. Гвозди блистали чернотой, они были хорошенько натерты воском, не заржавели. Вид тщательного монашеского хозяйствования порадовал сердце Сендзивоя. Он нажал на ручку и вошел в комнату. А та несколько изменилась.

Когда-то здесь царили алембики и реторты; сегодня их место занимают печи и камеры высокого давления. В установках из медных и стеклянных трубок медленно циркулируют жидкости. А вот старый шкаф для реактивов остался тот же.

Алхимик подошел и с волнением прочитал надписи на стеклянных банках: витриол, гидrogenиум, спиритус, натриум^[104]... Ему вспомнились старые добрые времена. И в этот же момент почувствовал, как что-то уткнулось ему в лопатку. Выходит, в переходе был установлен какой-то хитрый сигнал тревоги... Щелкнул предохранитель.

— Вы гостей всегда калашниковыми встречаете? — рявкнул пришелец.

— Ты пан такой? — спросил монах.

— Приношу вам факел истины.

Нажим ствола сделался легче, по дрожи оружия Сендзивой угадал, что старый пароль все еще в ходу. Каким-то шестым чувством он угадал изумление охранника.

— Что есть истина? — прозвучал вопрос.

— Все вещи появились из одного источника.

— Тогда отделим то, что сверху, от того, что внизу... — Монах опустил автомат и поставил его на предохранитель.

— Кого мне следует объявить?

— Зачем все эти формальности; сообщите настоятелю, что Михал Сендзивой прибыл с

Катаржина сделала несколько телефонных звонков. Больницы, информационные центры несчастных случаев, морги. Затем следственное управление полиции. Когда отложила трубку, на лице было выражение отвращения.

— И что ты узнала? — Станислава не могла усидеть на месте; что поделывать, у каждого свои методы борьбы со стрессом...

— Так вот, наши храбрые стражи закона разыскивают Монику уже несколько дней, с того момента, когда директриса детского дома заявила про ее побег...

— И они не проверили школы и лицеи?...

— Такие беглецы смываются не для того, чтобы учиться, — буркнула под нос бывшая сотрудница Бюро.

Она подошла к компьютеру, включила его. Пришло сообщение от генерала. Наконец-то! Лаконичное, но красноречивое: *Скачай программу. Пароли те же. После использования удали.* Ниже был линк на одну из Интернет-страниц Бюро. Копирование пакета заняло чуть ли не целый час. Катаржина запустила программу и нехорошо выругалась.

— Что произошло? — обеспокоилась старшая кузина.

— Эти идиоты сделали выход из базы в наружную сеть...

— В Интернет?

— Именно. Теперь любой хакер может попытаться туда залезть... Хорошо еще, что прибавили защитные программы.

Она постучала по клавишам и залогинилась. Как она была права, когда предложила Станиславе установить постоянное соединение. По памяти ввела несколько паролей. Можно было войти в базу.

— Хорошо, за дело, — буркнула она себе под нос. — Проверим сначала, где в этом прекрасном городе установлены полицейские камеры...

Оказалось, что их восемь десятков.

— Трудно сказать, когда похитили Монику. Скорее всего, между шестью и половиной восьмого утра. В шалаше остались коньки, на которых она ездила в школу, и куртка с месячным проездным в кармане... Это означает, что ее схватили сразу же после пробуждения, когда девица вышла умыться. Наверняка туда приехали на машине... Хорошо, давай ее поищем.

— Это как? — удивилась алхимичка.

— На улице Пулланки висит камера, регистрирующая плотность дорожного движения... — Катаржина ввела команды, и через пару секунд база начала показывать фильм, снятый в часы, соответствующие времени похищения. Через двадцать минут компьютер Базы занялся идентификацией всех снятых автомобилей. Катаржина, тем временем, в ускоренном режиме просматривала непрерывную череду машин.

— Я выискиваю нечто, выглядящее неестественно, — ответила она на немой вопрос Стаси. — Например, нечто такое, как вот это. — Она остановила воспроизведение. —

Новехонький мерсик, а с ним — джип. В самый раз, чтобы перевезти четырех бычков, а похищенную девицу вывезти в багажнике.

— Так мы их нашли?

— Не знаю. Это только одна из возможностей. Точно так же ее могли вывезти в другую сторону, или же в каком-нибудь из этих вот фургонов... Холера!

— Что случилось?

— Система не выявила номеров джипа. Зато мы имеем владельца мерседеса, — пальцы пробежали по клавиатуре с невероятной скоростью. — А у Бюро на него вагон и маленькая тележка материалов, — буркнула Катаржина. — Паренек нигде не работает, а катается на мерседесе; его подозревают в содружестве с бандитами...

— Это даже соответствовало бы.

— До конца предполагать не стоило бы, но следовало бы пройтись и с нашим птенчиком переговорить... Пока же что я просмотрю другие съемки...

Трассу мерседеса удалось проследить. А вот джипа — к сожалению — нет. Вообще-то, камеры выловили полтора десятка подобных машин, система вычертила их маршруты, но не было известно, кто из них разыскиваемый.

Катаржина глубоко задумалась.

— Мы могли бы воспользоваться Базой для идентификации алхимика, — сказала она. — Но это уже после возвращения...

— Возвращения?...

— Сейчас начало пятого. Не знаю, застанем ли мы нашего птенчика дома, но попробовать можно.

Она распечатала фотографии из документации, вышла из системы и отключила компьютер от сети.

Небольшая камера, потолок с полукруглым сводом, окошечко, выходящее на замкнутый дворик. С левой стороны ряд портретов давних настоятелей и генералов ордена. С правой — тяжелый дубовый шкаф, заставленный оправленными в кожу томищами. Всего несколько сотен книг, самые давние, судя по плетеным капталам^[105], помнят еще шестнадцатый век. В углу молитвенная скамеечка с подставкой, на ней — раскрытый breviарий^[106]. Старый письменный стол из потемневшего орехового дерева, высокий ренессансный стул с резной спинкой. Второй — складной — стул для посетителей. Кирпичный пол, неровный, вытертый тысячами ног.

Сидящий за письменным столом монах изучает чужака взглядом. Алхимик не помнит, что на стенке напротив окна висит несколько портретов благодетелей и друзей ордена. В том числе — и его самого... Выцветшие глаза старца переносятся с лица гостя на портрет и назад. Подобие необычайное. Когда двадцать лет назад он занимал этот пост, ему передали несколько секретов ордена. Еще его предупредили о том, что когда-нибудь может наступить такой день, в который старый приятель вернется.

— Чего ты желаешь, сын мой? — спрашивает он, указывая на стул для посетителей.

— Орден доминиканцев всегда был близок моему сердцу^[107], - Сендзивой не отвечает прямо. — Времена у нас теперь тяжелые, так что, как это бывало в прошлом, я хотел бы поддержать вас скромным даром.

Половинка бруска со швейцарским клеймом с тихим звоном легла на столешнице.

— Укажешь ли ты цель, на которую мы должны эти средства направить?

— Вам лучше известны ваши потребности...

Монах задумчиво взвесил в ладони кусок металла.

— Выходит, ты все еще живешь, — буркнул он. — Мне о тебе говорили. Ты — алхимик...

— Действительно. Но и ваш орден всегда занимался этим искусством. При случае, вы даже город как-то подожгли...

— То было давно. Несчастный случай во время работы, — усмехается аббат. — Впрочем, мы и сами пострадали, потому что в первую очередь огонь уничтожил наше обиталище...

— Насколько я заметил, ваша мастерская и сегодня не пустует. Где-то я слышал, будто бы существует тайная папская булла, осуждающая «лживое учение алхимиков».

— Да, в свое время действовала такая, но Иоанн XXIII^[108] денонсировал ее, узнав, что православные монахи со святой горы Афон предприняли работы. Наш орден, как такой, что веками углублял тайны алхимии... Впрочем, ты и сам знаешь об этом.

— Знаю.

— А ты не прибыл, сын мой, чтобы нас просветить?

— Если вы выразите такое желание.

Монах покачал головой.

— Вечная жизнь — это слишком большое искушение. — Дух людской слишком слаб, чтобы выставлять его перед таким испытанием.

— Не следует пересаливать с той вечностью... — скривился Сендзивой.

— Кто знает, как долго ты проживешь? А вдруг и целое тысячелетие... Ты всегда был нашим другом, так что и нам будет приятно, если мы и далее будем обмениваться услугами.

Алхимик склонил голову, но ничего на это не ответил.

— Что можем мы сделать для тебя за столь щедрый дар? — спросил настоятель.

— Дары вручают из потребностей сердца. Но я и вправду прибыл, чтобы просить об одной мелочи.

— Если только это будет в наших силах...

Какое-то время гость молчал.

— Я пытался найти пару своих учеников. Скорее всего, их уже нет в живых, но попытаться я должен.

— Как мы можем тебе помочь?

— Если бы кто-то обо мне спрашивал, дайте ему вот это, — Сендзивой положил на стол визитную карточку с номером мобильного телефона.

— Мы выполним твою просьбу.

— Еще одно. Вижу, что вы идете в ногу с прогрессом, и ваш небольшой арсенал снабжен даже автоматическим оружием... А не найдется ли где-то под стеночкой ящика с пулями для кручицы? Мне буквально несколько штук.

— Да хоть целое кило^[109], - на лице аббата появилась улыбка.

Мерседес припаркован на газоне, так что птенчик, скорее всего, дома. Четырехэтажный блочник в Новой Гуте. На двери — как и на всех остальных — два несложных замка.

Катаржина указала кухне, где той встать. Станислава вынула из сумочки наган. Может пригодиться. Кася позвонила и отступила от двери на метр. Сладко улыбнулась, чтобы гангстер, когда поглядит в глазок, увидел замечательно выглядящую девушку лет двадцати. Тот не глядел, открыл сразу же. Увидав блондинку с косой, даже облизался про себя.

И в этот самый момент носок сапога ударил его между ног. Когда парниша летел вперед, получил вдобавок пару пинков в солнечное сплетение и в челюсть. Ладно, последний удар не слишком удался, зато он сломал парню нос...

— Ыыы! — завыл бандит, как только смог вздохнуть.

— Центральное Следственное Бюро, — предъявила блондинка удостоверение. После чего впихнула хозяина в квартиру и прошла вслед ему. Станислава быстро осмотрела все четыре комнаты. Никого.

— Я имею право на адвоката, — с трудом пробормотал парень.

— Хрен ты имеешь, — сообщила блондинка, акцентируя слова, и приложила еще разок. — Где ты был сегодня утром между шестью и восемью часами?

— Дома, — ответил тот и тут же об этом пожалел.

Умелый удар носком сапога в колено ужасно болезнен.

— Врешь! Что, никогда не слышал, что следственным органам необходимо говорить исключительно правду? Что с твоей ногой?

Какой-то из ударов, похоже, сдвинул повязку, на тренировочных брюках появилось кровавое пятно.

— Поранился...

— Кася, — Станислава вышла из двери кухни, в ее руке был булатный стилет. — Ты была права.

— Где девушка?

— Не знаю.

Станислава прожила четыреста лет, но до сих пор считала, что выражение «втоптать кого-нибудь в землю» употребляется исключительно в переносном значении. Результат действий младшей кузины был настолько неприятным, что она отступила в комнату. Катаржина закончила свое дело. Качок валялся на полу и хрипел. Сломанная рука, разбитые ребра, запухший глаз, зубы бусинами рассыпаны по всей прихожей.

— Еще раз соврешь — и тебе крышка, — спокойным, деловым тоном сказала Катаржина. — И я сделаю все так, чтобы было похоже на работу маньяка, — процитировала она фрагмент из давнего фильма.

Бандит тут же поверил.

— Честное слово, не знаю, — переломанными пальцами заслонился он от очередного удара. — Ну, мы пошли ее с парнями схватить, она избила нас, четверых, и тогда шеф выстрелил из усыпляющего ружья...

— Еу вот, и начал говорить, — сообщила Кася кухне. — Дальше. Куда он ее забрал?

— Не знаю. Наверное, к себе.

— И где он живет? — продолжила допрос Катаржина.

— Не знаю...

— Ответ неправильный...

Старшей кухне вновь пришлось выйти. Когда она вернулась, качок вновь был готов давать показания. Катаржина мыла руки под краном в кухне. Черт, придется покупать новые сапоги, эти пятна практически не выводятся.

— Не, я чесслово не знаю, — прохрипел окровавленный ошметок на полу. — Клянусь. Связывались по мобиле.

— Номер?

— Это он нам звонил. Когда мы были ему нужны. Иногда раз в месяц, иногда и реже... Но своего номера не сообщал.

Катаржина забрала с тумбочки его мобильный и спрятала в карман.

— Зачем он ее похитил?

— Не знаю, нам он не говорил.

Катаржина подняла ногу.

— А что вы для него делали? — спросила она.

— Мы взламывали хаты. У коллекционеров: старинные книги, картины, оружие. А тут мы даже и не врубались. Обычная телка, — прибавил он, выплюнув очередной сломанный зуб. — А она всем нам четверем такой пизды вломила. И еще так быстро двигалась... Словно и не человеком была. Меня в ногу как-то так укусила, что дыромаха как из обреза...

— Как зовут вашего шефа?

— Приказывал называть себя Димитрием.

Бывшая сотрудница спецслужб задумалась.

— Если чего вспомнишь, — процедила она сквозь зубы, — обязательно позвони. И если хоть волосок с ее головы... я вернусь, и весь дом услышит, как ты сдыхаешь.

Тот лишь качал окровавленной головой.

Женщины вышли в коридор.

— Ее? — Катаржина спросила исключительно ради порядка.

— Не думаю, чтобы в Польше нашелся второй такой булатный стилет. Зачем Димитрию похищать нашу принцессу?

— Быть может, это приманка на тебя? — озабоченно глянула Кася на старшую кухню. — Если только это тот Димитрий, о котором ты упоминала...

— Устрою я ему приманку... — провернула та барабан нагана.

Их шаги она услышала, когда те были еще далеко в коридоре. Двое. Что же, бывало и хуже. Впрочем, нет, в сумме так паршиво никогда не бывало. Всегда существовали какие-то шансы для защиты. Нож или сабля в руке, иногда только кулаки... Ее заковывали в цепи, связывали, но всегда ей как-то удавалось освободиться. Цепью от кандалов тоже можно задушить или разбить охраннику башку... А сейчас она лежит, связанная, что твоя колбаса... Черт!

Моника закрыла глаза. Чтобы отвоевать свободу, сила будет не главной, даже и не скорость хищника. На сей раз единственная надежда на ум. Как спровоцировать похитителей, чтобы те ее освободили?

Вошли они неожиданно. Моника тщательно считала. Два засова и замок, закрытый на два оборота. Нехорошо. Двери за собой закрыли. На ключ. Зато не оставили снаружи сообщника, который задвинул бы засовы. Выходит: надо сволочей пришить, забрать ключи, и дорога к свободе открыта. Правда, легкой она не будет...

— Мы знаем, что ты не спишь, — рявкнул один из мужчин.

Моника открыла глаза. Лицо: даже пристойное, хотя и крысинообразное, выдающее некую неуловимую чуждость. Что-то было в этих холодных глазах. Развязность? Возможно, и так. Педофил? Не исключено. Ну ладно... Пускай только попытается ее изнасиловать. Достаточно будет оплести бедра вокруг его тела и выдавить душу еще до того, как он успеет мигнуть... Перенесла взгляд на второго и оцепенела. Секлюцкий, преподаватель биологии... У него на лице не было маски, он никак не пытался скрыть себя, следовательно — ее убьют. Избавятся от нее, чтобы она никак не узнала гада.

Прямо сейчас? Похоже, еще нет. Если бы хотели убить сразу, принесли бы оружие, пластиковый мешок, разложили бы газеты на полу: кровь легко впитывается в бетон, и ее очень трудно потом удалить...

— Так вот, друг мой, здесь мы имеем дело с весьма любопытным зоологическим феноменом, — заговорил Димитрий. — Вампирица...

— Молодая вампирица, — дополнил биолог, с определенным интересом осматривая девушку.

Она помнила этот его взгляд, еще с первого дня в классе. Теперь в нем было нечто новое. Глядел он совершенно холодно, как будто рассматривал препарат в формалине.

— Не думаю. Ей может быть и несколько сотен лет... Или даже больше, чем мы думали, — прибавил задумчиво хозяин.

— А ты уверен, что это вампирица? — полюбопытствовал учитель.

— Естественно. В своей жизни я их видел, как минимум, две: на Кресах и в России... — по его лицу пробежала тень. — Впрочем, можешь на слово мне и не верить.

— Зубы у нее обычные.

Димитрий обошел Моника. Воткнул пальцы в ямки за ушами и силой раскрыл ей рот, блокируя его ножом, вставленным между зубов. Во второй его руке была металлическая ложка, которой он грубо отогнул ее язык. Моника чуть не удавилась.

— Погляди сам.

Биолог наклонился, но тут же отскочил, потому что вампирица выстрелила присоской, целясь между глаз.

— Господи Иисусе... — пробормотал он, хотя и был атеистом. — Ты был прав.

Его сообщник вынул нож и спокойно вытер его о штаны.

— Запомни, у этих животных исключительная устойчивость к ранениям. Ткань восстанавливается уже через несколько часов. Но есть пара любопытных методик борьбы с ними. Во-первых, они реагируют на все известные виды наркотиков, хотя и слабее, чем люди. Поддаются они и воздействию спиртного. Но тем, что способно по-настоящему им повредить, является серебро.

Моника даже и не вздрогнула, жизнь научила ее никогда не проявлять страх, тем более — в отношении врага. Тем не менее, в душе она почувствовала жалость, что ее более чем

тысячелетняя жизнь закончится столь банально. Умереть, сражаясь, как тогда, в Косово... Пасть после соперничества, оставить врагам на память шрамы, которые те с гордостью станут показывать внукам. Умереть на свежем воздухе... А вместо этого ее зарежут в подвале, связанную как колбасу.

Димитрий спокойно вынимал что-то из кармана, укладывая вещи вне поля видения Моники.

— Серебро обжигает их кожу, — начал он доклад. — Этот процесс можно сравнить с очень сильной аллергической реакцией. Понятное дело, все выглядит не столь зрелищно, как в тех идиотских голливудских фильмах.

Неожиданно он прижал край серебряной монеты к щеке девушки. Та дернулась в ремнях, но смогла сдержать крик боли.

— Вот, сам погляди. Уже появилось покраснение, через пару минут будет пузырь, заполненный жидкостью... — Итак, дорогуша, — впервые он обратился непосредственно к Моники, — у Стаси тинктуры уже нет, запас должен был закончиться лет сто назад, но она прибыла в Краков, вероятнее всего, чтобы отыскать Сендзивоя. Откуда ей известно, что он здесь?

Девушка пожала плечами.

— А ведь жаль портить такую милую мордашку, — буркнул тот и провел монетой по другой щеке.

Моника закрыла глаза. Умрет. Живой ее из рук не выпустят. Но она была уверена, что обе кузины Крушевские отомстят, как только узнают, кто был убийцей. Итак? Пускай уже издевается, скотина. Когда боль окажется невыносимой, начнет врать. Но не скажет ничего, что могло бы повредить ее подругам.

— И-эх, сразу видно, что никто не научил тебя послушания и хорошим манерам...

Димитрий приложил монету к ее лбу.

— Красивая была малышка, — загоготал Секлюцкий.

Моника разгадала все немедленно. Он не любил издеваться. Садистом не был. Он был кем-то гораздо худшим. Он принимал необходимость применения пыток, если, по его мнению, они вели к намеченной им цели. Людей он пытал не по потребности сердца, но из нечеловеческого безразличия. Если выбирать, она предпочла бы садиста...

— Интересно, а можно ли заразить вампира черной оспой? — спросил он приятеля.

— Откуда мне знать? — пожал тот плечами. — А что, хочешь проверить?

— Да нет, нужно еще время, чтобы культуры бактерий подросли, — махнул он рукой. — Не будем рисковать распространением заразы...

Моника не понимала, о чем он говорит; сейчас она чувствовала лишь чудовищную боль раненного лба.

— Как Крушевские хотят найти алхимика? — спросил Димитрий.

Моника отрицательно мотнула головой. Боль взорвалась неожиданно, без предупреждения. Только через секунду, когда девушка чудом смогла прийти в себя, она поняла, что мучитель бросил ей монету на правый глаз. По щеке стекала кровь.

— Все скажешь, все, — рявкнул он. — Максимум, чуть больше пройдет времени до того, как мы тебя сломим. Но можешь быть уверена... Любое существо, обладающее нервной системой, обязано, раньше или позже, поддаться, а мы никак не спешим...

Он отстегнул самый нижний ремень и сорвал одеяло, покрывающее ноги девушки.

— Как они хотят найти алхимика? — повторил он вопрос.

Моника не отвечала. Димитрий взял в руку тонкую серебряную цепочку.

— А знаешь, это увлекательно, — их другие ткани тоже реагируют на серебро...

Впрочем, сам погляди...

Когда он отпиливал ей первые два пальца, Моника молчала. На третьем не смогла сдержать дикого вопля. Заорала так, что задрожали стекла в окнах...

— А ничего голосок, — покачал головой Димитрий. — Децибел восемьдесят, не меньше... А вот горлышка жалко...

— Странно, что нет кровотечения. Практически нет, — Секлюцкий наморщил брови, глядя на культы пальцев прелестной еще недавно ножки.

— Соединения серебра для них крайне токсичны. Сосуды сжались, чтобы заблокировать проникновение вредных веществ дальше в организм, — пояснил Димитрий. — Так что, будешь говорить?

— Я ничего не знаю, — простонала Моника. — Они не говорили, как собираются его найти. Катаржина работала с компьютерной идентификацией. Как-то так...

Лучше всего звучит ложь, смешанная с правдой...

— Конкретно, — потребовал ее мучитель.

— Не знаю.

— Какими программами она хочет воспользоваться? Что сравнивать? К чему у нее имеется доступ?

— Не знаю...

Тот ударил цепочкой по второму глазу. Моника погрузилась в темноту.

— Блин, пересолил... — прошипел преподаватель. — Ты ее ослепил...

— Один черт, пойдет раков кормить... Н-да, для первой беседы мы получили немного, — буркнул он. — Ладно, пускай поваляется до утра, может, и наберется ума... А если нет, то, к сожалению, придется порезать на куски... К боли она устойчива, только еще не знает, что такое настоящая боль... Как станем вытаскивать кишки из животика, запоет...

Они вышли. Хлопнула дверь, защелкнулись засовы. Моника резко наклонила голову. Слезные железы продолжали работать, вымывая соединения серебра из ран. Чтоб он издох! И вправду выжиг ей глаза. Все ожоги ужасно болели, только теперь, когда напряжение спало, Моника почувствовала — насколько же сильно.

Медленно-медленно она перевернулась на живот. Теперь, когда из семи ремней осталось пять, она могла это сделать. Итак, подтянуть ноги, а там... Быть может, удастся порвать ремни? Она вонзила скованные руки в твердый матрас, постепенно увеличивая нажим. Отжимание. Это всего лишь отжимания с грузом на спине... Что-то тихонько треснуло. Через мгновение раздался второй подобный звук. Кости? Нет. Пружины? Тоже нет. А из чего у нас кровать? Стальная рама, стальная сетка. На ней матрас, тоже пружинный. Так что же так хрупнуло? Как сетка крепится к кровати? На винтах или защелках. Или ее закрепили на заклепках? Быть может, этот звук издавали отрывающиеся головки алюминиевых заклепок?

Моника вновь напрягла все силы. Еще треск, и наконец матрас сдался, завалился вниз, оторвавшись с одной стороны от рамы. Моника скатилась под кровать, ремни остались наверху, придерживая уже ненужное одеяло. Шершавый бетон пола под щекой. Девушка сделала несколько глубоких вдохов.

Итак, первая помеха ликвидирована. Зато появились очередные проблемы. Щиколотки и запястья тесно скованы, сама она голая, закрыта на четыре засова и ничего не видит.

Моника силой заставляла себя плакать. Правый глаз будет отрастать пару дней, зато левое только царапнули поверху. Быть может, достаточно будет несколько, не больше десятка часов? Пока же что надо плакать, вымыть соединения серебра из раны.

Наручники. Хорошо еще, что из секс-шопа, крайне примитивная конструкция. Моника выгрызла дыру в матрасе, сунула руки вовнутрь. Вырвала пружину, сломала ее о край кровати. Даже ничего не видя, смогла освободиться через минуту. Так, теперь ноги...

Вместе с капающими слезами постепенно уступала и боль. Девушка улеглась на истерзанной кровати, закутавшись в одеяло. Коснулась лба. Провела пальцами по краям раны. Серебро проникло очень глубоко, но пузырь уже начал спадать. Тело было раскалено. По спине пробежала неожиданная дрожь. Термометра не было, но Моника посчитала пульс. Не хорошо, градусов сорок, самое малое...

Колени у нее дрожали. Наверняка, от нервов. Нужно успокоиться. Следовательно — спать. Раз до завтрашнего дня решили дать ей покой, необходимо восстановить силы... Моника накрылась одеялом с головой, пытаясь дыханием нагреть внутреннее пространство. Дрожь сделалась еще сильнее. Но потихоньку — полегоньку напряжение начало спадать. Несколько часов отдыха должны ей только помочь. Враги не смогут застать ее врасплох во сне. Услышит грохот засовов и проснется. А тогда... Что же, в кодексе некоего Хаммурапи написано: око за око. Конечно, у них глаза и не отрастут, но они и не проживут достаточно долго, чтобы озаботиться этим...

— В Кракове проживает сорок семь различных Димитриев. Две трети из них — в блочных домах. Но этих, как мне кажется, можно вычеркнуть.

— Почему? — не поняла Стася.

— Очень просто. Похищение — штука довольно-таки сложная. Пленника нужно где-то держать. Из того, что я знаю Моника, она будет пытаться освободиться; может кричать, пинать стенку... Соседи могли бы услышать.

— А если будут держать ее с кляпом во рту?

— Куча хлопот. К тому же, появляется еще одна проблема. Сотни окон. В старых домах в них торчат старушки, для которых наблюдение за округой это единственное занятие, скрашивающее серые пенсионные дни. Очень сложно занести связанную девушку в дом так, чтобы никто этого не заметил. Тем более, что это было утро, люди идут на работу, дети — в школу. Необходимо было бы подъехать максимально близко к двери подъезда. Мне кажется, у него вилла с гаражом, а из гаража имеется прямой переход в подвал... — при этом Катаржина быстро стучала по клавишам.

— А если он закрыл ее не рядом со своим домом, а, к примеру, в съемной квартире?

— Будем надеяться, что это не так. Ни одна из машин не была зарегистрирована на человека, носящего это имя, — буркнула она тихо. — Но давай поглядим, а не проживают ли и хозяева где-нибудь рядом с сорока семью вычисленными адресами. Ведь за Моникой он мог поехать и на машине своего дружка...

Но это тоже ничего не дало.

— Сейчас пригодился бы список вилл и домов с гаражами. Глянем, домов — нет. Остаются виллы.

— А как ты различаешь блочные дома и виллы? — удивилась алхимичка. — Это всего лишь голые адреса, ты ведь не знаешь Краков настолько хорошо, чтобы знать, что и на какой улице размещается.

— Это очень просто. Если мы имеем адрес типа: жилмассив Казимировский, 56, квартира 56 — это означает жилой дом. В виллах по много квартир не бывает.

— Хитро! — оценила кузина.

Катаржина выписала дюжину адресов.

— Эти адреса потенциально подходят. Нужно сузить круг поисков.

Она вывела на монитор данные, касающиеся владельцев участков.

— Сколько лет Димитрию?

— Думаю, лет около 430...

— Черт! Ладно, по-другому, на сколько он выглядит?

— Между тридцатью и сорока.

Пару минут Катаржина копалась в информации.

— Подходят три адреса, — сказала она наконец. — Ни один из трех в полицейских хрониках не отмечался.

Она сунула кончик шариковой ручки в рот.

— Он должен был прибыть сюда недавно, приобрести фальшивые документы. Черт, насколько же неполные все эти данные... — не сдержалась она. — Ладно, посмотрим ипотеку. Она частично компьютеризована... Есть, это он! — указала она на один из адресов. — Эта вилла сменила хозяев три года назад.

— Ты уверена?

— Не до конца. Но у этого машины имеется автомобиль, соответствующий описанию, живет он один и подходит по возрасту. Нужно поглядеть по месту...

Она стащила с антресолей приличных размеров чемодан и направилась к выходу. Станислава набросила куртку и пошла за кузиной.

Время от времени алхимик любит просмотреть прессу. Как правило, он покупает себе по одному экземпляру каждого журнала и газеты, а потом, читая, сравнивает версии. Просматривая польские газеты, чувствует вздымающуюся злость. Измены, аферы, коррупция... Страной правит наихудшая из возможных чернь. Никогда перед тем не было так паршиво. Самый толстый журнал, наполненный объявлениями, Сендзивой взял в руки в первый и в последний раз в жизни. И кто, черт подери, это издает? И для кого? Неужели существует даже столько изменников родины, чтобы оплачивать существование этого издания на рынке?

С отвращением он выбросил красочные страницы в мусорную корзину и инстинктивно вымыл руки.

Вестник культуры. Культура тоже ужасно пошла псу под хвост, но, глядишь, и найдется

чего-нибудь любопытного... Он задумчиво перелистывал журнал, как вдруг... Заметил краем глаза. Нечасто видишь свое имя в печати.

— *Научная конференция в четырехсотую годовщину публикации «Трактата о ртути» мастера Михала Сендзивоя из Санока,* — голос отразился эхом в обширном помещении. — *Вход свободный.*

Какое-то время он сидел в кресле и наконец, так как не мог сдержаться, расхохотался. А вот это может быть любопытным; до сих пор никто не принимал участия в конференции, посвященной собственным исследованиям... Время есть, как раз можно и пройтись. В дорогу!

Тут же в голову пришла еще одна безумная идея. Сендзивой открыл одежный шкаф. Ради подобного случая и одеться следует по-особенному... Итак, широкая кожаная шляпа со страусовым пером, белый крыз под подбородок, сорочка с кружевами, кожаный пояс, рапира, широкий плащ. Он поглядел на себя в зеркале. И вдруг почувствовал, будто бы время отступило назад. Вновь он в Кракове, вновь одет по иностранной моде, как приличествует ученому мужу... Сендзивой положил руку на рукояти рапиры, после чего, усмехнувшись, сунул за пояс заряженную кручицу. По городу он всегда ходил вооруженным...

Мастер вышел из дома. Все покрывал ранний, осенний вечер, зато было довольно тепло. Ветер сбивал с деревьев листья. Алхимик перешел улицу и направился по Плянтам.

Но почему это конференция должна была происходить в штаб-квартире Польского Товарищества Любителей Астрономии^[110]? Трудно сказать.

Краков, ул. Медовая 13. Сами видите, Товарищество любителей астрономии никого особо здесь не интересуется... Ценится совсем другое. Фото из Викимэпз

Сендзивой вошел в зал. Мероприятие собрало очень немного посетителей. Несколько светил науки в костюмах, полтора десятка пенсионеров, у которых возраст пока что не убил любопытства. Студенты, которые, скорее всего, пришли по указанию куратора группы... Входящего окинули взглядами, кое-кто по-доброму усмехнулся, наверняка считая, будто бы переодетый в алхимика мужчина, это заказанный организаторами актер. Еще в зале было

трое монахов-доминиканцев под командованием настоятеля. Сюда они прибыли, одетыми в гражданское, но он их узнал. Обменялись поклонами. На лицах монахов было заметно веселье. Тонкость шутки они как раз оценили.

Алхимик скромненько пристроился в уголке. Два часовых доклада. Следует признать, что с научной точки зрения их ни в чем обвинить было нельзя. Довольно тщательно было воспроизведено его жизнеописание, ошибаясь только в незначительных мелочах. Были упомянуты его работы. Вообще-то он написал и опубликовал еще два или три трактата, но, похоже, они не сохранились.

Затем показ слайдов: в основном, гравюры по дереву, взятые из так называемой «Немой книги»^[111], а также рисунки и гравюры, изображающие алхимические лаборатории. Конференция закончилась. Организаторы пригласили на небольшое угощение. Алхимик вышел в тесную прихожую.

— Приветствую вас, мастер.

Сендзивой поднял взгляд на стоящего перед ним мужчину. Прошло четыреста лет, но он узнал его сразу.

— Димитрий.

— Мастер, сколько же это мы лет не виделись... — губы давнего помощника растянулись в улыбке.

В мозгу Сендзивоя зажглась аварийная лампочка, он почувствовал фальшь.

— Что хорошего слышать? — спросил он.

— Живу помаленьку, — ответил ученик. — Люблю этот город... Может, в честь встречи, выпьем по рюмке вина?

Алхимик поглядел а стол с фуршетом и слегка скривился.

— У меня дома хорошее, — вызвался Димитрий. — Французское, пятидесятилетней выдержки. Знакомые привезли. Виноград со склонов замка Мария Серена^[112]. В магазине не купить.

— Далеко живешь?

— Отсюда далековато, но у меня автомобиль...

Через минуту они уселись в припаркованный неподалеку джип и направились через темный город.

— Вижу, что ты не с пустыми карманами, — буркнул Михал.

— Раз живешь столько времени, то учишься хорошо вкладывать деньги, чтобы те приносили доход. Мастер, если вам нужны деньги...

— Есть, — коротко отрезал тот.

Остановились они перед небольшой, неосвещенной виллой, окруженной старыми каштанами.

— Ну... так ты неплохо и устроился, — оценил алхимик.

Они вошли в холл, прошли в салон, где в камине еще догорали угли.

— Присаживайтесь, мастер, а я все приготовлю...

Сендзивой утонул в глубоком кресле. Димитрий запустил музыку, аппаратура у него и вправду была высокого класса. Поначалу гость не узнал мелодию. Лишь через несколько минут сориентировался, что это, вроде бы, какая-то из симфонических поэм Константина Миколоюса Чюрлёниса^[113]; от удивления он даже поднял брови. Неужто Димитрий поддался цивилизации?

Пришел бывший ученик, неся на подносе две рюмки и тарелку с порезанным серником.

Оба уселись за низким столиком.

— За встречу! — чокнулись они.

Вино и вправду было замечательным. Только Сендзивой до конца не допил. Рюмка выпала у него из пальцев. Казалось, что в сторону пола она летит несколько минут, оставляя за собой светлую полосу. За руками Дмитрия тоже тянулись светящиеся полосы. Вокруг картин на стенах появились фосфоресцирующие гало. Алхимик хотел подняться, но лишь почувствовал ужасную слабость.

— Тетрагексанол и щепотка ЛСД^[114], - с хитрой усмешкой пояснил бывший ученик. — Вы уж простите, учитель, но ведь по своей воле тинктуры никогда бы не отдали. Уже тогда, в коридоре, вы все поняли. Но любопытство, ваше патологическое любопытство...

Он подскочил к креслу и стал обыскивать карманы Михала. Алхимик с громадным трудом смог поднять руку, но силы, чтобы оттолкнуть хозяина, у него не было. Через миг Дмитрий с триумфом отступил на шаг, сжимая в руке небольшой, желтый шар.

— Шарик из слоновой кости, — хихикал он, радуясь. — Если не ошибаюсь, он принадлежал Келли? Я все помню, все. Он раскручивается...

Хозяин виллы уселся во втором кресле и осторожно открыл коробочку. Внутри находилось граммов пятнадцать-двадцать красных кристалликов.

— Тинктура, камень философов... У меня запас на три тысячи лет жизни! — радовался он.

Алхимик пытался что-то сказать, но был не в состоянии издать хотя бы звук. Комната вращалась вокруг него, голос давнего ученика доходил как будто бы сквозь слой ваты.

— Другие... — выдавил он наконец.

— Твои оставшиеся сотрудники? Двое мертвы, я лично позаботился об этом, а точнее, сделал это руками одного молодого придурка. Их запасы я забрал себе.

— Давно?

— Еще перед войной. Янек, похоже, жив; я его не видел. И Стася жива. Но не беспокойся, уже вскоре все вы встретитесь в аду... Ну... не такой уж я бессердечный, подожду, когда ты потеряешь сознание, и только потом тебя застрелю... Ничего не почувствуешь, ты заслужил спокойной смерти. Но вначале...

Он побежал в кухню.

Сендзивой закрыл глаза и сконцентрировался. Он обязан обрести власть над собственным телом. Обязан. Алхимик сконцентрировал взгляд. Пальцы постепенно сжались в кулак. Теперь другой. Ничего, как-то идет.

Ученик вернулся с бутылкой.

— Медицинский эфир, — сообщил он. — Как вы тогда его называли? Меркурий?

— Алкагест, неуч^[115]... - прохрипел его учитель.

Дмитрий допил свое вино и всыпал в рюмку щепотку порошка. Залил эфиром из бутылки. В воздухе повис чудовищный, больничный смрад^[116]. Помешал. Заткнул нос и спешно заглотал всю порцию. Тут же закусил серником. И только лишь после того вдохнул воздух.

— А ничего эфирчик, — вытер он слезы. — Пил я его уже когда-то тут, в Кракове, с Пшибышевским^[117] и Тадеушем Бой-Желеньским^[118]. Мы, художники...

Вдруг он схватился за желудок и без слова свалился на пол. Алхимик, отчаянно сражаясь с недостатком координации, поднялся. Пошатнулся, но оперся о комод и смог

удержаться на ногах. Димитрия рвало, словно проснулся вулкан.

— Хлорное золото^[119], - рявкнул Сендзивой. — Ведь похож, а, правда? Я же знал, что, в конце концов, наткнушь на кого-нибудь, такого как ты.

Воздух волновался зеленоватым морем, но алхимик хорошо видел все еще скрючившегося на полу врага.

— Чертовски сильный яд... — шепнул он. — Но не беспокойся, большую часть ты успел вырвать...

Димитрий глянул на бывшего учителя и мастера с неразумной надеждой.

— Два убийства, одна попытка убийства и еще два запланированных, — голос Сендзивой сделался холоден словно лед. — и, наверняка, куча других грязных делишек за последние четыреста лет.

Ученик конвульсивно дернулся и попытался заползти под стол. Алхимик вынул кручицу из-за пояса.

— Прощай, мой бывший приятель. Рука справедливости достала тебя, так что по-христиански прости мой поступок, — процитировал Сендзивой старинные слова палача.

Оба неоднократно видели казни. В XVII веке они были одним из немногих развлечений, предлагаемых властями города его обитателям...

Глаза Димитрия глядели на Сендзивой с крайним недоверием. «И что:?. Это все?» — казалось, спрашивал этот взгляд. «Разве я прожил четыреста лет ради того, чтобы сдыхать как собака, на полу?»

Учитель стоял над ним с готовым выстрелить оружием. Самому пистолету было более четырех веков. Рукоять изготовили из дубового дерева, почерневшего по мере течения времени. Ствол и замок блестели свинцовым оттенком старинной стали. Русский наган производит незабываемое впечатление, только до кручицы ему ой как далеко. Это оружие страшное и прекрасное. Уважение к себе пробуждает сразу же и навечно. Калибр около семнадцати миллиметров, приблизительно столько же у иракской противоздушной пушки. Толщина стенок ствола около шести миллиметров. Внутри таится заряд черного пороха и свинцовая пуля размерами с перепелиное яйцо.

На губы Димитрия выползла презрительная усмешка. Не дождетесь! Не увидит мастер его слабости. Прожил я 430 лет — и хватит. Но уйдет достойно. В его глазах мелькнула искорка гнева.

— Прощаю вам, господин хороший, ибо не виновен ты в моей смерти, — подсказала ему память соответствующую цитату. — Только наноси удар так, чтобы не нужно было исправлять!

Алхимик нажал на курок. Давненько он уже не стрелял. Оглушительный грохот потряс виллой. Какое-то оконное стекло не выдержало и лопнуло. Страшная отдача подбросила руку Сендзивой вверх; запястье заболело так, словно его перебили. Но времени размышлять об этом не было. Воздух наполнил едкий дым. Запахло серой, порохом, смертью...

Пуля попала ученику в висок. Даже входное отверстие выглядело ой как нехорошо. На выходное лучше и не глядеть. Искры гнева в глазах убитого погасли. Грудь еще раз шевельнулась и опала. Больше хозяин виллы уже не дышал. Сендзивой вытащил труп из-под стола и, ради уверенности, опираясь на рапире, словно на трости, пришил Димитрия к полу. Он долго еще стоял, опершись о комод и тяжело заглывая воздух. Головокружение постепенно проходило.

Затем он вытащил из-за пояса перчатку и бросил на тело. После чего, все еще

пошатываясь, направился к двери.

Катаржина вместе со старшей кузиной вышла из такси в начале улицы. Последние несколько сотен метров необходимо пройти пешком... Девушки пошли по неровному тротуару. Дома дремали за оградами из кованых металлических прутьев. Синий джип стоял припаркованный перед виллой, окруженной старыми каштанами.

— Это здесь? — тихо спросила Станислава.

— Во всяком случае, я так думаю... — бывшая сотрудница Бюро нажала на кнопку звонка возле калитки.

Ей ответило молчание. Судя по бледному отблеску на оконных стеклах, где-то внутри дома горел огонь. Стася пихнула калитку, и та гостеприимно распахнулась. Но дверь дома оказалась закрытой.

— Давай выбьем окно и залезем вовнутрь, — предложила старшая кузина.

— Зачем, сейчас взломаю замок...

— Это же «герда», шесть миллиардов комбинаций.

— Три минуты работы, — фыркнула Катаржина. — Впрочем, гляди сама, — она вставила ключ. — Это так называемый универсал, более-менее в замок входит, зато изготовлен из титана. Теперь рычаг, — в ушко ключа она вставила прут из инструментальной стали и подвесилась всем своим весом на одном конце.

— Помоги, — попросила она.

Дамы потянули вместе.

Несколько секунд замок еще сопротивлялся, затем раздался громкий хруст.

— И как это хозяйство действует?

— Ломает защелки. Теперь же главный ригель замка крутится без помех...

Катаржина нажала на рукоятку, дверь раскрылась.

— Ты готова? — спросила младшая кузина у старшей.

Та кивнула головой. Снятый с предохранителя наган уже лежал в ее руке. Крушевские осторожно двинулись в сторону полосы света, сочившегося из-под незакрытой двери на конце прихожей. Катаржина пихнула ее, хорошо смазанные петли даже не пискнули. Стол, две тарелки, на полу труп. Все это припудрено несгоревшими остатками пороха.

Тело, пришпиленное рапирой к дубовым половицам, выглядело словно экзотическое насекомое в коллекции энтомолога.

— Димитрий, — склонилась над телом Стася. — Кто-то его убил... Палач.

— Ты чего бредишь, какой еще палач? — не поверила Катаржина.

— Перчатка, — указала та на живот трупа. — Это древний обычай, палач всегда бросает в гроб осужденного после выполнения приговора...

— Ни разу об этом не слышала. Впрочем, за последние двадцать лет смертные приговоры в Польше не исполнялись...

— Убил его кто-то из наших, — оценила Станислава. — Выстрелил в висок из кручицы.

— Или из двустволки, — задумалась Катаржина, глядя на входное отверстие. —

Скорость пули была меньшей, раз кость вокруг раны потрескалась... Может, ты и права. Моника?

— Думаю, что нет... На полу валяются две рюмки. Он с кем-то пил, а потом встретился со смертью. Но идентификация дома оказалась верной. Давай-ка поищем нашу девицу. Только осторожно; не думаю, чтобы убийца все еще был, но...

Первый этаж. Крушевские обошли все помещения. Пусто.

— Судьба. Моника здесь тоже нет, — вздохнула Станислава.

— Тут есть подвал, — отрицательно покачала головой ее младшая кузина. — На стенах есть следы от батарей. Так что где-то должна была быть и котельная. Покопайся в бумагах, только постарайся не оставить отпечатков пальцев, а я осмотрюсь...

Катаржина как раз приглядывалась к полу, когда услышала сдавленный стон.

Алхимичка положила на столе пять папок. На обложке каждой был сделан эскиз человеческого лица. Два рисунка были перечеркнуты черными крестами. Остальными были ее лицо; человека, пользующегося в настоящее время фамилией Скуржевский и пожилого мужчины с воротником-крызом под подбородком.

— Михал Сендзивой из Санока... — буркнула Катаржина.

— Как живой...

— Бросай в рюкзак, осмотрим позднее. И поищи, а нет ли чего-нибудь еще.

Ноутбук княжны. Несколько алхимических трактатов XVII века, оправленных в почерневшую от старости кожу. По углам замечательные оковки. Алхимичка без особого стеснения присвоила их. Кузина изучала кухню.

— Есть крышка! — доложила она. — Поспешим!

Спуск в подвал был замаскирован весьма искусно; на нем стояла газовая печка. Правда, труба была закреплена на честном слове, а печка совсем не была подключена к газовой разводке.

Девицы отодвинули печку, осветили вниз фонариками. Лесенка и небольшой погреб. Они спустились. Окошки со стороны сада впускали размытый свет уличного фонаря.

— Моника! — крикнула Катаржина. — Ты здесь? Это мы!

Ответом был невыразительный стон. Дверь была снабжена солидными засовами. Отмычка пригодилась еще раз. Замок девицы попросту выломали. Княжна лежала на нарах, голая. Она свернулась в клубок и закуталась в одеяло. Девушка подняла голову. Один глаз был полностью выжжен. Веко второго, покрытое сукровицей, шевельнулось. Моника без узнавания глянула на Крушевских. Радужка и роговица были покрыты пятнами и ороговевшими пластинками. Зрачок был неестественно увеличен. На лбу и на щеках уже засыхающие раны.

— Господи — Боже мой... — ужаснулась алхимичка. — что произошло?

— Серебро, биолог, — простионала княжна и потеряла сознание.

Катаржина бесцеремонно отодвинула старшую кузину, приложила ладонь ко лбу девчонки.

— У нее очень высокая температура, — совершенно серьезно сказала она. — Этот скот пытал ее каким-то серебряным предметом. Сейчас она отравлена соединениями этого металла.

— А глаза?

— Пожег ей тем же самым. Но она, по крайней мере, хоть немного видит... Надо забрать ее отсюда!

Она вынесла Монику, все так же завернутую в одеяло, навех.

— Вызываем такси? — кузина вынула из сумочки элегантный мобильный телефон.

— Нет. Забираем машину Димитрия, — твердо возразила Кася. — Ему она и так уже не нужна.

— А ключи зажигания?

— Нужно поискать в карманах.

Через минуту они уже уселись в джип. Княжну уложили на заднем сидении. Катаржина вела машину очень уверенно, хотя скорость, которую развила, заставила, что ее кузина закрывала глаза от страха. Они занесли Монику домой и уложили в кровать. Станислава побежала в аптеку на углу. Вернулась с охапкой лекарств.

— Похоже, серебро для нее крайне токсично. Погляди, в этих местах клетки пытались закрыться оболочкой. Мне кажется, что, в основном, мы имеем дело с хлористыми и сернистыми соединениями этого металла^[120]...

— И что делаем?

— Давай физиологический раствор. Промоем...

Она старательно очистила шрамы. Горячка все так же оставалась очень высокой. Моника проснулась.

— Принцесса, как мы можем тебе помочь? — спросила Катаржина.

— Глаза...

— Что-нибудь ими видишь? — Станислава перешла на сербский.

— Левым — все как в тумане. Отрастут... пару дней... — прошептала девушка. — Пить... не знаю... Серебром по глазам еще никогда... Биолог...

Вновь она провалилась в горячечный бред. Станислава осторожно напоила ее водой. Катаржина промыла глаза княжны.

— И как оно?

— Паршиво, — буркнула Кася. — Левого практически нет, сплошные сгустки и нечто вроде ороговелостей... Правое в пятнах. Глядишь, и регенерируется...

После этого она занялась ногами Моники. Здесь проблем не было: все засохло и как бы затвердело.

— Ткань, подобная ногтевой, — сообщила Катаржина. — Три пальца ей отрезал... Сволочь чертова...

— Чего он от нее хотел?

— А холера его знает. Но, раз воспользовался серебром, знал, что она вампир. Слушай, температура никак не спадает. Дай-ка пирамидон...

Станислава принесла. После порошков горячка чуточку спала, а дыхание девушки успокоилось. Обе кузины смогли перейти в другую комнату, поглядывая через приоткрытую дверь на свою подопечную.

— А может, все-таки, следовало бы отвезти ее в больницу? — размышляла младшая.

— И что бы ты им сказала? У нас тут вампирица, отравилась серебром, за глаза не беспокойтесь, отрастут. Только не подходите тихонько и сзади, а не то разволнуется и укусит? — в голосе Стаси прозвучал сарказм.

— Это факт.

Они помолчали.

— Покажи те материалы, — попросила Катаржина.

Пять папок, еще довоенного производства, из картона, подклеенного серой тканью. На

каждой эскиз, внутри бумаги. Димитрий старательно отмечал, где кто жил в какие периоды времени, чем занимался... Сразу же после окончания Первой мировой войны выследил Зигфрида и Гануша — двух проживавших в Кракове учеников Сендзивоя. Приблизительно через лет десять с лишним ему удалось вычислить Стасю, только покушение в школе не удалось... Папка, касающаяся алхимика, была практически пустой: всего несколько листков с заметками. Никакого осмысленного следа. Скуржевского тоже, к счастью, найти не смог.

— Это нам никак помочь не может, — вздохнула алхимичка.

— В свою очередь, любопытно, кто его убил... Потому что я вот подумала...

— Что это Сендзивой?

— Да. Рапира, брошенная на труп кожаная перчатка, пуля из кручицы... Может, они как-то случайно встретились? Тот пригласил его к себе домой, началась драка...

— Не исключено. Насколько это портретик хорош?

— Очень тщательный... Хочешь воспользоваться им вместо фотографии?

— Нет, думаю, что не получится. Видишь ли, фотография — это вещь конкретная. А он рисовал по памяти. Даже если подобие и передано хорошо, то характерные точки могут быть совсем в других местах...

— А ты не можешь выискать его с помощью Базы? Тебя ведь еще не отрезали? Если нашла тот дом буквально через пару часов поисков, то, возможно...

— У меня нет ничего, за что можно зацепиться, — покачала головой Катаржина. — Тогда мы могли догадываться, что дом имеется и какая у него машина. После того достаточно было просто сравнить. А тут...

Она задумалась.

Мастер Сендзивой с трудом волочил ноги. В голове все еще кутерьма, как будто бы он слишком много выпил. Головокружения приходили волнами, но ледовый ночной воздух постепенно принес облегчение. На Плянтах Сендзивой ненадолго присел на покрытие каплями воды лавку.

— Тетрагексанол, — буркнул он тихонько.

Вот чем заправил его Димитрий. Спирт с шестью атомами углерода, с двойной связью и, кажется, тремя гидроксильными группами^[121] — все-таки, изучение современной химии даром не прошло. Что-то он еще помнил. Еще он знал кое-что, о чем учебники вспоминали неохотно. Тетрагексанол действует, как и почтенный этиловый спирт, только в семнадцать раз круче. Один грамм этой гадости бил по голове, словно тридцать четыре грамма водки. Сколько там Димитрий подлил ему в вино? Рюмка была приличных размеров, так что в теории он как будто бы махом выдул три поллитры^[122].

Алхимик повеселел.

— А неплохой из меня пьяндылыга! — заявил он.

Он поднялся. Ноги уже начали его слушать, наконец-то он мог идти, не шатаясь. По дороге он несколько раз сблевал, так что в кровь яда попало немного. Несколько глубоких вдохов, и он направился вперед, с каждым шагом — все увереннее. Неподалеку от Барбакана

ему встретился полицейский патруль. Мусора удивленно поглядели на длинный коричневый плащ, белый плюшевый воротник и странный головной убор.

— Ну, псих, — буркнул себе под нос один из них, когда отошли настолько, что незнакомец не мог их слышать.

— Не псих, а шляхтич, — сурово поучал его другой. — Здесь иногда такие по ночам шастают...

— А может это дух? — третий огляделся, только мастера уже не было видно.

Через минут пятнадцать Сендзивой уже погружался в глубокий сон у себя на чердаке. Перед тем, как свалиться на постель, он одним духом залил в себя пол-литра минеральной воды. Похмелье — это результат обезвоживания, дегидратации мозга. Вообще-то он не знал, как действует эта химическая дрянь [\[123\]](#), но предпочел предохраниться... Стоило бы помолиться, но много лет назад он принял принцип, что по пьянке этого делать не стоит, равно как и в те дни, когда кого-то убил. А за спасение жизни поблагодарит Господа завтра.

Когда Катаржина приложила ладонь ко лбу княжны, полночь уже давно прошла. Наконец-то чуточку попрохладнее. Раны на лице выглядели странно, их затянуло что-то вроде чешуи, но кожа вокруг них перестала быть красной.

— Дааа, такая устойчивость мне бы пригодилась, — буркнула Стася.

И они отправились спать.

Станиславу разбудило движение. Она инстинктивно сунула руку под подушку и, только почувствовав под пальцами прохладную рукоять нагана, открыла глаза. Принцесса. Видно, под утро пришла в себя, потому что сейчас, завернувшись в одеяло, она сидела за столом на кухне и столовой ложкой лопала йогурт из пластиковой упаковки. На одном глазу была модная черная повязка из лайкры, так что Моника походила на молоденькую пиратку.

— Ты уже встала? — удивилась алхимичка. — Может, тебе следовало бы полежать?

— Через пару минут и так бы вас разбудила...

— Зачем? Сегодня же суббота... — Катаржина тоже уже поднялась. По квартире она прошла словно сомнамбула и включила чайник. Пол-литра листового чая было способно поставить ее на ноги. Всегда. Она открыла холодильник, брови от удивления полезли ко лбу.

— Да я возьму, — сообщила Моника.

— Дорогая моя, ты съела три литра йогурта... Тебе же станет плохо.

Принцесса только помотала головой.

— Как глаза? — спросила Станислава.

— С одним, в принципе, все нормально, только картинка еще размытая. Вторым же

пока я вижу только светлые и темные пятна... — Спасибо вам, — она встала, желая проявить уважение. — Вы спасли мне жизнь...

— Да ладно, мелочи, не о чем даже говорить, — буркнула под нос Катаржина. — Тебе больше ничего не надо? Я знаю, телячьей крови?

На это вампирица только усмехнулась.

— Нет... Но нужно схватить Димирия.

— Уже не нужно, — спокойно ответила на это алхимичка. — Кто-то сделал это за нас. Когда ты сидела в подвале, пришел к нему в гости и пришил к полу рапирой. Мы думаем, что это мог быть Сендзивой. Быть может, уже завтра удастся его отыскать, — на ее лице появилось выражение странной задумчивости.

— А еще биолог, — вспомнила Моника.

Девушки изумленно глянули на нее.

— Ну да, — Катаржина наморщила брови, — вчера в бреду ты говорила про какого-то биолога... В чем дело?

— Секлюцкий. Он пытал меня вместе с Димитрием.

— Что-о?! — вскочила с места Станислава. — Прибью гниду!

— Он что-то задумал, — сообщила Моника. — Что-то по-настоящему крупное... Вспоминал... — она прикрыла глаза. — Это странно... Он спрашивал у Димитрия, заражаются ли вампиры черной оспой.

— А это какое имеет дело? — удивилась Катаржина. — Но ведь... Оспы-то уже нет! Мы ведь и расшифровали тебя потому, что на лице остались шрамики после болезни, а ты притворялась, будто родилась через десять лет после последнего отмеченного случая...

— Еще он что-то говорил про бактериальные культуры. Что они еще не дозрели.

— Помнишь те стеклянные бутылки в биологическом кабинете? — глянула алхимичка на кухню. — Ты сама сказала, что это культуры бактерий. А вдруг...

— Но зачем? На кой ляд кому-то галлон бацилл, причем, столь опасных?

— Кто знает? Это же ты имела дело с уголовниками. А вдруг он желает совершить террористический акт? Или продаст кому-нибудь? Мало что ли психов на свете? Корея, Ливия, Ирак... возможно, что и сам дядюшка Осама...

— Мы не в Клевках^[124]... но... — в глазах бывшей сотрудницы Бюро промелькнуло нечто нехорошее. — Я уже знаю, как мы с ним расправимся.

Она села за компьютер, запустила программу, вошла в сеть Бюро. Несколько минут стучала по клавишам, написала эсэмэску и куда-то ее отослала.

— Ты чего задумала? — любопытствовала княжна.

— Контролируемая утечка нашему союзнику, — усмехнулась та. — Только что краковское представительство ЦРУ получило сведения о том, что Миколай Секлюцкий, член польской секции Аль-Каиды, приготовил восемь литров культуры черной оспы.

— Так они же не поверят...

— Поспорим?

Она запустила приемник и подключила его к компьютеру. На экране появилась картинка со всех камер. Изображение снимаемое камерой, висящей возле школы, Катаржина увеличила. Ждать пришлось долго. Только минут через двадцать под дом заехал фургон и черный мерседес.

— А этот чего? — спросила Станислава.

— Аккредитованный дипломат для прикрытия операции. В случае чего, он защищает

своих, у самого иммунитета...

— Два агента с дверью справились быстро. Минут через десять они вынесли из школы несколько ящиков с чем-то.

— Ну что, похоже, устроилось, — тихо сказала Моника. — Вопрос только, захватят ли учителя. Мог ведь и смыться.

— Не думаю. Откуда он мог знать, что ты уже на свободе? Так что одна проблема из головы прочь. Что будешь на завтрак?

— А нельзя еще один йогурт?

Алхимик просыпается у себя на чердаке. Что у нас сегодня? Суббота... Голова раскалывается, но, если не считать конкретно ее, он чувствует себя даже и неплохо. Сразу же после пробуждения вернулась память о событиях предыдущего вечера. Жаль рапиры, хотя то был новодел... Суббота. За ночь распогодилось. Покрытые грязью башмаки, штаны и плащ... Он не до конца помнил обратный путь, но случившееся на вилле четко встает перед глазами. Он убил Димитрия. Исправил ошибку, сделанную четыре столетия назад.

До чего же трещит голова! Две таблетки соответствующего средства должны помочь... Да, неплохо он почтил четырехсотую годовщину издания собственного трактата... О-о-ой... Кстати, а вино было и вправду неплохим [\[125\]](#), возможно, следовало поискать еще одну бутылку? Жалко, что не подумал раньше. Теперь нет смысла туда возвращаться. Похоже, убийцу и вправду всегда тянет на место преступления. Пару раз алхимику доводилось отнимать у людей жизнь. Но никогда потребности в этом он не испытывал. Может потому, что всегда убивал исключительно тех, которые того действительно заслуживали?

Катаржина вошла в детский дом и сразу же направилась в сторону кабинета директорши. Постучала и, не ожидая приглашения, нажала на дверную ручку. Сидевшая за столом бабища, увидав ее, побагровела.

— Чего? — рявкнула она вместо приветствия.

— Катаржина Крушевская, Центральное Бюро Расследований, — предъявила гостья удостоверение.

— А это вы по какому делу? — директриса держалась до конца.

Не ожидая разрешения, девушка уселась.

— Вы заявляли о побеге, — сделала она вид, будто заглядывает в блокнот, — Моника Степанкович.

— Да. Вы ее схватили? — на лице женщины рисуется садистическая радость.

— Да, но сюда она уже не вернется.

— То есть как это? — не смогла та скрыть разочарования.

— Скажем так, что вы у нас не вызываете особого доверия.

— Я педагог, которого весьма ценят, с безупречной репутацией, — женщина за столом сделала глубокий вдох, от возмущения ее лицо еще сильнее покраснело.

— Правда? — сомневающимся тоном процедила Катаржина. — Давайте-ка поглядим на ваше дело, — она вынула из сумки папку. — Педагогическое образование вы получили в 1978 году. Вы написали диссертацию о современных методиках воспитания. За последующую пару лет работа дождалась трех рецензий в научных журналах. Все они были отрицательными, автор одной из них выражал изумление, что столь неудачная работа, буквально напичканная ошибками, вообще могла быть защищена. Понятное дело, рецензенты не могли знать, что, начиная со второго курса учебы, по указанию СБ, вы прослеживали настроения среди студентов.

— Да как вы смеете?! — рявкнула толстуха, но в ее глазах появился страх.

— А пожалуйста, вот копии ваших донесений... Впрочем, это неважно. Вы получили должность преподавательницы истории в одном из варшавских лицеев... Там вы внедряли свои новаторские воспитательные методики, скопированные, впрочем, с советских, результатом чего стало совместное самоубийство троих ваших учеников. В своей предсмертной записке они обвиняли вас. Но партия, поскольку вы, тем временем, успели вступить в ее ряды, вас защитила. Впрочем, у меня нет времени повторять все эти гадости, — хлопнула она по столу папкой. — Вычеркните Монику Степанкович из своей документации.

— Но я...

— Принимая во внимание ваш психологический профиль, советую сменить работу. Тюрьма в Радоме объявила набор охранниц, — Катаржина бросила на стол ксерокопию объявления. — Думаю, там вы найдете возможности для самореализации... А об этом деле можете забыть. Моника в наших руках. Пригодится как преподаватель сербского для агентов.

И она вышла, вежливо закрывая за собой двери. Ведь хлопнуть дверью — это так некультурно.

Субботный день, дело к вечеру, небо хмурится, но жалко сидеть в четырех стенах. Головная боль уже прошла, а глоток свежего воздуха никому еще не повредил. Алхимик прогуливается по Плянтам. Проходит через Флорианские Ворота. С их городской стороны художники развесили свои работы. Сендзивой разглядывает чудовищную мазню, присматривается к картинам, которые, по его мнению, вовсе даже и ничего, правда, чуточку дороговаты. Потом он добирается до Рынка.

Нырять в подворотню и вниз — в подвалы, в поисках пива. Через пару минут, в глубоком подземелье уже сидит над бокалом золотистого напитка. Прикрывает глаза и предается воспоминаниям. Краков времен его молодости был другим. Вроде бы так сильно ничего и не поменялось, многие дома как стояли, так и стоят, но...Вонючие сточные

канавы, водоносы с ведрами на коромыслах, залитые жидкой грязью закоулки, лошади и телеги, протискивающиеся меж стенами, брызги грязи на городских укреплениях... Сукеннице^[126], небольшие лавчонки на первых этажах каменных домов и возы, с которых крестьяне продавали солому на подстилки, кур и гусей, сметану в горшках, собранный в лесу мед.

Повсюду живая толчея, сотни мастерских, спрятавшихся в закоулках вокруг Рынка... Говор, стук кузнечных молотов. Сегодня Краков раз в сто крупнее. Тем не менее, алхимику кажется, что город походит на собственный труп. Что-то изменилось. Чего-то не хватает...

Организм у Моники Степанкович исключительно стойкий, даже для вампира. К вечеру прошла даже слабость, вызванная отравлением. Раны закрылись. Но девушка еще не оборвала покрывающего их ороговевшего слоя. Надо, чтобы все хорошенько залечилось... Вот с глазом хуже. Моника оценила, что с повязкой придется ходить почти неделю.

— Мне надо съездить к шалапу, — сообщила она после обеда.

— Поселяйся с нами, место тебе мы выделим, — улыбается Стася.

— С удовольствием, — в знак благодарности княжна склоняет голову. — Но там я оставила свой мобильный телефон. Клиенты наверняка уже гоняются за мной.

— Телефон здесь, — удержала ее Катаржина.

— Мы нашли и твой ноутбук, забрали все книги и тетради. Будет лучше туда не возвращаться.

— Да ладно, — весело машет рукой Моника. — Те четверо еще не скоро отважатся вернуться на луг...

Но дома осталась. Улеглась поудобнее на диване и, включив компьютер, вернулась к прерванной работе. Эсэмэски от клиентов и потенциальных заказчиков уже не вмещались в почтовый ящик. А она потеряла два дня.

— Завтра нужно будет ненадолго выйти, — заявила она, сохраняя очередной файл.

— Ну, не будем же мы тебя держать здесь силой, — сообщила Станислава. — Если чувствуешь силы...

— Я чувствую себя уже гораздо лучше, — сказала Моника. — Молоко помогло...

— Еще его применяют при отравлениях свинцом и ртутью, — лениво замечает Катаржина. — Молоко превосходно очищает организм от тяжелых металлов.

Станислава не сказала ничего. Свернувшись в клубок на своей кровати, она погружалась в дремоту. Присутствие вампира в собственной квартире у большинства людей вызвало бы, по крайней мере, беспокойство. Она же, совсем даже наоборот — чувствовала себя более безопасной. Ну кто нападет, если на страже дома стоит шестнадцатилетняя девчонка, способная пересчитать кости четверем здоровилам одновременно?

Нельзя сказать, что поставить настоящий самовар — дело особо легкое. В центральную трубу засыпают древесный уголь, в окружающее ее пространство заливают воду. Об этом никак нельзя забыть, поскольку листы латуни спаяны оловом. Если вода испарится, латунь нагреется до температуры выше двухсот градусов Цельсия, и самовар превратится в кучку металлолома.

Огонь подкладывают снизу. Понятное дело, древесный уголь сразу загореться не может, а применение жидкости для растопки, скорее, исключается. В замкнутой трубе эффект резкого сгорания, в каком-то смысле, напоминает взрыв динамитной шашки. А Станислава очень любит свой новый ковер, посему предпочитает традиционные методы. Под нижнюю решетку, сквозь дырочки, она сует несколько сосновых щепок. Несколько минут, пока дерево полностью не сгорит, а древесный уголь не раскалится, самовар будет дымить. С этим ничего не поделаешь, но ведь можно открыть окно.

Так, что нужно еще? Спички. Можно использовать и обычные, но зачем, если кухня высмотрела в лавке специальные, каминные. Теперь нужно немного раздуть. В царской России для этого использовали голенище сапога. Но царская Россия и ее обычаи ушли в бездну забытья. Итак, глубокий вдох... Чай будет через двадцать минут, когда фата белого пара окутает самовар, а в отверстиях крышки раздастся характерное «пение».

— Надо будет научиться этому, — буркнула Катаржина, следя за кухней из-под наполовину прикрытых век. — У тебя здорово получается...

— Что поделат, при дворе наместника Константина^[127] пили много чаю...

— Каким он был?

— Исключительная сволочь. Троглодит. У него были огромные, плоские зубы, которыми он скалился, будто орангутанг. После обеда засыпал, не снимая сапог... Он даже неплохо говорил по-польски и, возможно, представлял себя поляком, — Станислава задумалась. — вот только он явно им не был. И что самое паршивое, чай он пил из стакана. Вот этого ему простить не могли. Но что поделат, дикарь.

— А ты сама пила когда-нибудь чай из стакана? — заинтересовалась Кася.

— Раз, наверное, четыре. И мне до сих пор стыдно^[128]...

Шесть вечера. Станислава поглядела на часы.

— Выхожу, — сообщила она кухне. Вернусь к десяти.

Катаржина вопросительно подняла брови.

— В «Пивнице под Баранами»^[129] организовали эфиопский вечер. А может, хотите пойти со мной?

Катаржина задумалась, потом прикрыла самовар крышкой, чтобы прекратить горение углей.

— Я с тобой.

— А я что-то неважно себя чувствую, — вздохнула Моника. — Если позволите, останусь.

Осенние сумерки, в воздухе повисли капли дождя. Самое подходящее время для просмотра слайдов из раскаленной солнцем африканской страны. Мокрая брусчатка краковских улиц, свет фонаря с трудом пробивается сквозь водную взвесь. Тротуары пусты, зато в ресторанах и магазинах полно народу. В подземных кафешках и пивных толпа такая, что яблоку негде упасть. Резной портал, ступени, ведущие вниз... Чтобы попасть на мероприятие, нужно купить билеты. Они не дешевые, но стоят того.

Музыкальная группа прибыла из священного города Аксум. Она исполнила три религиозных гимна подряд. Теперь пять минут перерыва.

— Это же систра, — Катаржина идентифицировала инструмент в руках одного из музыкантов. — Как на древнеегипетских фресках...

— Правильно, — подтвердила Станислава. — В Эфиопии их до сих пор используют.

Немного поэзии. Чернокожие студенты Ягеллонского Университета декламировали фрагменты из «Кебра Нагаст»^[130] и стихотворения современных поэтов. Кто-то переводил их на польский язык. Стася оживилась. Выражение меланхолии с ее лица ушло.

Затем был перерыв на угощение: лепешки из зерна амаранта^[131], в качестве питья — заваренный шалфей с кардамоном^[132]. Для полноты счастья не хватало только водки из фиников. А интересно, почему ее не выставили?...

На стенах подземелья, возведенных еще в XVI веке, повесили фотографии, эфиопские кресты для шествий, написанные на выделанной коже картины. Наши дамы не спеша осматривали их. Остановились они перед крупной картиной, довольно странной. На ней был изображен сидящий в кресле мужчина, который приставлял себе ко лбу пистолет. Перед ним в стойке «смирно» стоял и отдавал салют белый человек.

— А это что еще такое? — удивилась Катаржина.

— А это, можно сказать, сой старый знакомый, — тихо сообщила Станислава. — Император Теодор II Каса. Симпатичный тип, хотя немного чокнутый.

— А на этой картине?...

— Тут надо долго рассказывать. Понимаешь, к середине XIX века Эфиопия начала выходить из изоляции. Когда в Великобритании на трон вступила королева Виктория, император получил ее портрет и влюбился без памяти.

— В женщину, которую он знал лишь с картинки? И правда, чокнутый...

— Он решил жениться на ней любой ценой, в связи с чем отослал свой портрет и любовное письмо в Лондон. Ко всему этому прибавил дипломатическую ноту в отношении брака. Через какое-то время посол передал ему отрицательный ответ. В Эфиопии был такой гадкий обычай, что человека, который принес нехорошие известия, следует немедленно казнить. Правда, император уже был чуточку цивилизованнее своих предшественников. Он всего лишь бросил посла в тюрьму и планировал, после того, как тому отрубят руку, отпустить на свободу. Но одного он не предусмотрел. Англичанам страшно не понравился подход императора к делу. Они высадили крупный десант и направились отбивать дипломата силой. Император своей армии доверял, в связи с чем забаррикадировался в крепости... К сожалению, артиллерия быстро разрушила глиняные стены. Видя, что его солдаты гибнут, император решил сдаться. Он выдал пленника, после чего пригласил к себе английского командира, лорда Напьера, в свои апартаменты, после чего еще раз, в присутствии наивысших государственных чиновников признался в любви к королеве Виктории. А потом вытащил пистолет и выстрелил себе в голову.

— Холера... Крутой ухажер, — прокомментировала это Катаржина.

— Да нет. То был великий человек, готовый отдать собственную жизнь, чтобы защитить свой народ...

— Ты это говоришь так, как будто...

— Я имела честь знать его лично, — отрезала старшая кузина. — А вот тут перед нами император Хайле Силасье... — тихо сказала она, остановившись перед следующим портретом. — Оччень даже любопытный типаж. Память у него была феноменальная, но при том он практически не умел читать... Зато он свершил великое дело — ликвидировал традиционное судопроизводство.

— А что, оно было плохим?

— Оно было просто ужасным! В особенности, методы расследования. Если в деревушке кто-то чего-нибудь украл, люди шли к колдуну. Тот брал маленького ребенка, опаивал его опиумом и выпускал на улицу. К кому малец подбежал или в чей дом забежал — того признавали виновным. Ворам рубили руки или ноги.

— У... веселая страна. Это что же, сижу дома, пью чай, а через пять минут мне могут отрубить руку или ногу?

— Что-то в этом духе. Потому-то я всегда подпирала двери стулом, а ходя по улицам, хорошенько глядела во все стороны, — усмехнулась Стася. — Там я была уже три раза и наверняка еще туда вернусь...

На эстраде появилась очередная группа. Немного совсем даже современной музыки. Такое себе эфиопское диско-поло [\[133\]](#), только без треников и кроссовок «адидас». На стол подали очередные лепешки. Наши дамы задумчиво пробовали их. Станислава вспоминала их оригинальный вкус: вообще-то, могли бы приготовить и получше, но и так неплохо. Катаржина пробовала все с любопытством.

С ансамблем приехал его руководитель и, при случае, главный спонсор, Мапете. Сейчас он стоит за занавесом, в дверях, ведущих в задние помещения. Темные глаза спокойно изучают зал. На выступление его группы пришли, в основном, студенты ориенталистики и африканистики, всего несколько десятков человек. Присутствует несколько журналистов, десятка с полтора случайных жителей Кракова, решивших попробовать немножко экзотики.

Но он всматривается в сидящую за столом темноволосую молодую женщину. Она откусывает от лепешки, время от времени обмениваясь парой слов с сидящей рядом блондинкой. Вот женщина повернулась к нему лицом. Она его не видит, но Мапете, на всякий случай, на шаг отступил. Это она — никаких сомнений. Выходит, все правда... Они не виделись уже двенадцать лет, а она не постарела ни на месяц. На предплечье мужчины выделяются четыре светло-коричневых шрама.

Их было пять человек, в горах Семан они промывали песок в поисках самородков иридия [\[134\]](#). На них напала небольшая группка бандитов, останков разбитой повстанцами коммунистической гвардии [\[135\]](#). Отбросы общества, ищущие дорогу через горы... Его приятели погибли сразу. Но их добыча была хорошенько спрятана, в связи с чем коммунисты разожгли большой костер, чтобы поджарить ему стопы.

Она появилась неожиданно, на склоне возвышенности над оврагом. Белая девушка, с лицом, кожа которого была продублена африканским ветром, сидящая на небольшой, буланой лошадке. Понятно, она захватила их врасплох, тем не менее, перестрелять семеро бандюг с винтовками за пару минут — это подвиг, достойный наивысшей славы. Незнакомка перевязала Мапете и доставила его в ближайшую деревню. Колдуну в счет лечения она дала сто пятьдесят долларов. Мапете был изумлен таким аристократическим жестом.

Много недель он валялся в горячке. Впоследствии колдун рассказал, кого он встретил. В Эфиопии она взяла себе арабское имя Садия. Видели ее всего пару раз. Она была дамой при дворе императора Теодора, давала советы императору Силасье во время войны с Италией. И вот она вновь вернулась. За эти, как минимум, сто лет она не постарела...

Мапете хотелось отблагодарить ее за спасение собственной жизни. Пару лет назад он узнал, что европейка лет двадцати по имени Садия ведет бизнес в южном Судане: контрабанда оружия для христианских повстанцев, незаконные перевозки серебра, верблюдов... Когда же он добрался до ее убежища, оказалось, что дело она продала и выехала. Куда? На это никто не мог ответить. И вот они встречаются вновь...

Куртка девушки висит на вешалке. Занятая осмотром фотографий, она ничего не заметит. Достаточно сделать пару шагов и осторожно сунуть в карман кожаный мешочек с иридиевыми самородками. Он прекрасно понимает, если бы попытался вручить подарок лично, она не приняла бы... Он и еще что-нибудь хотел бы для нее сделать. И даже знает: что. Она спряталась здесь, поэтому, он, Мапете, никому не расскажет, что ее встретил.

Восемь вечера. Дождь припустил сильнее, похолодало. В то время, как одни прекращают развлекаться, другие только начинают. Шляхта, бухая сапогами, вламывается в подвальный ресторан неподалеку от Рынка. Не говоря ни слова, бармен жестом указывает на вход в боковой зал, пока что замкнутый от вторжения шарфом и табличкой «заказано». В подземном зале за столом сидит мужчина в коричневом плаще. На столешнице керамические кувшины с медом и пивом, кружки и тарелки.

— Приглашаю к столу, милсдари, — усмехается он, подкручивая ус.

Король Польши, Яцек Комуа, удивленно глядит на бармена.

— Мы ведь сняли... — начинает он.

Тот лишь пожимает плечами.

— Он сказал, что с вами, заранее заплатил за всю группу...

От угощения не отказываются. Все усаживаются за стол.

— И кто же пан таков? — сопровождающий банду писатель в украинской вышиванке глядит на ставящего угощение. — Хотели бы знать, кого благодарить...

Это и есть Автор, Великий Графоман, Анджей Пилипюк. И как раз в вышиванке.

Мужчина вновь усмехается. В его глазах появляется странный огонек. Сами глаза чистые, светлые, и в то же время в них поблескивает веселье.

— Можете называть меня алхимиком.

— Очень достойное занятие, — бурчит под нос издатель в мундире шведского офицера. — А как пан догадался про нас?

— Сегодня праздник епископа Мартина^[136]. Раз вы уважаете старинные традиции, то обязаны были появиться тут.

— Святой Мартин, — вздыхает Комуда. — Это правда, здесь мы собрались именно по этому поводу... Мы и не думали, что кто-нибудь кроме нас еще отмечает этот праздник.

— Это день, в который на столе обязательно должен быть жареный гусь, — писатель отрывает взгляд от кружки.

— Эх, откуда его возьмешь? — жалуется король.

Алхимик вытаскивает из-за пояса кручицу. Выстрел глухо грянул прямо в потолок: всего четверть от обычного порохового заряда. Все равно, бабахнуло будь здоров. И по этому знаку бармен и официант вносят поднос. На посеребренном металле лежит здоровенный гусь, килограммов с пятнадцать. Его изжарили на вертеле, не жалея масла с чесноком и корицей. Кожица золотистая, божественный запах выпирает вонь паленого пороха, вползает в нос... Шляхта изумленно уставляется на хозяина. А тот скромно улыбается и откладывает оружие на столешницу. Сидящий напротив него «король» по образованию историк. Писатель закончил археологический институт^[137]. Оба с изумлением уставились на пистоль. Кручица самая настоящая, на первый взгляд, века семнадцатого.

Запах жареной гусятины был слышен еще на лестнице. Похоже, княжна грела блюдо в духовке. Дамы вошли в тот самый момент, когда она закрывала дверцы. Особого опыта с газом у нее нет, но мясо не пригорело. Стол уже накрыт украинской скатертью. Моника выставила самые красивые тарелки и столовые приборы.

— А откуда ты знала, что сегодня праздник? — удивляется Станислава.

— Еда не будничная, — улыбается принцесса. — Ведь сегодня же день святого Мартина. Когда какое-то время я жила среди венгров, этот день мы праздновали очень торжественно.

Глаза Катаржины темнеют. Ее кузина и подруга иногда удивляют ее знаниями о вещах, о которых сама она понятия не имела.

А празднество в подземном ресторане тоже подходит к концу. Жареный гусь остается

только в воспоминаниях, от него самого осталась лишь кучка тщательно обглоданных костей. Небольшое, золотистое пятно на подносе — это след от фаршированных яблок... За столом было выпито литров с десять меда тройняка^[138]. Разговоры ведутся лениво. Писатель препирается с издателем. Маниакальный графоман даже в партикулярное время размышляет о том, чего бы написать еще. Но пока болтает с сидящей рядом маленькой блондиночкой. Король пересказывает нескольким любопытствующим историю знаменитого смутьяна и бесславного типа Стадницкого, прозванного «Ланцутским Дьяволом»^[139]. Рослый шляхтич в светло-желтом жупане обращается к молчащему хозяину:

— Алхимик, а есть у тебя какое-нибудь имя?

Улыбка и огонек в глазах.

— Можете называть меня Сендзивоем.

— Раньше день святого Мартина означал окончание всех полевых работ, — пояснила Станислава. — До самой весны хозяйственные занятия ограничивались работой в доме и во дворе. Рубили дрова, лепили на запас вареники, потом наступали долгие вечера, когда женщины собирались вместе, чтобы драть перо или ткать, а при случае рассказывали друг другу разные, чаще всего, страшные истории...

— Вареники про запас? — брови бывшей сотрудницы Бюро вздымаются вверх. — Это как?

— Их лепили несколько дней, слегка подсушивали, чтобы не склеивались, и вешали в мешках на чердаке. В те времена зимы приходили раньше, они были морозными, без этих дурацких оттепелей уже в январе. Мешок вареников, иногда и пара, рядом висели окорока и копченое сало... Было чего есть до самой весны...

— А почему в этот день ели именно гусятину? — любопытствовала кузина.

— Легенда гласит, что святой Мартин, когда его захотели избрать папой римским, спрятался среди гусей... Другая рассказывает, что когда он уже был папой, в Риме вспыхнул ужасный голод. А в вечном городе эти птицы обладали таким же статусом, как священные коровы в Индии. С того времени, как своим гоготанием они разбудили стражу на Капитолии, птицы жили спокойненько, римляне их кормили и заботились о них. Папа, чтобы спасти голодающую бедноту, приказал передуть бездельников... Во всем этом не сходится одна только маленькая деталь, — улыбнулась Стася. — Святой Мартин никогда не был римским папой. Им был другой Мартин, после смерти тоже канонизированный. А с временем две традиции слились в одну...

— Как-то я была в Риме, — похвалилась Моника. — В святом^[140] тысяча шестисотом году. Тогда издали я видела чудотворную реликвию, платок святой Вероники...

— Пора спать, — тихо командует Станислава, после того, как выпила половину бутылки вина, она чувствует себя очень уставшей.

В воскресенье утром Катаржина со Станиславой отправились в церковь. Княжна чувствовала себя уже получше, но раны выглядели еще нехорошо. Станислава положила на поднос для даров небольшой кожаный мешочек, наполненный чем-то тяжелым.

— И что это было? — спросила младшая кузина, когда месса закончилась.

Алхимичка сразу же догадалась [\[141\]](#).

— Привет из Эфиопии, — загадочно сообщила она.

На обратном пути заскочили на Рынок, где передали пять дискет и получили за них деньги от ленивых студентов.

— А малая неплохо подрабатывает, — буркнула Катаржина, пряча во внутренний карман почти шестьсот злотых.

— Нужно будет ей счет в Интернете открыть, — заметила Станислава, — не нужно будет ей с дискетами бегать [\[142\]](#).

Брови Катаржины взлетели вверх. Кузина быстро нагнала цивилизационное отставание.

Воскресный обед приготовила принцесса. Шашлык из баранины был бы лучше, только где ее достать? Мясо мокло целую ночь и утро в маринаде из трав, корней, оливкового масла и капельки бальзамического уксуса. Станислава покрыла стол самой красивой, вышитой вручную украинской скатертью. Стоила она прилично, зато был виден громадный труд, вложенный в исполнение. Безымянные вышивальщицы, должно быть, творили эту скатерть много месяцев.

Она же выставила тарелки с позолоченным краем и выставила столовые приборы с покрытыми серебром ручками. Только рядом с прибором княжны оставила обычные. В последнее время малая имела даже слишком много контактов с серебром. Короткая молитва и можно садиться обедать. Разве что поставить на стол подсвечник с тремя красными свечами. Девушки ели молча.

А после обеда и десерта нужно взяться и за работу. У Катаржины двадцать шесть видеофайлов, снятых перед костелами. Все их необходимо просмотреть. Понятное дело, это работа на много часов, но связь с Базой у нее все еще активна. Так что, суперкомпьютер справится. Задание простое: разбить толпу на отдельные персонажи, идентифицировать, отсеять детей, женщин и молодежь. Мужчин в возрастном диапазоне 35–55 лет идентифицировать, отсеять всех тех, персоналии которых удастся установить... Оставшихся показать в форме портретов... Жаль, что качество видео при подобном стандарте записи не ахти. В конце концов, система работу завершает. Восемьсот снимков, в большинстве случаев — очень смазанных. После этого: программа, реконструирующая приблизительную внешность. Станислава по очереди просматривает результаты.

— Все это не то, — говорит она наконец. — Здесь его нет.

Они повторяют осмотр; на сей раз проверяют более двух тысяч распознанных. А вдруг Сендзивой каким-то образом свое пребывание узаконил? Снова безрезультатно. Все это заняло их время до вечера.

В половину восьмого принцесса взяла небольшое зеркальце и свой стилет, потом долго исследовала глаз.

— И как? — заинтересовалась Катаржина.

— Отрастает, вот только цвет не соответствует, — вздохнула Моника.

Она оторвала взгляд от зеркала и поглядела на младшую кузину. И правда, левый глаз остался синим, а вот правый... Светло-карий.

— И к тому же, все еще нет резкости, — мрачно прибавила вампирица. — Но будем надеяться, что через несколько дней все исправится.

Она осторожно поддела роговую чешуйку на щеке и оторвала ее от кожи. Рана зажила идеально, правда ткань была еще чувствительной. Принцесса протерла шрамы ваткой, смоченной в перекиси водорода.

— Останется ямка, как от оспы возле уха, — сказала она.

— Все равно, ты останешься такой же красавицей, — успокоила ее Станислава.

Катаржина запустила в компьютере телевизионную видеокарту. Новости, как и каждый день: предатели родины вновь утвердили ряд постановлений, затрудняющих людям жизнь; продажные суки из правительства еще дальше подтолкнули страну в объятия Европейского Сообщества; коррупция, хищения, банальное воровство, аферы, преступность — прямо тошнит! Наряду с иными новостями, мелкое, зато любопытное сообщение:

— Контрразведка, при соучастии американских специальных служб, арестовала Миколая С., предполагаемого главу польского отделения Аль-Каиды. В его квартире, а так же в школе, где он работал, были захвачены культуры заразных болезней, готовые к немедленному применению.

— Похоже, у нас появилась вакансия преподавателя биологии [\[143\]](#), - сказала Станислава и украдкой зевнула.

К сожалению, ни у одной из них не было квалификаций для преподавания этого предмета...

Ночной междугородний автобус из Кракова въехал на автовокзал Пултуска, когда только-только начало светать. Изнутри вышел всего один пассажир. Выйдя, он доверху застегнул куртку из горетекса на полярной подкладке, на лечо закинул серый, военного типа рюкзак; ботинки на солидной подошве, на голове мягкая, замшевая шляпа.

Алхимика распознать в нем сложно. Он вошел в здание автовокзала, глянул на мрачный зал. Похоже, что расписание автобусных сообщений составил какой-то кретин. Прибывший глянул на часы и принял решение. Рядом он заметил стоянку такси.

— Мне нужно попасть в Стары Сельц, — заявил он, усевшись на заднем сидении автомобиля.

В такси он проехал более двенадцати километров. Вышел у креста на развилке и заплатил договоренную сумму. Закинув рюкзак на плечо, он направился на юг. Старица реки Нарев, сейчас представляющая собой ряд мелких, заросших камышами прудов, отрезает от суши остров площадью около трех квадратных километров. Болота, заливные луга, на возвышенностях — поля, березовые рощицы... На первый взгляд округа кажется мрачной, негостеприимной и бесплодной. Сама почва представляет собой мазовецкие пески, на которых мало что способно вырасти... Алхимик шел ровным, бравым шагом. В конце

концов, он добрался до опушки леса. Это место такое же подходящее, как и любое другое. Но вначале следовало бы хоть немного позавтракать.

Он вытащил из рюкзака половину буханки хлеба, банку тунца и консервный нож. Со стороны недалекой речки тянуло холодом. Поля уже стояли запаханые... Мастер Сендзивой спокойно наслаждался бутербродами из хлеба и рыбы. Где-то здесь скрывается то, чего он ищет... Где-то в радиусе зрения лежит сокровище. Пора его извлечь!

В январе 1868 года над округой взорвался болид. На землю упало около семнадцати тысяч метеоритов. Учение классифицировали их как хондриты Н5^[144]. Самые маленькие весили 4 грамма, самый крупный — более семи килограммов. В этом месте их находилось более всего: в среднем, один метеорит на тридцать метров. Много собрали крестьяне, растертые в порошок метеориты они принимали в качестве лекарства. Только алхимик рассчитывает на то, что и для него чего-то осталось... Так что — к делу!

Здесь хондриты Н5 это светло-серая каменная порода, нафаршированная зернышками серебристого металла. Сверху она покрыта стеклообразным, обожженным слоем, который по-научному называется оболочкой оплавления. Этот слой содержит столько железа и никеля, что на него реагирует — хотя и слабо — металлоискатель. Алхимик вынимает устройство из рюкзака, сложил катушку, смонтировал кабели, надел наушники. Теперь он был готов начать поиски.

Стоя на своем посту у дверей школы, директор замечает, что Моника пришла в компании двух новых преподавательниц. Наверное, встретились по дороге. Выглядит девочка не самым лучшим образом, взгляд несколько потускнел. На одном глазу повязка из лайкры. Заболела? Грипп в последнее время просто свирепствует!...

Первый урок, физика. Совершеннейшая глупость, все делают какие-то idiotские упражнения, из которых ничего не следует. Принцесса решает пару заданий, потом прикрывает глаза и уплывает в ничто. О чем-то она забыла? Но о чем? Ну да, в шалаше оставила вымачивающуюся в рассоле ветчину. Нужно поехать туда и закоптить. Это же сколько она лежала в рассоле? Три дня. Ладно, хватит. Так... на лугу рос уже засохший куст можжевельника. Годится...

Последующие занятия прошли для нее как во сне. Во время большого перерыва выскочила в лавку и купила себе литр йогурта. Девушка чувствует, что еще не до конца избавилась от яда... Ну вот, конец занятий. Она прощается с Крушевскими и уматывает.

В воздухе висит сырость. Буквально только что шел дождь. Моника пристегивает роликовые коньки. Уже через мгновение она несется по Плянтам, объезжая самые крупные лужи и жадно дыша прохладным, сырым воздухом. После шести часов, проведенных в школе, он ей очень нужен. Нагрелась она хорошенько, теперь же будет здорово почувствовать на лице прикосновение влажного ветра. Возле Барбакана сидят две цыганки. Как правило, они гадают прохожим, только вот сейчас дождь распугал потенциальных клиентов. Принцесса мчится мимо, бросая на них всего лишь один безразличный взгляд. Но на мгновение в ее зрачках загораются красные огоньки. Этого хватает. Обе женщины размашисто крестятся.

Цыгане — это народ все еще очень дикий. Они еще не пропитались цивилизацией настолько, чтобы утратить способность замечать определенные явления, на которые мы давным-давно не обращаем внимания. Зато они прекрасно знают, что мы не одни на планете.

— Она нас увидела, — шепчет старшая, проводя светловолосую девушку взглядом.

— Может ничего еще с этого и не будет? — зубы младшей щелкают и явно не от холода.

— Не будем рисковать. Через полчаса поезд на Варшаву.

— Не наша территория.

— Знаю. Только я предпочту опасность получить нож в живот, чем еще раз встретить это нечто...

На автобусе Моника добирается до конечной остановки с разворотом. Потом идет через луг. Лошадей уже нет, их выпас прекращен. До самой весны будут они стоять в теплых конюшнях, меланхолично пережевывая сено, и только время от времени их выведут во двор размять кости. Принцесса бредет по вялой от холода траве, переходит мостик, добирается до домика-шалаша. Здесь ничего не изменилось с того времени, как выбралась отсюда в последний раз. Моника чувствует себя так, словно бы вернулась домой... Ну ладно, ветчина наплатила соли достаточно, теперь нужно браться за ее копчение. Лучше всего «на лесах»...

Саперной лопаткой она быстро выкапывает яму глубиной около метра. Рядом другую, чуть помельче. Обе соединены идущим под углом каналом. Песок немного осыпается, но с этим как раз Моника ничего поделывать не может. Мелкую яму она накрывает решеткой, сплетенной из ореховых прутьев. К ней снизу подвешивает мясо. В яме поглубже разжигает огонь. Под самой стенкой «Телефонии» валяется сваленный ветром бук. Девушка быстро обрубаёт тонкие ветки, выбирая те, которые хорошо высохли. Тем временем, над ямкой появляется первая, пока еще робкая струйка дыма. Окорок можно коптить либо в холодном дыму, либо в горячем. У Моника выбора нет — холодное копчение заняло бы у нее, как минимум, двадцать четыре часа. В горячем дело идет быстрее: часов шесть, иногда восемь... Пламя, подпитываемое новой веткой, не жаркое, скорее — ленивое. Моника села рядом с огнем, накинула на плечи овечью шкуру из домика. Холода она не чувствует, хотя это ведь уже ноябрь. В ее глазах отражаются багровые угли. Сейчас она надела наушники и слушает очередную книжку. Окорок начинает выделять искушающий запах. Эх, вегетарианцы, не знаете вы, чего теряете...

— У меня уже нет никаких идей, как его искать, — признается Катаржина. — Мы даже не знаем, находится ли он в Кракове.

— Думаешь, он мог уехать после того, как расправился с Димитрием?

— Именно. Слушай, а куда это подевался наш маленький вампир...

— Отправилась к себе в шалаш коптить мясо. Можем заскочить к ней. Поддержим компанию...

Метеорит найти нелегко. Даже в таком месте, где они должны валяться кучами, словно грибы после дождя. Но ведь прошло больше ста тридцати лет. Землю неоднократно перепахивали. Не раз и не два через остров перекатывались волны наводнений. Да и местные мужики — они ведь не дураки, умеют отличить шмат космического мусора от валунов, притащенных еще ледником. Коллекционеры же дают за метеориты приличные деньги.

Алхимик разложил подстилку, вытащил толстое одеяло из поляра. Ночь по всем прогнозам должна быть холодной, но спать под чистым небом он привык. Отыскал местечко в роще у воды, поставил наклонный навес, чтобы защитить спальное место от капель росы. Комаров в это время года можно уже не бояться. Сендзивой расщепил длинное бревно, легким топориков выдолбил внутренности, потом зажег. Верхнюю часть выставил на клиньях и накрыл удлиненный костер. Теперь он будет тлеть много часов, грея постель. Этому он научился очень давно, в Сибири, когда в тяжелые годы гражданской войны охотился в лесах на большевистских разведчиков.

Алхимик глядел в багровый жар и вспоминал...

Три молодые девицы сидят на обрезках досок, глядя в угли, гаснущие на дне ямы. Земля была сыроватая, над ней стоит столб пара и, естественно, дыма. Царит тишина, на небе появляются осенние созвездия... Пиво, согретое в медном котелке, подвешенном рядом с окороком, приятно разогревает изнутри. Пиво закусили кусками хлеба со смальцем. Мысли текут лениво-лениво.

Шесть утра, начинается очередной осенний день. Алхимик поднимается со своей постели. Он немного замерз, но решил огня больше не разводиться. Вынимает саперную лопатку и засыпает бревно сырым песком. Неожиданно под лезвием лопатки что-то скрежещет. Камень? Камень, но вовсе даже и не обычный. Черная поверхность, на которой остались как будто бы отпечатки кошачьих лапок, слегка поблескивает словно горелая пластмасса. Слабый удар лезвием ножа вскрывает внутреннюю «начинку». В сером тесте скальной породы словно светлячки поблескивают крупинки космического железа.

Над Краковом встает бледный осенний рассвет. Моника вытаскивает окорок из ямы. Шкурка полностью почернела и слегка блестит. Станислава отрезает три толстых, сочных куска. Катаржина возвращается из ближайшего поселка, неся пахучую, еще горячую буханку...

— В субботу пиво уже должно быть готово, — говорит Станислава.

— Попробуем... — усмехается Катаржина. — Осталось всего несколько деньков...

Разработанный девицами план опирается на крайне шатких предпосылках. Они предположили, что Сендзивой все еще в Кракове. Еще они предположили, что ему захочется выпить пива, именно такого, какое варили во времена его молодости. Они же предположили, что он бывает на Рынке и читает газеты, и что информация про организуемую в одной из пивных вечеринку в старинном польском стиле его заинтересует... Предположений много, а ведь достаточно того, чтобы хотя бы одно из них оказалось неверным... и весь план рассыплется, словно картонный домик.

Вечеринка в старопольском стиле не возбудила всеобщего любопытства ни жителей Кракова, ни туристов. Тем не менее, собралось около пяти десятков человек, достаточное количество, чтобы заведение не оказалось в убытке... В принципе, нигде и не говорилось о том, что необходимо соответственным образом переодеться, но участники это поняли и сами по себе. И прекрасно. Моника с Катаржиной заняли места у бара. На них замечательные платья: целых два дня они пришивали кружева и чего-то там доделывали. Станислава не слишком могла им помочь. Да, в молодости она лечила нервы вышиванием, но ни в крое, ни в шитье не разбирается... Тем не менее, результат превзошел любые ожидания. Девчонки выглядят превосходно.

Место у стойки самое подходящее. Отсюда видны все входящие и выходящие. Станислава, тоже одетая по моде XVII века, кружит по залу, собирая пустые кружки. Стоящий за стойкой агент Бюро переоделся исключительно живописно: черный халат и накладные пейсы здесь как доктор прописал... В течение первого получаса окрики «Эй, жид ^[145], подавай меду!» несколько его смущали, а потом как-то привык, тем более, что шляхта заказывает всегда много.

Охотников попробовать традиционное пиво не слишком и много, к такому не привыкли, такое не по вкусу... Цвет и отсутствие прозрачности тоже отпугивают. Зато обычным заливаются сколько влезет, в среднем, кружка в час. Еще заказывают кашу со шкварками и уминают ее из мисок деревянными ложками... руками ломают кольца сухой колбасы, рвут буханки хлеба. Идея с деревянными тарелками замечательно удалась, агента беспокоит лишь то, а выдержат ли они купание в мойке...

В подвал спускается типчик с хитрым взглядом. Когда он замечает объявление о

возможности приобретения традиционного пива домашнего производства, на его узких губах расцветает гадкая усмешка. Он направляется прямо к бару. Деревянные миски, деревянные ложки... явно здесь нарушили целую кучу предписаний, в том числе и нормы ISO, регламентирующие столовые приборы в учреждениях общественного питания. Любая иная замеченная им мелочевка делает его еще более довольным.

— Санэпидемстанция, контроль, — выкладывает он удостоверение на стойку. — Прошу вывести всех посетителей и приготовить документацию вот на это... — указывает он на стеклянную бутылку с мутным содержимым.

Не повезло мужику. Он еще не закончил предложение, как почувствовал, как что-то очень больно толкнуло его в спину. Это король пихнул его кончиком сабли под лопатку. Стоящий рядом Великий Графоман в вышитой украинской сорочке ничего не вытащил, но выражение его глаз ничего доброго не обещало. Мужик из санстанции не знает, что это настоящий псих, способный написать книжку за двенадцать дней. Но, глядя на этих двух переодетых, чиновник теряет уверенность в себе.

— Под стол, хам, сожрешь эту свою бумаженцию, после чего пролаешь, чего в ней написано, — даже вежливо предлагает повелитель. При этом он поудобнее примеряется, как вытащить саблю из ножен. И не шутит... Остальная компания, заинтересовавшись случившимся, поворачивает головы в их сторону. Сейчас прольется кровь...

— Спокойно, милсдари, — одним взглядом осаждает их бармен. — Возгащайтесь на места. Я все устгою...

На инспектора он глядит словно на таракана, которого вот-вот собирается раздавить. После чего выкладывает на стойку свое удостоверение, выставленное Центральным Бюро Расследований.

— Вали отсюда, мудак, пока не завалил нам операцию, — шипит он сквозь зубы. — Если из-за тебя все пойдет сикось-накось, то я лично постараюсь, чтобы ты отсидел годика три за помеху следствию, а в тюрюгу попал на инвалидной коляске и по обвинению в педофилии...

Он еще не закончил, а человечка с гадкой улыбкой уже не было. Можно сходить с ума дальше. Станислава облегченно вздыхает. Шляхта продолжает веселиться. Кто-то пытается срубить свечу саблей... Король покрывает покупку нового подсвечника. Но еще три на столе остались. Могучий шляхтич в светло-желтом жупане хватается за собственное оружие... Придется королю снова выкладывать деньги...

Станислава останавливает его жестом. Саблю шляхтича никогда не точили. Кузина подает Стасе ее старенькую баторовку, чуть потяжелее, чем игрушки, которые куют сейчас. Сабля острая словно бритва. Рукоять замечательно лежит в руке, синяя бирюза холодит кожу... Алхимичка производит всего один удар, одним плавным движением. Срубленная часть свечи, лежа на столешнице, все так же горит. Дуновение лезвия, что велось идеально горизонтальным, было недостаточным, чтобы погасить пламя. Девушка спокойно вкладывает саблю в ножны. Все замолкли, потом кто-то робко аплодирует.

— Где вы этому научились? — спрашивает издатель, — но Стася может и не отвечать.

Кто-то еще пришел в пивную. Она узнала его по фигуре. И все остальные тоже его узнали. Мужчина шествует уверенным, твердым шагом, подметая пол длинным коричневым плащом. Пришедший благодарит, склонив голову.

— У вас здесь имеется традиционное пиво, — обращается он к бармену, — сваренное по давним рецептам?

— Имеется, — подтверждает агент в пейсах. — Вот только не всем по вкусу.

Алхимик смотрит на стеклянную посудину с жидкостью и слегка усмехается.

— Литровые кружки у вас имеются? Если пиво хорошее...

— Рецепт за последние четыреста лет не изменилась, разве что я забыла чего-то прибавить, мастер Михал.

Знакомый голос... Хотя после стольких сотен лет сильный акцент с Кресув значительно стерся. Быть может, он даже и не смог бы узнать этот шепот, но ведь никто здесь не знает его по имени... Совершенно непринужденно он смотрит на свою ученицу. Почти полтысячелетия минуло, а она не изменилась. На лице алхимика появляется легкая улыбка.

— Приветствую тебя, Станислава. Рад тебя вновь увидеть...

— Мне тоже приятно, — склоняет она голову.

Много-много лет она представляла эту встречу, всякий раз иначе. А на самом деле, все вышло как-то очень нормально, естественно, как будто они расстались дня три назад.

— Выходит, тебе удалось выжить... — это звучит как утверждение. — Удивительно, если учесть, сколько прошло времени... Наверняка тебе есть чего рассказать. Точно так же, как и мне... Это ты варила?

— Я. Все это мероприятие, тоже отчасти моя задумка, — прибавляет девушка.

— Если это пиво этой вот дамы, то я сразу возьму две кружки, — обращается Сендзивой к бармену.

— А может лучше сразу трехлитровый кувшин? — предлагает агент. — И, похоже, за счет заведения, — подмигивает он Катаржине.

Та кивает.

— Мастер, позвольте представить... моя кузина, Катаржина Крушевская.

— Очень мило, — алхимик куртуазно целует руку младшей кузины.

— А это наша приятельница, княжна Моника Степанкович, — продолжает знакомство Стася.

— Какой милый вампирчик, — склоняет голову Сендзивой. — Не кусается, надеюсь?

Он смеется. Каким чудом он сразу узнал? Впрочем, разве это важно?

— Это хорошо, что мы встретились друг с другом, — обращается алхимик к своей ученице. — Димитрий упоминал, что запас тинктуры у вас закончился полностью.

— Димитрий... — глаза Станиславы темнеют. — Мастер, эта сволочь...

— Не беспокойся. Нам ничего не угрожает. Я убил его. Большую ошибку я совершил, тогда. Необходимо было предусмотреть последствия. Хмм, короче, я все исправил.

— Тинктура?

— Осталось немного, — вздыхает тот, — мне и самому нужно, так что придется немножко изготовить. Извини, я должен переговорить с приятелями... Может, присядете к нам? Ага, на всякий случай... — подает ей визитку с телефоном.

Бармен приносит из задней комнаты три складных стула. Девушки присаживаются за стол компании. Алхимик, в роли хозяина, представляет всех. Кого здесь только нет: писатели, издатели, любители фантастики. Станислава увлеченно разглядывается по сторонам. Хобби все они придумали себе не самое глупое, но как только пытаются говорить по старопольски, ей приходится закрывать рот, чтобы не расхохотаться. Что поделать, «Трилогия» Сенкевича принесла польскому языку больше вреда, чем сотня лет русификации.

Бал длится до самого рассвета. Мед и пиво льются рекой. Принцесса привлекает

внимание всех присутствующих. Даже пятнышки на коже не погасили сияния ее красоты. То один, то другой из гостей вздыхают про себя. Было бы ей ну хотя бы на пару лет больше, а пока что ну такая же телочка-малолетка...

Воскресное утро было прозрачным и ясным. Станислава вместе с Катаржиной отправилась на мессу в Мариацкий костёл^[146]. Несколько лет назад он был отреставрирован, с кирпичных стен сняли многовековой слой копоти, витражи демонтировали по кусочку. Каждое цветное стеклышко тщательно очистили от накоплений пыли и патины, нанесли защитную оболочку и вставили на свое место. Лишь наиболее поврежденные фрагменты заменили новыми.

Были вычищены все элементы позолоты. И вот после всех этих мероприятий церковь выглядит странно. Может показаться, будто бы костёл только что выстроили... Ксёндз произнес замечательную проповедь о проказе греха. Алхимик, стоящий на другой стороне нефа, внимательно его слушает. Смерть Димитрия все-таки царапает ему душу, но иначе поступить он не мог.

Сендзивой и девушки вышли на площадь Рынок. Голуби, самая настоящая пернатая чума, лениво перемещаются по нагревшимся плитам.

— Ну что, до вечера, — улыбнулся мастер Крушевским.

— До вечера, — склонила голову Катаржина.

Появляется Моника. Месса в костеле закончилась раньше обычного, но она решила глянуть на книжки в Эмпике^[147]. До вечера еще куча времени, в самый раз, чтобы сделать небольшой тур по музеям. Алхимик же направился в монастырь доминиканцев. Нужно взять одно устройство, необходимое для процесса создания философского камня. Конечно, его можно сделать и самостоятельно, но зачем мучиться, когда приятели могут помочь?

На чердак они вскарабкались по узкой, скрипучей лестнице. Света не было, обитатели дома снова выкрутили лампочки, лишь со двора сочился слабый отблеск. Моника шла впереди. Хотя бы в одной желтой прессе не врал: вампирица в темноте видит как кошка. И вот наконец-то чердак. Тонкий запах свежего дерева, жидкости для пропитки и пыли. Стена из толстых горбылей, в щелях уплотнение из соломы. Сквозь маленькое окошко в солидной, дубовой двери, на лестницу падает свет. Княжна постучала. Алхимик открыл через несколько секунд.

— Добро пожаловать, — жестом он приглашает проходить.

Устроился он комфортно. Слегка наклонные стены, светлые панели на полу, неправильной формы окна, вмонтированные в плоскость крыши, затянуты жалюзи.

Несколько галогенных ламп заливают интерьер золотистым светом.

На солидном, низком столике стоит странно выглядящая печь. Под нею асбестовый коврик — так, на всякий случай. На соседнем столе располагаются фляги, бутылки и банки с самыми разнообразными реактивами. Мешки с древесным углем и буковые щепки хозяин уложил возле камина. Потолок не очень толстый, четко слышно, как порывистый осенний ветер свищет между антеннами.

Станислава подошла к устройству, коснулась почерневшего металла кончиками пальцев.

— Словно в старые, добрые времена, — сказала она тихо, практически себе под нос.

В соседней комнате — столик, накрытый на четырех. На стене висит довольно-таки неплохая, ручной работы репродукция картины Яна Матейко. На холсте алхимик Сендзивой, стоя на коленях возле печи, подает королю Сигизмунду III кусочек искусственного золота. Хозяин обладает чувством юмора, он любит глядеть на сцену из собственного прошлого, хотя фигура на картине не очень-то на него и похожа.

Собственного самовара у алхимика нет, правда, чай он пьет нечасто. Стася выставила на стол бутылку хорошего вина. Золотистые червячки букв грузинского алфавита заблестели в свете ламп. Сендзивой приготовил бутерброды с сыром и лососем, еще он купил приличный кусок серника и не уступающий ему размером — шарлотки.

Все уселись за стол, накрытый вышитой скатертью.

— Сложно произвести философский камень? — заинтересовалась Катаржина.

Алхимик блеснул зубами в ответ.

— Это требует чуточки умения, гораздо сложнее было узнать рецептуру... Сетон решил мне ее сообщить только на смертном ложе. Я не был уверен, а не заказать ли с мясокомбината бутылочку телячьей крови, — глянул пан Михал на Монику.

Та лишь отрицательно покачала головой.

— Мастер, а что вы делали все эти годы? — обратилась к алхимику его ученица.

— То же самое, что и вы — пытался выжить, — ответил тот. — Бывал купцом в Норвегии, видел, как умирает Ганза, затем отправился в Новый Свет... В горах Боливии у меня имеется гасиенда. Если захотите отдохнуть пару лет или столетие... В любом случае, приглашаю.

И, наконец-то, пробил час для великого деяния. Свет гасят: цвета субстанции, а тем самым и ход процесса, определяют в свете свечей и жара раскаленного угля. Катаржина с Моникой ничем помочь не могут, но им разрешили присматриваться к процессу. Они присели на стульях возле стеночки, а Сендзивой со Станиславой проводят ритуал очищения огнем.

Бронзовый кубок помещен на деревянное основание и заполнен пропитанной спиртом паклей. Алхимик зажигает содержимое. Он становится лицом к востоку, рисует в воздухе звезду Давида, цитирует по-еврейски фрагмент из Сефер Ецира^[148]. Теперь очередь Станиславы. Она произносит двенадцать сфирот^[149]. Сендзивой очерчивает вокруг себя

шесть кругов, в соответствии с движением часовых стрелок. Он подает чашу девушке. Та делает шесть оборотов против часовой стрелки. Окружность — это самая совершенная из математических фигур. Огонь выжжет злые мысли и десятки отрицательных энергий, о которых так любят упоминать биоэнерготерапевты.

Катаржина была приготовлена к тому, что деяние начнут с разжигания атанатора (алхимической печи), но несколько разочаровалась. Небольшая газовая горелка, на которую был поставлен наполненный пеплом тазик. В пепел алхимик помещает стеклянную реторту.

— Магний, — командует он.

Стася берет со стола баночку с металлическими стружками. Очень умело она «лепит» из них как бы сосульки, заворачивает каждую в бумажную тряпицу и с поклоном подает мастеру. Алхимик размещает их в реторте, после чего заливает густой субстанцией из очередной банки. Он зажигает горелку.

— Теперь придется немного подождать, — обращается он к зрителям.

Сендзивой отходит от стола. Из шейки резервуара поднимается струйка пара. Станислава приносит из кухни самую обычную скороварку, умело выворачивает предохранительный клапан и вставляет на его место медную трубку.

Алхимик присматривается к густой массе.

— Выделяется масло, — спокойно сообщает он. — Уже недолго, — он вынимает из кармана небольшие песочные часы и ставит на стол. Песок пропитан фосфором, в темноте на дне половинки часов растет небольшая, светящаяся кучка.

Наконец высыпалась последняя песчинка. Мастер гасит огонь. Масса начинает остывать. Станислава приносит из кухни два ведра с водой. Одно подвешивает к потолку, второе ставит на полу. Еще она подготавливает несколько метров пластиковых трубок, купленных в магазине автомобильных запчастей. В глазах алхимика отблеск камина зажигает искорки.

Он осторожно вынимает реторту и переливает ее содержимое в скороварку.

— А ведь когда-то дистиллировать было гораздо сложнее, — обращается он к двум зрительницам.

— Знаю, — улыбается ему Моника. — Я же гнала палинку.

Крышка, две пары щипцов для химических опытов. Трубка, выходящая из скороварки, соединяется с холодильником. Дефлегматор ^[150] в данном случае не нужен. Сивушные масла отделять не будут, не самогонку же гонят...

Под скороваркой сильный огонь. У верхнего ведра в дно встроен затвор. Очередная трубка; вода, циркулируя вокруг внутренней спирали, будет охлаждать пары... Другая трубка отведет жидкость в ведро на полу. Очень эффективная система охлаждения, используемая в сараях, подвалах и повсюду там, где народ занимается производством вкусной, недорогой и незаконной при том самогонки...

Прошло где-то с час, пока масло в скороварке закипело. В стеклянную мензурку начинает стекать красноватая жидкость.

— Ликвор, — поясняет алхимик.

Треть полученной таким образом жидкости он вливает в банку. Последующие приготовления. Чуть ранее Станислава уже успела в фарфоровой ступке растереть немного золотых опилок в тонкую пыль ^[151].

— Унция золота, четыре унции ртути, восемь унций серы, — командует алхимик.

Он вливает ртуть, мешает. Жидкий металл соединяется с золотом, образуя амальгаму...

Теперь сера.

— А когда-то чистую ртуть получали, протирая ее через воловью шкуру, — вспоминает Станислава.

— К счастью, теперь это уже легче, — усмехается пан Михал.

Смесь он заливает в тигель, сам тигель ставит на горелку.

— Испарения ртути ядовиты, — замечает Катаржина.

— Таки да, — соглашается алхимик и отступает в тыл.

Масса постепенно выгорает. Через час на дне сосуда остается лишь немного толстого, белого пепла.

— Но ведь окись серы должна быть красной, — замечает бывшая сотрудница Бюро.

— Не пытайся применять к этому современные знания, — поучает ее Сендзивой. — Это может быть и сернистая ртуть. Сегодня ночью мы переступим границы обычной науки...

Он бросает пепел в посудину с длинной шейкой, заливает приготовленным ранее ликвором; вновь устанавливает в тазик с песком и ставит тот на огонь. По сторонам размещает четыре черных пирамидки — кусочки метеорита.

— Они родились далеко отсюда, — отвечает Сендзивой на незаданный вопрос. — Так что они представляют собой аномалию и серьезно влияют на наши судьбы. Благодаря их присутствию здесь, мы можем нарушить законы, которыми руководствуется химия... Ну что, у нас есть четыре часа.

Все переходят в другие комнаты. На шкафу, помимо старинных, опрарвленных в кожу книг, лежит скрипка.

— Можно? — спрашивает Моника.

Алхимик кивает. Девушка берет инструмент, опирает на плече, ведет смычком по струнам.

— Красиво играешь, — через какое-то время оценивает Станислава.

В отличие от кузины, Катаржина обладает прекрасным музыкальным слухом. Она выхватывает мелкие шорохи, являющиеся следствием недостатка упражнений за последние годы.

— В кого ты стреляла? — спрашивает мастер Михал.

Моника вздрогнула. Мелодия утонула в диссонансах и замолкла.

— Откуда...

— По внешнему виду, — отвечает Катаржина. — На щеке следы от несгоревших зернышек пороха...

— Босния, — с неохотой объясняет вампирица. — В течение нескольких лет. Ты этого можешь и не понять, — глядит она на бывшую сотрудницу Бюро, — но ведь я до сих пор боснийская княжна. Это дает привилегии, но и обязанности. Феодал обязан заботиться о своем народе... Жаль только, что в этом плане, снайперская винтовка — это оружие трусов. Но у врагов слишком большой перевес, — ее глаза темнеют.

Алхимик ничего не говорит. Вспоминает, как в Любельском воеводстве со старинным самострелом в руках охотился на гитлеровскую солдатню. Иногда невозможно не убивать, хотя сам он в спину никому и никогда не выстрелил.

Смесь в сосуде завершила свою реакцию. На дне стеклянной посуды находится субстанция, на вид напоминающая красный пудинг.

— Перед вами Витрол, живое золото, семя металла и дух материи, — поясняет алхимик. — Вот теперь, когда уже все субстанции собраны, мы можем приступить к

великому деянию.

Из корзины с паклей он вынимает стеклянное яйцо с очень толстыми стенками. Оно снабжено завинчивающейся пробкой. Кроме того, все яйцо плотно оплетено металлической сеткой, способной выдержать чудовищное давление.

— Это особенное стекло, — поясняет Станислава девушкам. — Его мы получали из кристаллов кварца. Его очень трудно было расплавить, зато у него намного лучшие свойства. Это выглядит совсем как то яйцо, которым мы пользовались тогда, — поворачивается она к алхимику.

— А это оно и есть, — усмехается тот. — Покидая Краков, все оборудование своей мастерской я оставил доминиканцам. Они же все сохранили в идеальном состоянии.

Пора заполнить сосуд. Алхимик всыпает полученный ранее белый пепел (Сендзивой называет его известью), ликвор, немного ртути...

— Алкагест, — напоминает Стася и подает солидный, стальной баллон, заполненный маслянистой жидкостью.

— Азот^[152] мудрецов, чудесная субстанция, которая переваривает и пожирает любую материю... — усмехается мастер, видя вопросительные взгляды Катаржины и принцессы.

— HNO_3 , — поясняет старшая кузина, — по-нашему, азотная кислота.

Сендзивой вливает в яйцо добрые пол-литра кислоты, закручивает притертую пробку и дополнительно страхует ее металлическим засовом. Алхимик размещает сосуд в атенаторе, обсыпает вокруг пеплом так, что наружу выступает лишь небольшой фрагмент. Половина мешка древесного угля будет подогревать алхимическую печь снизу. Немного жидкости для разжигания из супермаркета, спички...

Все надевают защитные очки, купленные в магазине с оборудованием по технике безопасности. Кипящая кислота под высоким давлением это вам не хухры-мухры...

— Ну что, с Божьей помощью, — алхимик крестится, держа в руке горящую лучину.

Его ученица повторяет ритуал. Огонь они подкладывают одновременно.

— Отделим то, что сверху, от того, что снизу; отделим воду от огня, землю от воздуха. Отделим то, что родом с востока от того, что родилось на западе, — декламирует алхимик.

— Ибо все вещи взялись из одного, — Станислава заканчивает цитатой из «Изумрудной Таблицы».

Внутри стеклянного яйца вздымается молочно-белый пар. Находящаяся там субстанция «кипит» и делается серой. Лишь тонкие красноватые и зеленоватые нити пересекают ее все время кипящую поверхность.

— Царство Меркурия, — докладывает алхимичка. — А еще шесть, — на всякий случай она стучит по некрашеному дереву стола.

За окном звенит последний трамвай, близится полночь. Где-то вдалеке воеет собака. Но тут же ее вой тихнет, заглушенный каплями дождя, барабанищими в оконные стекла.

А на чердаке тепло и уютно. Пан Михал устраивается в глубоком кресле, снимает защитные очки.

— Что-нибудь нам сыграешь? — глядит он на княжну.

Моника улыбается в ответ и. Откуда-то из-за кирпичных стен доносится урчание. В какой-то из малин продолжается гулянка... Красные нитки исчезают, зеленые делаются все шире, так что вскоре вся масса принимает грязно-изумрудный оттенок, по которому рассеяны черные пятна.

— Голова вороны, — голос Станиславы спокоен.

Моника прикладывает скрипку к плечу и играет «Серенаду» Шуберта. Мастер улыбается своим воспоминаниям.

Семя золота умирает, субстанция в яйце становится полностью черной, дойдя до третьего этапа: царства Сатурна. Уходят часы. Моника перестала играть, все съели по куску пирога. В принципе, делать-то и нечего. Время от времени либо мастер, либо его ученица подбрасывают в очаг несколько кусков древесного угля. Вещество в алхимическом сосуде становится коричневым, опеку над ним перехватывает Юпитер. Красноватые испарения сжижаются в верхней части сосуда и стекают по стенкам вниз. Неожиданное сияние ослепительно белого света внутри. Газ начинает светиться.

— Плазма? — Катаржина инстинктивно отшатывается назад вместе со стулом.

— Царство Дианы, — шепчет кузина.

Сияние зажигает огоньки в ее радужках. Наконец все пригасает. Глаза тоже темнеют. Масса сереет, зеленеет, через бирюзовый переходит в темно-синий цвет. Затем постепенно она же делается фиолетовой, пурпурной и — наконец — красноватой. Царство Венеры. Осталось еще два. Вновь появляются испарения вишневого оттенка, наступает господство Марса; по поверхности жидкости бегут радужные пятна — алхимики называли этот этап «павлиньим хвостом». В конце концов, все превращается в красноватую, кипящую мазь. Это уже царство Аполлона.

— Конец, — говорит Сендзивой, закрывая дымовой выход печи. А теперь пускай стынет.

Дождь перестал, поэтому хозяин открывает окно, запуская сырой и прохладный осенний ветер. Дуновение воздуха кружит возле алхимической печи. Все переходят в дальние комнаты. Два часа ночи. А ведь завтра рано вставать...

Катаржина стоит в окне чердачного помещения, глядя на Луну, неспешно заходящую над крышами Старого Мяста. Начало пятого. Осень, воздух прозрачный и холодный. Лишь между деревьями Плянтов снует влажный туман, как будто бы давным-давно засыпанные крепостные рвы выделяют остатки воды. Где-то далеко звенит первый трамвай. Странно, что так рано, они ведь начинают движение около пяти. Может это техники после ремонта? По мостовой стучат каблуки первых прохожих. После длившегося чуть ли не всю ночь дождя похолодало, но здесь, на чердаке, тепло и уютно.

Княжна Моника Степанкович дремлет, свернувшись в клубочек на широкой лежанке у камина. Накрылась только легким пледом, под одеялом ей душно... Спит она беспокойно, каждые минут десять просыпается и глядит в огонь. Древний инстинкт, типичный для людей, привыкших сторожить костер — а не нужно ли подложить дровишек... Станислава, занимающая вторую половину топчана, спит как убитая под толстым стеганным одеялом.

Катаржина втискивается между ними, натягивает на себя овечью шкуру. Принцесса сбоку греет словно небольшая печка. И кто это придумал, будто бы вампиры холодны? А вот кузина немного костлява. Пора спать, вздремнуть хотя бы эти три часика. Утро понедельника неумолимо близится...

Из соседней комнаты доносится ритмичный стук. Алхимик что-то печатает, его пальцы выбивают тихую дробь на клавиатуре ноутбука... Пару минут назад он раскрутил остывшее яйцо. Внутри, между золой и выкаленным шлаком он обнаружил грамм двадцать грубого, красноватого порошка, который, если бы не цвет, очень походил на сахар. Сендзивой пересыпал его на зеркальце и, словно готовящий дорожку наркоман, разделил лезвием бритвы на четыре одинаковые порции. Одну часть отошлет в Варшаву, остальным они поделятся. Монике тоже немного даст, а вдруг когда-то ей понадобится золото. Сейчас же он улыбается собственным мыслям, переливая остатки вина в высокий, узкий бокал.

Когда в чердачное помещение проникает первый луч солнца, алхимик поднимает одинокий тост за очередные четыре столетия. С нежностью глядит на погруженных в сон девиц. Солнце отражается в стекле, пятнает рефlekсами поверхность вина, падает на четыре порции тинктуры, золотит волосы принцессы Моника, слегка просвечивает ухо Катаржины и зажигает рубины на крестике Стаси.

Сендзивой, смакуя легкое грузинское вино, глядит на будущее с радостью и надеждой, ибо, подобно как и три спящие рядом девушки, он прекрасно знает, что жизнь — это праздник.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Первое издание — Fabryka Słów Sp. z o.o. Lublin 2003

Обложки различных изданий книг о «сестренках» Крушевских, три обложки в правом нижнем углу — издания 2014 года

Ну вот и завершён очередной перевод. Буду ли делать остальные книжки? Скорее всего, нет... Это подарок ко дню рождения, милое, необязательное чтиво, и ничего более. Кстати, рассказ, из которого появилась повесть, я переводил с большим настроением. Тогда, — можете спросить вы, потенциальные читатели этого перевода, — зачем столько примечаний, столько язвительности в тех же примечаниях, отсылок к «пану Автору»? Чем он мне не угодил? Или «дедушка у меня Студебеккер» © Почти цитата из Ильфа и Петрова.

Да нет. Анджей Пилипюк в чём-то мне даже симпатичен, хотя сам о себе он отзывается (даже на страницах этой книги) вполне критично: «графоман». Как я отмечал выше, это всего лишь чтиво, правда, на голову повыше той дешевки, которая залила книжные рынки Польши, России и Украины. Но здесь же видны болезни авторов массовой литературы, которым иногда лень залезть в энциклопедии, в тот же Нэт. Над душой стоит издатель, который командует: «Цигель, цигель, ай-лю-лю». Надо писать много и дешево, иначе мало чего

получишь. Зато подколки в адрес «большого брата» вполне приветствуются. А выдумки относительно иридия в Эфиопии или национальной кухни... Да кто их там заметит?... Кому нужны думающие, серьезные книги? Горстке высоколобых придурков. Переводчик многого ожидал от нового «пересмотренного и исправленного» издания «Сестренок». Исправили только «сибирский город Тулу»...

Ладно, не будем о грустном. Впереди столько замечательных книг (и переводов). Иногда же можно (и нужно) расслабиться, хотя бы с «Сестренками»... Если же вы почувствовали хоть чуточку уважения и любви к старинному, но прекрасному Кракову — моя задача выполнена.

С уважением, переводчик,

Марченко Владимир Борисович

---

notes

Сразу же примечание... Вообще-то, по-польски, это двоюродные сестры. Но слово применяется и к отдаленным родственникам. Не хотелось бы называть повесть «Двоюродные сестры» или «Отдаленные родственницы», как-то официально. Пускай будут «Сестрички», «Сестренки», благо, героини принадлежат к некоему... ордену... — Прим. перевод.

Чесссслово, так в тексте.

В последнем, переработанном издании 2014 года, Тула стала просто «российским» городом. Спасибо! — Прим. перевод

КFOR (англ. Kosovo Force) — международные силы под руководством НАТО, ответственные за обеспечение стабильности в Косово (сначала Автономный край Косово и Метохия Республики Сербия, а с 17 февраля 2008 — частично признанная самопровозглашенная Республика Косово).

В официальных документах ООН на русском языке именуются «СДК» («Силы для Косово») — Википедия

Главная площадь средневекового Кракова. Здесь располагаются знаменитые Суkenницы и Марицкий костел. В подвалах старинных домов, окружающих площадь (Rynek Główny) множество пивных, ресторанчиков, театров. Чудесное местечко...

Жупан — старинная мужская и женская верхняя одежда поляков, украинцев и др. Полукафтан из сукна (серого или голубого) с отложным воротником, застежкой на пуговицах — Большой энциклопедический словарь. Кунтуш — кунтыш м. зап. южн. род верхней мужской одежды, иногда на меху, со шнурами, с откидными рукавами; польский верхний кафтан. — Словарь В. Даля. — Делия — польский парадный верхний наряд с разрезными рукавами. — Википедия.

Здесь: пуговицы (не забывайте, что по-украински пуговица называется «гудзик»).

Кручица (krucica) (ист.) — короткоствольный пистолет.

Яцек Комуда (Jacek Komuda) — польский писатель, независимый историк, автор исторических и фантастических романов, действие которых происходит в шляхетской Жечипосполитой и Франции XV века. Верный правде, он не сторонится грубых, излишне сильных страниц истории. Сам предпочитает писать ради предостережения, а не подкрепления сердец. Воскрешает давние обычаи, персонажи, забытые места. Его герои живут страстями, это вам не бумажные идеалы (из аннотации в сборнике «Jeszcze nie zginieła»). К сожалению, ничего из его работ на русский язык не переведено, а жаль... Например, переводчику нравится его роман «Богун» или «Ланцутский дьявол». Прекрасно пошел бы его исторический триллер «Изгнанник». Последняя работа — «Крестоносная метель», посвященная 600-летию Грюнвальдской битвы.

Подобные воротники — «крызы» — можно видеть на полотнах старых испанских мастеров, хотя бы, Веласкеса.

Золотые, по-видимому, слова, хотя сами мы бродили по Плянтам днем и ранним вечером (зато осенью). Плянты (Planty) — аллеи, высаженные на месте снесенных крепостных стен в историческом центре Кракова. Они окружают старый город кольцом. От старинных же укреплений остались всего две башни, фрагмент стены и круглый Барбакан. Вообще, слово «плянты» означают парки, зеленые насаждения. Иногда их называют «планты», но будем следовать правилам польского языка. — Прим. перевод

«Дочка без присмотра» (*Lafillemalgardée*) — комический балет-пантомима в 2 актах, 3 картинах.

Либретто и хореография: Жан Доберваль; музыка: в первой версии составлена из попури неизвестных композиторов, во второй версии — Херольда, премьера состоялась в 1828 г.

Премьера во Франции: Бордо, 1 июля 1789 года, «Гран Театр»

Премьера в Польше: Варшава, 18 января 1809 года, «Большой Театр».

Это самый старый балет, сохранившийся в мировом репертуаре до нашего времени. Сохранился не только сценарий с точным описанием сценических ситуаций, но и вся хореографическая партитура. Балет является примером «деревенской идиллии», очень модной во Франции перед Великой Революцией. Содержание: мамаша пытается организовать выгодный брак для своей дочери. — Википедия + сайты, посвященные истории балета.

Разделы Польши (1793–1814/15 гг.) между Пруссией, Австрией и Россией. Так что фотографий тогда быть не могло... Быть может, имеются в виду копии гравюр, живописных портретов, рисунков? Но, позднее в тексте есть указания на то, что рисунки и гравюры не подходят... — Прим. перевод.

Понятовский (Poniatowski) Станислав Август (1732-98), последний польский король (1764-95). Любовник Екатерины Второй. Ориентировался на Россию.

Сложно сказать, какой из Константинов имеется в виду (оба они были наместниками в Польше):

Константин Павлович [27.4 (8.5).1779, Царское Село, ныне г. Пушкин, — 15(27).6.1831, Витебск], русский вел. князь, 2-й сын имп. Павла I. С 1797 ген. — инспектор кавалерии. Е 1799 участвовал в Итальянском и Швейцарском походах А. В. Суворова. Во время войн с наполеоновской Францией в 1805-07 и в 1812-14 командовал гвардией. С кон. 1814 главнокомандующий польск. армией и фактич. наместник Царства Польского. Был наследником — цесаревичем рус. престола, но в 1823 отрёкся от престола (основанием явился его морганатич. брак в 1820 с польск. графиней И. Грудзин-ской — позже княгиня Лович). Акт отречения держался в тайне. После смерти Александра I формально с 27 нояб по 14 дек. 1825 являлся рус. императором. Отказ К. П. от царствования привёл к обстановке междуцарствия, к-рой воспользовались *декабристы*. В Польше проводил политику нац. угнетения, участвовал в подавлении *Польского восстания 1830-31*.

или же

Константин Николаевич [9(21).9.1827, Петербург, — 13(25). 1.1892, Павловск, ныне Ленинградской обл.], рус. вел. князь, 2-й сын имп. Николая I, брат имп. Александра II; ген. — адми-рал (1831). Воспитывался под руководством адм. Ф. П. *Литке*. С 1850 член Гос. совета и пред. К-та по пересмотру мор. уставов. В 1852 товарищ нач. Гл. мор. штаба, с 1853 исполняющий обязанности, а с 1855 управляющий Мор. мин-вом (до 1881). Занимая умеренно либеральные позиции, К. Н. содействовал прогрессивной деятельности адм. Г. И. *Бутакова*, А. А. *Попова* и др. по созданию парового воен. флота и проведению реформ на флоте (введение нового устава, отмена телесных наказаний и др.). В 50-х гг. кружок К. Н. был центром либеральной бюрократии, обсуждавшей необходимость отмены крепостного права и проведения др. бурж. реформ. С 1857 член секретного К-та по крест, делу, с 1860 пред. Гл. к-та по крест, делу, участвовал в подготовке отмены крепостного права, позже поддерживал проведение суд. реформы 1864. В 1862-63 наместник Царства Польского; в обстановке роста нац. — освободит, движения проводил половинчатую политику, вызвавшую недовольство как демократических, так и реакционных кругов. В 1865-81 пред. Гос. совета.

В любом случае, что-то у автора не сходится. Вряд ли Станислава могла быть в Варшаве (причем, при дворе) и при Понятовском (коронация — 1764 г.), и при наместниках Константине Павловиче и (или) Константине Николаевиче. Разве что, выдавая себя за внучку-правнучку первой Станиславы. Но допуск ко двору был делом довольно ограниченным...

Имеется в виду библиотека Ягеллонского Университета в Кракове.

В цирке: все артисты различных жанров на арене исполняют свои номера одновременно.

Знаменитый польский алхимик и врач XVI–XVII веков Михал Сендзивой (Michał Sędziwój, герба Остоя, лат. *SendivogiusPolonus* (род. 2 февраля 1566 г. в Луковице, ум. в 1636 г. в Краваржах). В Польше про него написано довольно много книг, снят кинофильм и телесериал (в финальных кадрах которого Сендзивой улетает на летающей тарелке (!)). Анджей Пилипюк посвятил ему много страниц в одной из книг продолжения культового книжного сериала о Пане Самоходике — «Тайна алхимика Сендзивоя». Там же мы встречаемся и с сестренками (кузинками) Станиславой и Катаржиной Крушевскими.

Виткевич (Witkiewicz) Станислав Игнацы (1885–1939), польский писатель, художник, псевдоним «Виткацы». Гротескные пьесы, предваряющие драму европейского абсурда (в т. ч. «Сапожники», 1948). В романах «Прощание с осенью» (1927), «Ненасытность» (1930) в отвлеченно-утопической форме изображены историческая драма человечества и распад современной цивилизации. Труды о живописи и театре. Среди рисунков преобладают портреты и фантастические экспрессионистические композиции («Черный сигнальщик с башен Пурибонга и его несуществующие чудовища», 1928). — Большой энциклопедический словарь

Парк возле Королевского дворца в Варшаве. — Прим. перевод.

Товарищи, не забывайте, что когда писался рассказ, впоследствии переработанный в первую часть трилогии, за один доллар давали две гривны! Следовательно, каждая бутылка вина стоила 30 баксов. По-моему, бабуля здорово надула Стасю. Помню, в те времена бутылка настоящего, привезенного из Грузии «Киндзмараули» стоила не больше 25 гривен. — Прим. перевод.

Вот убей Бог, представить не могу, в каких блюдах украинской кухни применяются маринованные побеги чеснока? — Прим. перевод.

Здесь, плиты, устанавливаемые на могилах. Надписи на таких плитах, говорящие о покойном, иногда в стихах, тоже называются «эпитафиями» — Прим. перевод.

Здесь, правила поведения в монастыре.

«Александр Сетон всем известный как Космополит» (лат.). Александр Сетон — многолетний сотрудник и сподвижник Сендзивоя — Прим. перевод.

Нифига себе лицейчик... Вместимость большого зала варшавского Большого Театра — 1800 человек. А если учесть, что первоклашек-второклашек вряд ли взяли с собой... :) — Прим. перевод.

Краковский Национальный музей Чарторыйских, старейший в Польше и один из самых старых в Европе. Открыт он был в 1878 году, а основой его были собрания княжны Изабеллы Чарторыйской, начатые еще в 1801 году в Пулавах. Впоследствии все собрание было перевезено в Краков. Находится музей неподалеку от Флорианских ворот краковского града. Среди множества замечательных экспонатов именно там вы можете увидеть и единственную в Польше картину Леонардо да Винчи — «Даму с горностаем». А вот имеется ли там портрет Станиславы Крушевской, об этом интернет-источники не сообщают... — Прим. перевод.

Кунтуш — кунтыш м. зап. южн. род верхней мужской одежды, иногда на меху, со шнурами, с откидными рукавами; польский верхний кафтан. — Словарь В. Даля. Кунтуши перепоясывали широкими, вышитыми, иногда с кистями (как раз — слуцкий) поясами.

Ян Алоизий Матейко (польск. *Jan Alojzy Matejko*; 24 июня 1838, Краков — 1 ноября 1893, Краков) — польский живописец, автор батальных и исторических полотен. Картины Матейко содержат ряд исторических неточностей. В частности, на полотне «Стефан Баторий под Псковом» изображена сдача города, тогда как в реальности польский король так и не сумел овладеть крепостью. Алхимик Сендзивой изображен на картине «Сендзивой перед Зигмундом III».

Поэтический вымысел (лат.)

Управление охраны государства (УОГ) (польск. *Urząd Ochrony Państwa*, UOP) — основная гражданская спецслужба посткоммунистической Польши, существовавшая в 1990—2002. Была основана 6 апреля 1990 в качестве департамента Министерства внутренних дел, а в 1996 преобразована в отдельный государственный орган, подчинявшийся непосредственно премьер-министру страны. — Википедия

Казімеж (польск. *Kazimierz*, лат. *Casimiria*, идиш *Kuzmir*) — исторический район в Кракове, в прошлом отдельный город, в северо-восточной части которого с XVI века до Второй мировой войны проживали евреи. Здесь польским и немецким евреям дал приют король Казимир III, в честь которого город и назвали. От своего основания в 1335 году и до 1818 года Казимеж был самостоятельным городом, находящимся к югу от Кракова и отделённым от него несуществующим сегодня рукавом Вислы под названием Старая Висла. Казимеж является частью Старого города, внесённого в список Всемирного наследия. Казимеж административно входит в краковские районы *Дзельница I Старе-Място* и *Дзельница II Гжегужки*. Здесь мирно соседствуют памятники еврейской истории (синагоги, кладбища, лавочки) и католические костелы и монастыри. Местечко восхитительное! — Прим. перевод.

«Wiedza i życie» — ежемесячный польский научно-популярный журнал, нечто среднее между советскими «Наука и жизнь» и «Знание — сила» — Прим. перевод.

Восточные и юго-восточные пограничные области давней Речипосполитой. Включали всю правобережную Украину. Так вот какими были украинские девушки... А мы и не знали... — Прим. перевод.

Снова у автора недотыки с «зарубежными» блюдами. «Алазни» — такого вина нет; понятное дело, это «Алазанская долина». Но какое вино: выдержанное, молодое, сухое, полусладкое, крепленое, красное, белое? Естественным выбором к жареному цыпленку было бы красненькое сухонькое, но сухое «алазани» — это совсем не фонтан (во всяком случае, из того, что предлагают наши супермаркеты; кстати, продающаяся сейчас сухая «Алазанская долина» в пакетах по 2 или 3 литра, как правило, это Молдавия или Украина, что, согласитесь, типичное не то; как было в Польше, когда Пилипюк писал свою повесть, отвечаю по-грузински: «нэ знаю!»). Я бы рекомендовал или сугубо крестьянское «Мукузани» (темно-красное, плотное), правда, оно не совсем согласуется с образом Станиславы, или совсем в другую сторону: абхазское «Псоу» — нежное и девичье, хотя и белое, но где сейчас возьмешь настоящее «Псоу» по 1 руб. 20 коп. 0,75 л.? «Мчдали» — это, скорее всего, «мчади», постные лепешки из кукурузной муки; иногда их делают с сыром сулугуни, но они вкусны только горячие, взять из ресторана их можно, но вот есть потом... — Прим. перевод.

Еще один недосмотр автора или редактора: мы уже знаем, как и за что Катаржину уволили с работы, нам известно и то, что кузины теперь вместе работают в частной школе в Кракове. — Прим. перевод.

Нееет, явно перед тем, как садиться за написание книги, Пилипюк чего-то хорошенько покурил. Молдавский чай?! растущий в диком состоянии «только в некоторых долинах» (в Кодрах, небось)?! да еще и подаваемый при дворе султана?! Я могу пойти на все эти несуразности только в том случае, если автор грубо стебется... Или действие его «романа» происходит в «параллельной реальности»? Кстати, на это намеки тоже имеются... Уж слишком часто чмарит он родную Польшу. *Вот странно, какие-то вещи в новых изданиях Автор исправил (ту же Тулу), но остальное так и осталось.* — Прим. перевод.

Снова какая-то недоработка автора. Для ювелира важно лишь количество золота в сплаве. Да и каким макаром обычный ювелир может установить изотопный состав? И как этот изотопный состав влияет на стоимость. Понятное дело, когда в ходе бомбардировки нейтронами из ртути получают радиоактивное золото — тогда стоимость ого-го. Так там превращают даже не миллиграммы, а микрограммы... Опять же, кому нужно радиоактивное золото? — Прим. перевод.

Вы можете представить аптеку, пускай и обанкротившуюся, в которой в течение 10 лет остались бы КУЧИ лекарств? Я и говорю — это какая-то «параллельная реальность»... — Прим. перевод.

Десять лет назад аптеку закрыли. Каким образом там имелись лекарства с 10-летней просрочкой? — Прим. перевод.

Тоже выход, но, похоже, о существовании анонимайзеров автору рассказать было некому. — Прим. перевод.

Это же зачем себя так калечить, а почему не вазелинчиком? Похоже, автор «перечитался» шпионскими книжками. — Прим. перевод.

Давайте посчитаем: по данным Википедии (<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%B0>) в 2010 году численность населения Польши составляла 38,5 миллиона человек. Активное население — это, как правило, не более 35–40 %, то есть, миллионов пятнадцать. Так что папочка имелась на каждого, даже с запасом... И еще, выше ведь было сказано, будто бы базы ЦСБ связи с Нэтом не имеют. Так куда «вламывалась» Катаржина? — Прим. перевод.

Венгерско-польская легкая кавалерийская сабля, которая была первой используемой столь широко саблей в Польше, распространилась и сделалась популярной вместе с восхождением на трон Речипосполитой короля-воина Стефана Батория (Батори) (1533–1586). Эта сабля является переходной формой от меча к классической сабле. — Прим. перевод.

Преподаватель хотел услышать всего лишь: «Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...»

В польском языке слово «księżniczka» может означать младшего отпрыска женского полу из рода принцев, князей (как раз случай Моники) или герцогов. Поэтому, время от времени, Монику можно назвать и «принцессой», причем, без какой-либо иронии. — Прим. перевод.

Обратите внимание, уважаемые читатели, как высоко ценит автор украинских изготовителей контрафакта!!! Спешу разочаровать уважаемого пана Пилипюка: никто в Украине, к сожалению, ни «ролексов», ни батареек, ни авторучек не подделывает. А жаль, наверное... — Прим. перевод.

Тааак, здесь пан Автор в одном предложении такооооого наворочал... Балканы никогда не были единым государством, так что никакого балканского герба никогда не существовало; был, вроде бы, символ Балкан — лев, но это неверно; лев из герба Болгарии имеет германское происхождение (или Пилипюк имеет в виду денежную единицу Болгарии, лев? J). Литания — торжественная церковная служба (или молитва, *читаемая* во время такой службы) у *католиков* (!). Глаголица — одна из двух древних славянских азбук, почти полностью совпадающая с кириллицей по алфавитному составу, но отличающаяся от неё начертанием букв. — Прим. перевод.

Книжечку взять в библиотеке и почитать, ессно, слабó. Да и радиоактивность проходит, скорее, по области физики. — Прим. перевод.

В польских лицеях, гимназиях, да и школах преподавателей естественных наук называют «профессорами», а гуманитарных (чаще всего, преподавателей языков) — «лекторами». — Прим. перевод.

Действительно, ртутью «белили» золото, медь, олово. Но по цвету результирующая амальгама никак не походила на сталь. И еще. В довольно-таки обычном лице покрывать золотом кончик стального прутка ради подобного опыта... Как говаривал Станиславский: «не верю». — Прим. перевод.

Прусский цетнар равен 51,45 кг (<http://docs4.chomikuj.pl/199953868,PL,0,1,Systemy-miar-stosowane-na-ziemiach-polskich.doc>). Не знаю, как с химией, но в математике наша учительница плавает. $25 \times 50 = 1250$ и никак не 1500... - Прим. перевод.

Спрашивается, зачем Монике ходить в лицей? Учебник почитала, и все знает. Вот только почему там не написали, что этот осадок черный и никак блестеть не может?... — Прим. перевод.

Те, кто называет эту страну Голландией, поступают неправильно. Официальное название: «Королевство Нидерланды». Остерегайтесь называть местных жителей «голландцами», могут и физиономию помять. Это все равно, что в Украине называть ее жителей «хохлами» или «бандерлогами». Так что я и не знаю, что имел в виду автор, говоря об «устаревшем названии» этой страны. — Прим. перевод.

Польские магнаты признавали только одно венгерское вино: знаменитый токай «асу». Чем слаще и гуще был напиток, тем дороже он ценился. Вина из урожаев некоторых лет вполне могли идти по весу золота (учитывая расточительность польской шляхты). Ах, «Токай», «Токай», а ведь когда-то его можно было купить в наших магазинах по 3-50 за бутылочку... — Прим. перевод.

Шестью строками выше написано, что Моника в юбке. Юбка и платье — две большие разницы... — Прим. перевод.

Так ведь Станислава не скачком перенеслась в наше время из этой середины XIX века... Думаю, привычка или инстинкт к «исканию» должен был быть подавлен... Хотя, кто этих женщин знает. В деревнях все еще «ищут». — Прим. перевод.

Это не тот сырник, который мы быстренько делаем по утрам, а довольно сложный в изготовлении... скорее даже торт, чем пирог (sernik). В Польше очень популярное лакомство. — Прим. перевод.

Интенции автора ясны: лошади чувствуют в Монике (ладно, не будем выдавать сюжет) не совсем человеческое существо. А она что, за несколько сотен лет жизни так и не знала, как на нее реагируют кони; или она считала, будто бы польские лошади ее не распознают? — Прим. перевод.

Да что там чай... Поляки и кофе из стакана дудлили. И в ресторанах так подавали. Чесслово! — Прим. перевод.

А я и не знал, что глаголицей в Югославии пользовались до середины XX века: «Обычно говорят о двух видах глаголицы: более древней „круглой“, также известной как болгарская, и более поздней „угловатой“, хорватской (названной так потому, что до середины XX века она использовалась хорватскими католиками при совершении богослужений по глаголическому обряду). Алфавит последней постепенно сократился с 41 до 30 знаков». — Википедия

Битва на Косовом поле (серб. *Косовска битка* или *бој на Косову*; тур. *Kosova Meydan Muharebesi*) — крупное сражение, состоявшееся 15 июня 1389 года между объединёнными войсками сербских феодалов и Боснийского королевства и турецкой армией. Битва произошла на Косовом поле, в 5 километрах от современной Приштины. Сербские войска возглавляли князь Лазарь Хребелянович, Вук Бранкович и великий воевода Влатко Вукович. Османским войском командовал султан Мурад I вместе со своими сыновьями Якубом и Баязидом.

В бою погибла большая часть сражавшихся армий и оба предводителя: Лазарь, попавший в плен и затем казнённый, и Мурад, предположительно убитый Милошем Обиличем. Несмотря на победу османских войск, сразу же после битвы армия султана быстрым маршем направилась к Адрианополю из-за больших потерь, а также опасений наследника Мурада Баязида, что смерть его отца может привести к смутам в Османской империи. Косовская битва играет важную роль в сербском национальном самосознании, истории и фольклоре. — Википедия. Кстати, никаких упоминаний о боснийском роде Степанковичей в Нэте не нашлось. — Прим. перевод.

Книга Марии Новицкой занимается художественными артефактами, созданными в эпоху античности (то есть, до времен императора Диоклетиана, III век н. э.). Выходит, автор придумал фреску из Мир Ликийских, во всяком случае, ничего подобного в Сети найти не удалось. Наиболее подходящее по теме изображение, которое могло прийти в голову Катаржины, девушки с восковой табличкой и стилосом, светловолосой, но не синеглазой — найдено в Помпеях. — Прим. перевод.

Похоже, у пана Анджея по математике была двойка... Сколько лет Катаржине? 24, 25, ладно, 30. $30 \times 20 = 600$. А ведь кузины только что выяснили, что Монике 1200 лет. Скажете: придираюсь? Так из-за таких мелочей пропадает доверие к автору. Опять же, «Сестренки» признаны «Книгой ... (какого-то, не помню) ... года». Неужели у «Книги года» не было редактора? — Прим. перевод.

Именно так презрительно называли тех, кто не сдавал экзамен старейшинам какого-либо ремесленного цеха (а стоил такой экзамен очень даже прилично, включая ежедневное угощение ВСЕМ членам цеха), и вынужденных работать «незаконно» — Прим. перевод.

Булат — собирательное название для твёрдых и вязких сплавов железа и углерода. Химически булат отличается от стали количественным содержанием углерода. По этому показателю булат близок к чугунам. Но физически он сохраняет ковкость низкоуглеродистых сталей и ощутимо превосходит последние по твёрдости после закалки. Такие свойства более связаны со структурой металла, нежели с химическим составом (по аналогии с чистым без примесей графитом и алмазом, у которых химический состав идентичен, но физические свойства различны). Таким образом, один только химический анализ не позволяет определить отношение металла к булатам. Булат требует отличных от стали способов обработки (ковки, закалки) и может быть повреждён неправильной термической обработкой, обратившись обычной сталью или нековким чугуном. Тем не менее булат может быть доведён до расплавления и после остывания остаться булатом, или, как в случае с дамаском, может быть многократно прокован и сварен кузнечной сваркой сам с собой или с другими булатами и сталями.

Хотя современные материалы превосходят булат, для своего времени он являлся непревзойдённым образцом совершенства металла, поэтому до сих пор сохранились немногочисленные энтузиасты, владеющие искусством его приготовления и обработки.

Дамаск (дамасская сталь) — вид стали с видимыми неоднородностями на стальной поверхности, чаще всего в виде узоров, получаемых различными способами. Различается два рода стали, которые именуется общим термином «дамаск»: сварочный дамаск (при многократной перековке стального пакета, состоящего из сталей с различным содержанием углерода) и рафинированные стали. Тигельные булаты (он же вуц, англ. wootz), где узоры появляются за счёт образования крупных карбидов, как результат высокого содержания углерода и методов медленного охлаждения, к дамасским сталям не относятся. Использовалась для изготовления холодного оружия и, реже, доспехов.

В настоящее время в СМИ существует много теорий о превосходстве так называемой «настоящей дамасской стали» (то есть литого булата или вуца) над всеми другими видами металла. Это мнение, по-видимому, появилось в начале XIX века, и было распространено главным образом через романтическую литературу, такую, как «Талисман» и «Айвенго» Вальтера Скотта. Собственно исторически и металлургически миф об абсолютном превосходстве литого булата не обоснован, также и как его предпочтение всеми народами. До сих пор археологами не найден ни один ближневосточный клинок старше XV века на территории западной Европы, состоящий из литого булата, хотя, следуя соответствующему мифу, рыцари их покупали на «вес золота», потому что они якобы «резали кольчугу как масло». Никаких исторических доказательств этому до сих пор не существует. Также Римская Империя имела обширные торговые связи с Древним Востоком (персы, индийцы) и по словам Плиния Старшего лучшая сталь привозилась оттуда. Хотя индийскую тиглевую сталь, предположительно, знали ещё во времена Александра Македонского, до сих пор науке не известны римские доспехи, спаты или гладиусы, состоящие из «того самого» узорчатого булата. Напротив, именно сварные харалуги часто встречаются среди находок римской эпохи.

Также «дамасский» литой булат упоминается в исторических источниках только с XIII века, когда крестовые походы уже были на исходе. Сабля является оружием режущим, а

чисто с физической точки зрения и согласно материаловедению термообработанная и отпущенная сталь в районе 55–58 HRC не может быть разрезана точно такой же сталью. Мифы о разрубании пластинчатых доспехов и других мечей на самом деле являются продуктами XIX и XX веков и не соответствуют исторической действительности. Что касается легенды о том, что ближневосточные народы легко расправлялись с тяжелобронированными крестоносцами с помощью кривых сабель, то она также не имеет исторических доказательств. Хотя наличие импортных среднеазиатских сабель (которые как правило не имели с персидскими и индийскими булатами ничего общего) неоспоримо, один из самых ранних «исламских» ближневосточных кривых клинков датируется концом XIII века. Начиная с VIII века до XVI на Востоке одновременно с саблей ходили и прямые мечи кои и применялись против кольчуги, в которую были одеты рыцари эпохи Крестовых Походов. Утверждение, что ближневосточные народы не пользовались прямыми клинками в эпоху Крестовых Походов, следовательно необоснованно, также как и использование рыцарями «тяжёлых двуручных мечей» (что ошибочно предполагал Вальтер Скотт в своих трудах). Сабли из литого булата появились лишь в XIII веке, а клыч и ятаган, которые часто приписывают «сарацинам» популярные источники, — только спустя 200 лет после окончания Крестовых Походов в конце XV века.

К тому же металлургические исследования до сих пор не доказали, что литой узорчатый булат обладал какими-то необычайными свойствами, выходящими за пределы дозволенного законами физики. Неоднократные попытки в СМИ доказать реальность превосходства дамасского булата (например растворение его в кислоте) не имеют научной основы и не являются сколько-нибудь важными для решения этой проблемы.

Само название «дамасская сталь» часто ставится под сомнение, так как город Дамаск (от имени которого и произошло наименование стали) никогда не славился кузнечным делом и мастерами. Большинство сохранившихся булатных клинков происходят из Сирии, Персии и Индии, как правило не из регионов, связанных непосредственно с Дамаском. Есть предположение[источник не указан 312 дней], что в Дамаске существовал обширный рынок оружия, где булатные клинки предлагались в большой массе — отчего их и назвали дамасскими. Второе предположение, что первый клинок из такой стали был найден как раз таки в окрестностях Дамаска, в связи с чем и был назван дамасским. — Википедия

Согласитесь, странное имечко для боснийского князя. — Прим. перевод.

Очченно смелая метафора, если учесть относительные размеры атомов и капель крови! — Прим. перевод.

А вот чтобы срезать ороговевшую ткань — свет нужен. Странно... — Прим. перевод.

Меджугорье (хорв. Medjugorje) — небольшое селение в Боснии и Герцеговине. Русский перевод — Междугорье. Прославилось во второй половине XX века явлениями Богородицы, которые официально не признаны ни католической, ни православной церквями.

Тем не менее, ежегодно в Меджугорье совершает паломничество до 1 миллиона христиан различных конфессий со всего света.

Первое явление четверым детям произошло, по их словам, 24 июня 1981 года. В дальнейшем на место явлений собирались тысячи человек, но, видели её только шестеро детей, а для окружающих верующих она была невидима.

Явления Девы Марии, по утверждению выросших свидетелей, которых 6, продолжаются до сих пор, кому-то каждый день, кому-то 1 раз в год, кому-то раз в месяц. Богородица является и беседует со своими визионерами. Эти беседы, называемые посланиями, записываются и распространяются на всех основных языках мира.

В последние годы все контакты визионеров с Богородицей записываются на видеоролики и выставляются на сервисе YouTube. — Википедия

???

Несколько сотен метров от Флорианских ворот и Барбакана... — Прим. перевод.

Подобный вид может открываться разве что зимой; в остальные времена года и Театр, и Старый Город закрыты довольно-таки буйными деревьями и другой растительностью, равно как и остатками городских укреплений. Разве что высота дома: 6–7 этажей. Но таких в Кракове в XIX веке не строили. — Прим. перевод.

Ра́кия (болг. ракия, серб. и макед. ракија, хорв. rakija) — балканский крепкий алкогольный напиток (бренди), получаемый дистилляцией ферментированных фруктов.

Обычная крепость 40 %, но домашняя ракия может быть более крепкой — от 50 до 60 %. Ракия двойной дистилляции называется «перепеченица» (Prerešenica), «препек» (Prepek). Крепость «перепеченицы» (Prerešenica), «препека» (Prepeka) иногда превышает 60 %.

Ракию можно рассматривать как традиционный национальный напиток южнославянских народов и румын: она популярна в Боснии и Герцеговине, Болгарии, Хорватии, Черногории, Македонии, Сербии, Румынии, Молдавии и Крите.

Очень распространена *сливовица*, изготавливаемая из слив. В числе других используемых фруктов — виноград, персики, абрикосы, яблоки, груши, черешни, инжир, шелковица, можжевельник и айва. Существует также и ракия, в состав которой входят различные фрукты.

Палинка (венг. pálinka, словацк. palenka) — венгерский фруктовый бренди.

Напиток также распространён в других странах Карпатского бассейна (от Австрии до Румынии). Однако, согласно венгерскому Закону о палинке от 2008 года название «палинка» может носить только произведённый в Венгрии из 100 % фруктового материала продукт, имеющий крепость не менее 37,5 %. Евросоюз подтвердил эксклюзивные права венгерских производителей на эту торговую марку.

Напиток готовят методом перегонки из различных фруктов и ягод (подобно её южнославянскому аналогу, ракии) — винограда, груши, абрикоса, сливы, яблок. Как сами видите, ничем от ракии не отличается. Тогда почему «даже знаменитую палинку»?

Так что пан Автор хотел нам сказать, что Моника умела гнать самогонку, и ничего более; хотя считается, что искусство получения крепкого спирта в Италию пришло от арабов только в XIV–XV веках, что на Балканах, что в Польше, что у нас гнали, гонят и будут гнать, а что и как называется... и чем это хозяйство (кроме названий) различается... — Вики + Прим. перевод.

Оштъепок, осчипек (словацк. Oštiepok, польск. oscypek) — традиционный для Татр копчёный овечий сыр эллиптической формы, распространённый в Словакии и Польше и традиционно изготавливаемый гуралями. — Википедия

А вот тут пан Автор прав: пускай тебе и тысяча с лишним лет, но если из знаний и умений ценится выделка овечьих сыров да самогонки, то можно быть византийской княжной, а вот интереса для нынешнего времени к тебе никакого. — Прим. перевод.

Ха! У Станиславы имелись рекомендательные письма, дипломы — а что у Моники? Так что и сто лет назад ее, скорее всего, послали бы в овечий загон и гнать самогонку... — Прим. перевод.

Уважаемые друзья-читатели, не забывайте, что это фантастика, Автор же если чего и покупал, то только пиво по акции, но никак не миникамеры (причем, чтобы еще и работали), опять же, надо знать, где покупать... — Прим. перевод.

Братцы, это не я — это пан Автор. Похоже, он паял еще в харцерской юности. Да и то, никто серной кислотой не пользовался, только соляной. Сейчас же для обезжиривания используют разные специальные пасты. Что же касается автора книжки, которую читает Стася: это один из сборников нашего уважаемого Автора о Якубе Вендровиче. А что: сам себя не похвалишь... Хотя, в Польше Пилипюк известен именно байками про Вендровича (уже шесть сборников). Зато как самокритично представлен портрет! — Прим. перевод.

Специализированные лаки и покрытия для автора и Катаржины являются *terra incognita*. А ведь можно и простым парафинчиком. Например, свечным. — Прим. перевод.

Шио-Мгвимский монастырь (груз. შიომღვიმე, Шиомгвиме) — средневековый монашеский архитектурный комплекс в Грузии, неподалеку от города Мцхета. Он расположен в узком известняковом ущелье на северном берегу реки Мтквари (Кура), примерно в 30 км от грузинской столицы Тбилиси. — Википедия. Автор написал его название неправильно — Прим. перевод.

О значении слова в польском сленге прошу читателей догадываться самим, в меру распушенности. Из воспоминаний детства: «пипой» у нас во дворе называли какого-нибудь неуклюжего, сделавшего глупость товарища; впоследствии Сережа Чернышенко прочитал у Брема про южно-африканскую жабу «пипу»... Оказалось, что «недотепа» (в польском языке) — тоже может называться «пипой»! — Прим. перевод.

Кроме того (в одном только польском языке): это китайский струнный инструмент; недотепа, распущенная девица, женский половой орган, и только лишь потом: «тонкая трубка с краном, служащая для того, чтобы выливать пиво из бочки» — см. польский Викисловарь. В испанском языке (и некоторых других), «пипа» это курительная трубка и бочка. Так что погребок, скорее всего, был связан с испанцами. — Прим. перевод.

Оспа натуральная — острое инфекционное заболевание средней контагиозности, вызываемое вирусом из семейства поксвирусов. Антропоноз. Относится к карантинным инфекциям. Прививки от оспы, проводившиеся на протяжении почти двухсот лет, показали себя малоэффективными и крайне опасными. В 1980 г. ВОЗ объявила натуральную оспу ликвидированной, чего удалось достичь за счет слаженных санитарно-эпидемических мероприятий (ранняя изоляция заболевших и наблюдение за контактировавшими) в мировом масштабе, особенно в африканских и азиатских странах. Прививочная пропаганда, тем не менее, приписывает исчезновение оспы исключительно массовой вакцинации, основоположником который считается Эдвард Дженнер. (<http://www.homeoint.ru/glossary/n001.htm>). Как связаны со всем этим бактерии? Задаем риторический вопрос автору? — Прим. перевод.

А здесь представлено мнение известного детского врача Е.О. Комаровского: *Вирус натуральной оспы может размножаться только в организме человека и больше нигде.* После того, как в течение многих лет не было зарегистрировано ни одного случая заболевания, ученые сделали, в общем то правильный и вполне обоснованный вывод о том, что естественного источника вируса не осталось и прививки были прекращены. Тем не менее, в считанных лабораториях культуры вируса сохранились, вероятность того, что эти культуры могут быть использованы для создания бактериологического оружия — однозначно присутствует. Вероятность применения — есть, но весьма проблематичная, с моей личной точки зрения. (<http://www.komarovskiy.net/faq/privivka-ot-naturalnoj-ospy.html>)

Пан Анджей, и кто Вам рассказал таких глупостей? Лаваш не жарят (даже на ореховом масле!), а пекут: либо в специальной печи «тонэ», либо даже в духовке. Какую-нибудь бы книжечку по кулинарии прочитали. Или в Нэт залезли; к примеру, на <http://www.przepisy.pl/przepisy/region/kuchnia-gruzinska>. Хотя, если там «хачапури» считают грузинской запеканкой... — Прим. перевод.

Это все равно, что в польском ресторане не иметь бигуса или журека; в украинском — борща и вареников; в русском — пирогов и ухи — Прим. перевод.

Понятие «бихевиоральный» от англ. behavior — поведение. Бихевиоральный поведенческий подход к управлению или к обследованию персонала. Например, в бихевиоральном интервью вопросы касаются не чувств или субъективных взглядов работника (кандидата), а исключительно событий реальной трудовой биографии — поступков.

По-польски: «węgryzyn» (венгржин). Хотя переводить следует как «венгерское», понятие относится исключительно к токайским сладким винам. В польских хрониках не раз говорилось, что неоднократно за бочонок хорошего и редкого токайского (вероятнее всего, «асу», то есть, очень сладкого) платили соответствие в золоте. Сегодня 0,5 литровая бутылка довольно редкого, 6-путонного (или путнового) «aszu» стоит в «Le Silpo» 1700 гривен. Ясно, что хорошего вина и тогда производили не очень много, но и у шляхты золота тоже было не сильно... А у подмастерья Сендзивоя? Так что, скорее всего, подделывали «венгржин» точно так же, как и сейчас в Закарпатье... — Прим. перевод.

Кася (Kasia) — уменьшительное от имени «Катаржина» — Прим. перевод.

Вы уже догадались, что русское соответствие: «Наварить каши»... — Прим. перевод.

Обыкновенная жарарака — вид ямкоголовых змей рода ботропсов, длиной тела до 1,5 м. Окраска верха желтовато-бурая, по бокам тела тянется два ряда темных С-образных пятен. Иногда они сливаются вдоль спины, образуя крестообразный рисунок. Имеется еще рогатая и островная жарарака. У автора предлагают воспользоваться юной, полуметровой жараракой. — Википедия

Ну что же это такое? Снова Автору было лень заглянуть, например, в Википедию: «Жарарака представляет реальную угрозу для жизни человека. В Бразилии от 80 до 90 % всех змеиных укусов приходится на её долю. Как у всех ботропсов, яд жарараки вызывает сильные отеки и некроз тканей в области укуса. Без оказания медицинской помощи смертность составляет 10–12 %». Причем, под оказанием медицинской помощи понимается, например, отсасывание яда из ранки; прижигание и т. д., то есть то, что известно даже неграмотным людям, без необходимости применения сыворотки. — Прим. перевод.

Абхазские строительные бригады — это нечто новенькое. Или молдаване подрабатывают только в России и в Украине? — Прим. перевод.

Учреждение социального страхования = Zakład Ubezpieczeń Społecznych (ZUS) — Прим перевод.

Powszechny Elektroniczny System Ewidencji Ludności = персональный идентификационный номер гражданина (в Польше). Если дословно: Всеобщая электронная система учета населения. — Прим. перевод.

Не узнаете отзвуков давней дискуссии: «на Украине, в Украине»? В польском языке разделяют отдельный город, страну — тогда используют предлог «в». Если имеется в виду часть целого: регион, район — тогда «на». Следовательно, если мы слышим: «в Праге» (w Pradze), имеется в виду столица Чехии; «на Праге» (na Pradze) — квартал Варшавы... Теперь возвращаемся к Украине: «в Украине» — в державе, в государстве, «на Украине» — в провинции (Польши). Вот куда могут завести филологические изыскания... — Прим. перевод.

Стéфан Бáнах (польск. Stefan Banach, укр. Стефан Банах, 30 марта 1892, Краков — 31 августа 1945, Львов) — польский математик, профессор Львовского университета (1924), декан физико-математического факультета этого университета (1939). Член Польской АН и член-корреспондент АН УССР. Один из создателей современного функционального анализа и львовской математической школы. — Википедия. Побольше о кофейне (никак невозможно назвать ее «кафе») «Шотландская» и о ее посетителях можно почитать у Марека Краевского в детективе «Голова Минотавра»). — Прим. перевод.

Господи, а что внушают нашим детям сейчас?... Это вообще антинаучный бред!... Например, в одной украинской гимназии ввели курс астрологии... А современные учебники по истории почитайте (как украинской, так и мировой). Бред! — Прим. перевод.

Краковская осень, дождь... Температура, скорее всего, не выше 10–12 °С. Южноамериканская жарарака, наверняка бы, от холода оцепенела бы или уползла в какое-нибудь теплое местечко. Опять же, змеи не атакуют всего, что движется, а только то, что им непосредственно угрожает... Ай-ай-ай, пан Анджей... — Прим. перевод.

Весьма спорное заявление; опять же, это еще зависит от размеров змеи. По ящику показывали метровых кобр, так те дергались как сумасшедшие; взрослые мужики в толстенных защитных фартуках с трудом удерживали... — Прим. перевод.

Это что же, пан Автор и аммиака никогда не нюхал? — Прим. перевод.

В Польше букинистические магазины можно поделить на две категории: *antykwariaty*, где продают печатные издания от времен до Первой мировой войны, и «Старые книги», где можно приобрести даже относительно свежие издания процентов на 30–40 дешевле. — Прим. перевод.

Активный кремнезем SiO_2 в водной среде реагирует с CaO и $\text{Ca}(\text{OH})_2$ и образует сначала силикаты, а затем и гидросиликаты кальция, превращающие смесь воздушной извести с гидравлическими добавками в массу, способную твердеть не только на воздухе, но и продолжающую твердеть и в водной среде. — Химический словарь

Клаузура (с лат. *clausus* «замкнутый») — закрытая часть монастыря. В эту часть не имеют права доступа лица снаружи, в особенности, иного пола. Монахи не могут покинуть клаузуру без разрешения настоятеля. Монашеские ордена с обязательной и тщательно соблюдаемой клаузурой называются «клаузурными орденами». Лишь немногие монахи имеют право контакта с окружающим миром (например, по вопросам закупок, ремонта и т. д.) — польская Википедия.

Витриол — старинное название концентрированной серной кислоты; водород — прим. перевод.

Капта́л или капта́льная лента — элемент книжного переплёта, используемый для крепления книжного блока к переплётным крышкам. Придаёт конструкции книги дополнительную надёжность. Располагается в верхней и нижней частях корешка книги, представляет собой поперечный жгут или шнур, соединённый с тетрадями блока шитьем и закреплённый на ребре крышки. Средневековые капталы обычно оплетались цветными нитями для красоты. — Википедия

Бревиáрий — в Католической церкви богослужебная книга, содержащая чинопоследования литургических часов согласно обряду Римской церкви. Бревиарий содержит только тексты молитв, в том числе и тексты молитвословных распевов. — Википедия

Весьма странно читать в современных статьях (например, <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BA>) что доминиканцы были самым-рассамым орденом, поддерживающим ученых и ты ды. Но ведь именно доминиканцы являлись и до сих пор являются официальными защитниками и ревнителями католической веры, в связи с чем «выпалывали» ересь и участвовали в работе инквизиции, которая, в свою очередь, преследовала и алхимиков... — Прим. перевод.

Святой Иоанн XXIII (лат.*Johannes PP. XXIII*, до интронизации — Анджело Джузеппе Ронкалли, итал.*Angelo Giuseppe Roncalli*; 25 ноября 1881 — 3 июня 1963), римский папа с 1958. Дипломат Ватикана, исполнял обязанности папского нунция (посланника) в Болгарии, Греции, Турции и Франции. Взойдя на папский престол, выступал за мир и мирное сосуществование государств с различными социальными системами. — Википедия

Это что, намеки на лень Сендзивоя? Несколько страниц назад он браво плавил свинец... Или отлить пули в домашних условиях — это невыполнимая задача?... — Прим. перевод.

Краков, ул. Медовая, 13, к. 35. Практически рядом с ул. Дитля, отделяющей Краков от Казимежа; метров 600–700 от Вавеля.

Один из известнейших алхимических трактатов — 15 гравюр без текста (см., например, http://www.amorc.org.ru/mutus_liber.php).

«В Ментоне много прекрасных садов и парков. Гуляя по городу, отдыхают не только глаза, но и душа. Недалеко от итальянской границы находится сад виллы Мария Серена. Он считается самым организованным во Франции. В нем есть пальмовая роща, цитрусовые, оливковые деревья и тропические растения». Из книги Ильи Мельникова «Рокебрюн — Кап-Мартен и другие маленькие города Лазурного Берега» (http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks317246). Ни о каких виноградниках — ни слова. Да вообще, о знаменитых (тем более, 50-летних!) винах с французской Ривьеры никто не слышал. — Прим. перевод.

Микало́юс Константі́нас Чюрлё́нис (до 1955 г. использовалась русская форма имени Николай Константинович Чурлянис; лит. Mikalojus Konstantinas Čiurlionis; польск. Mikołaj Konstanty Czurlanis; 10 (22) сентября 1875 — 28 марта (10 апреля) 1911) — литовский художник и композитор; родоначальник профессиональной литовской музыки, далеко раздвинувший своим творчеством границы национальной и мировой культуры. — Википедия. Кстати, автор, наверное, по известным только себе причинам, транскрибировал фамилию и имя Чюрлениса в их современном русском звучании, а не в польском (Čiurlionis Mikołas). — Прим. перевод.

О свойствах тетрагексанола будет написано ниже, но «шепотка ЛСД»... и вот так сразу... и почему-то «страшная слабость»... (хотя ЛСД действует на народ по-разному; некоторые наоборот, делаются дико активными). Как Дмитрий не побоялся, что Сендзивой в припадке возбуждения не прибьет коварного ученичка? — Прим. перевод.

Если Сендзивой пожелал состричь, то, вроде, не время и не место. Или (о, страшное предположение!), знаменитый алхимик, вслед за паном автором, не знает, что *алкагест* (Alkahest; в дореволюционной русской традиции Алькаэст) или Универсальный растворитель (лат. Menstruum universale) в алхимии — жидкая субстанция, обладающая способностью растворять все без исключения тела (вещества). Парацельс, впервые употребивший термин алкагест в начале XVI века, произвёл его, по-видимому, от араб. القالي al-kali (щёлочь). Диэтиловый же (медицинский) эфир, возможно, впервые был получен в IX веке алхимиком Джабир ибн Хайяном либо алхимиком Раймундом Луллием в 1275 году. Достоверно известно, что он был синтезирован в 1540 году Валерием Кордусом, который назвал его «сладким купоросным маслом» (лат. oleum dulce vitrioli), поскольку получил его перегонкой смеси этилового спирта и серной кислоты, которая тогда называлась «купоросным маслом». Кордус также отметил его анестезирующие свойства. Название «эфир» было дано этому веществу в 1729 году Фробениусом. Ага, «меркурием» называли ртуть. Википедия + Химический словарь

Блин, пан Автор и медицинский эфир не нюхал? — Прим. перевод.

Станіслав Фэлікс Пшыбышэвскі (польск. Stanisław Feliks Przybyszewski; 7 мая 1868, Лоево в Куявии — 23 ноября 1927, Яронты в Куявии) — польский писатель. Испытывал влияние взглядов Ф. Ницше, пропагандировал крайний модернистский эстетизм, эротизм и экспрессионизм. В драматургии ориентировался на Ибсена, Метерлинка, Стриндберга. — Википедия.

Тадеуш Бой-Желеньский (польск. Tadeusz Kamil Marcjan Źeleński, Tadeusz Boy-Żeleński 21 декабря 1874, Варшава — 4 июля 1941, Львов) — польский театральный критик, переводчик французской литературы, литературовед и писатель, по образованию врач. Присоединился к группе молодых краковских авторов и художников, вместе с ними создал в 1906 г. в кафе «Яма Михалика» кабаре «Зелёный шарик» и стал автором сатирических текстов, изданных позже под названием «Словечки» (польск. Słówka; 1911). Во время Первой мировой войны работал железнодорожным врачом. С 1919 года писал театральные рецензии для краковской газеты «Час», затем для варшавской «Курьер Поранный». В 1922 году переселился из Кракова в Варшаву. — Википедия

Хлорное золото или хлорид золота — бинарное неорганическое соединение, соль металла золота и хлористоводородной кислоты, формула AuCl , Au_2Cl_4 или Au_2Cl_6 . Получают путем насыщения мелкодисперсного порошка золота газообразным хлором при нагревании: При стандартных условиях представляет собой красные кристаллы. Монохлорид золота раздражает кожу и глаза, повреждает ткани почек и сокращает количество белых кровяных телец. При прикосновении промыть пораженный участок водой с мылом в течение 15 минут. — Википедия + Химический словарь.

Вот что значит алхимичка: искать слона там, где его попросту нет... Дмитрий пытал Монику чистым серебром, а не какими-то там соединениями, и аллергеном для нее является как раз чистое серебро (ладно, возможно, окись), раз вампира можно убить серебряной пулей или клинком. Доли соединений серебра в таких случаях просто ничтожны — Прим. перевод.

Нее, чегой-то здесь не так. Тетрагексан — это гексан, у которого четыре атома водорода заменяются на группы — CH_3 , к примеру: $\text{H}_3\text{C}-\text{C}(\text{CH}_3)(\text{CH}_3)-\text{CH}_2-\text{CH}(\text{CH}_3)-\text{CH}(\text{CH}_3)-\text{CH}_3$ — 2,2,4,5 — тетрагексан; да, имеется возможность замены одного из оставшихся атомов водорода на гидроксильную группу — OH путем мягкого окисления с получением гексанола; двойной связи просто неоткуда взяться. По тексту далее говорится о увеличении в 17 раз пьянящих свойств. Ну, это вообще какая-то бредь... К сожалению, и в литературе, и в Сети о «пищевых» свойствах тетрагексанола ничего не нашлось, но, полагаю, это яд, отличающийся, кстати, гадким запахом. Цитата: «ГЕКСАНОЛ — $\text{C}_6\text{H}_{14}\text{O}$ — в свободном виде найден в эфирном масле из *Heraclium giganteum*. Встречается в связанном состоянии в виде сложных эфиров (гексилацетат). Жидкость с сивушным, резким запахом.» (http://viness.narod.ru/3_4_1_aliphat_alc.htm). Как можно заглотить такой коктейль, да еще написать, что «вино было великолепным»... Нэ знай! — Прим. перевод.

Математически, конечно, вроде и так. 1500 мл водки соответствуют 600 мл чистого спирта; но, раз тетрагексанол в 17 раз «крепче», его нужно 35 мл, которые можно, конечно, влить в рюмку, смешав с вином с прибавлением ЛСД, но тогда и рюмку нужно было выпить махом, а культурные люди так не пьют, да и в тексте было что-то об одном глоточке. Предположим, что смесь была в пропорции 1:1. Глоточек, это миллилитров 10. То есть, в организм попало 5 мл тетрагексанола, что соответствует 85 мл этилового спирта или, приблизительно, 200 мл водки. Да, стакан водки, да на пустой желудок — это круто, но не с описанными последствиями. Снова у пана автора чего-то не сходится — Прим. перевод.

Стрянно, а еще несколькими строками выше Сендзивой гордился незабытыми знаниями по современной химии, в том числе, и по тетрагексанолу... — Прим. перевод.

Клевки — насчитывающий около 1500 жителей населенный пункт в Варминско-Мазурском воеводстве. Славу Клевки обрели в 2001 году по причине Богдана Гасиньского, утверждавшего, будто бы в Клевках пребывают талибы. Подобные же сведения своим выступлением в сейме распространил глава партии Самообороны, Анджей Леппер. Книгу и фильм, названные «Я сошел с ума», касающиеся этих предполагаемых событий, создала Мария Верниковская. — Польская Википедия

См. сноску на стр. 88 — Прим. перевод.

Суконные ряды на площади Рынок в Кракове. Сейчас скопление лавочек с сувенирами (это на первом этаже). На втором, говорят и едят, проводятся выставки и презентации. Редко какой турист добирается до второго этажа Сукенниц — Прим. перевод.

См. сноску на стр. 12. Вот только трудно поверить, что Станислава занималась при дворе раздуванием самоваров — Прим. перевод.

Черт, на все эти подколки против русских (да и украинцев), что у Пилипюка, что у других польских авторов, уже, вроде и не обращаешь внимания, тем не менее... Паны, небось, забыли про чай на российских железных дорогах (в подстаканниках), а в Пруссии и Австро-Венгрии в поездах чаю вообще не подавали. А вы сами, блин, не забыли, как «kawę» паршивого помола, с плавающими сверху крупными кусками гущи, из стаканов дудлили? Все запечатлено в старых польских фильмах... И еще, разве это не насмешка над другими чайными культурами? Например, в Турции или Азербайджане крепкий чай традиционно пьют из стаканчиков грушевидной формы «ормудов» или «армудов», а не из чашек. Так что, они уже дикари и орангутанги? — Прим. перевод.

Пивница (подвал) под баранами (польск. Piwnica pod Baranami) — кабаре в Кракове (Польша), основано 26 мая 1956 года, находится в подвале здания под названием «Дворца под баранами» на Главной площади, дом № 27.

Кабаре создано группой молодых краковских художников и актёров под руководством актёра Петра Скшинецкого (1930–1997). Среди учредителей был композитор Кшиштоф Пендерецкий.

Автором сценографии и литературным руководителем кабаре была Янина Гарыцкая (1920–1997).

В кабаре выступали джазовые ансамбли Кшиштофа Комеды и Анджея Курылевича.

В 1960-х годах к коллективу кабаре присоединились певица Эва Демарчик, композитор Зыгмунт Конечный и другие актёры, композиторы и авторы текстов. С начала 1970-х годов в кабаре выступает Алексей Авдеев.

В отличие от других кабаре, «Подвал под баранами» характеризовал артистический беспорядок, неожиданная импровизация. Кроме поэзии актёры декламировали с серьёзными лицами интервью со снохой Первого Секретаря ПОРП, описание размножения улиток из старой энциклопедии, «Песнь песней Соломона» или «Балладу о чудесном рождестве Болеслава III Кривоустого».

Конферанс вёл всегда Пётр Скшинецкий, в чёрной шляпе с пёрышком и с колокольчиком в руке.

К числу гостей кабаре принадлежали Анджей Вайда, Анна Дымна, Славомир Мрожек Чеслав Милош и Агнешка Осецкая.

В 1997 году после кончины двух ведущих личностей кабаре — Петра Скшинецкого и Янины Гарицкой — кабаре вступило в сложный период своего существования, но старается продолжать свои полувековые традиции. — Википедия

Khebra Nagast («Книга о Славе Царей») — эфиопская книга, содержащая легенды с происхождении династии эфиопских правителей от царя Соломона и царицы Савской.

Кебра Негаст, в особенности её оригинальная рукопись, имеет чрезвычайно важное значение для эфиопского народа. Об этом свидетельствует, в частности, следующая история: в 1872 году император Йоханнес IV отправил срочное послание английскому министру иностранных дел графу Гранвиллю, в котором требовал вернуть оригинал Кебра Негаст, увезенный в Лондон в 1868 году в связи с введением де-факто английского протектората в Эфиопии. Он писал: «У Вас там есть книга под названием „Кебра Негаст“, которая содержит законы Эфиопии, в этой книге есть имена царей, названия церквей и провинций. Я прошу Вас безотлагательно установить, в чьей собственности находится эта книга, и отослать ее мне, так как без этой книги народ в моей стране не будет мне подчиняться». Попечителей Британского музея удалось убедить, и 14 сентября 1872 года рукопись была возвращена в Эфиопию. — Материалы из Википедии

Амарáнт, или щирíца (лат. *Amaráanthus*) — широко распространённый род преимущественно однолетних травянистых растений с мелкими цветками, собранными в густые колосовидно-метельчатые соцветия. Относится к семейству Амарантовые. Известно около 55–65 видов, которые произрастают в тёплых и умеренных областях. Амарант в течение 8 тысяч лет был одной из основных зерновых культур Южной Америки и Мексики («пшеница ацтеков», «хлеб инков»), наряду с бобами и кукурузой. После испанского завоевания Америки эта культура была забыта. В Азии амарант популярен среди горных племён Индии, Пакистана, Непала и Китая как зерновая и овощная культура. На рынках Северной и Южной Америки, Китая и стран Юго-Восточной Азии (но не Эфиопии!; в Нэт понятия «Эфиопия» и «амарант» никак не ассоциированы — Прим. перевод.) можно встретить более 30 наименований продуктов из амаранта: вермишель, макароны, чипсы, бисквиты, кексы, вафли, напитки, детское питание. Натуральные пигменты из кожуры семян придают соусам и напиткам красивый тёмный цвет и приятный вкус. — Материалы из Википедии

Странно, нигде не нашлось сведений о том, чтобы шалфей заваривали в качестве напитка. Да, его добавляют в чай, в тесто. «В некоторых странах из цветков получают ароматный хмельной напиток. В Мексике, Чили из корней и молодых стеблей готовят ароматные прохладительные напитки» (Википедия), но не в Эфиопии!!! — Прим. перевод.

Одно время в Польше был очень популярным стилем молодежной музыки. Наше соответствие: «сиротский рок» «Ласкового мая», и в том же прикиде. Кстати, их польские коллеги охотно перепевали «Белые розы» или «Седую ночь»... — Прим. перевод.

Время от времени возвращается впечатление того, будто бы автор описывает какую-то параллельную Польшу, Украину, Грузию, с параллельными физикой, химией, кулинарией. Вот и в случае с иридием. «Коренные месторождения осмистого (но не самородного!) иридия расположены в основном в перидотитовых серпентинитах складчатых областей (в ЮАР, Канаде, России, США, на Новой Гвинее — но не в Эфиопии!). Ежегодно производство иридия на Земле составляет около 3 тонн. Это чрезвычайно редкий и дорогой металл.» — Прим. перевод. + данные из Википедии и Химического словаря.

То есть, действие происходило после 1989-90 года — Прим. перевод.

Последний крупный праздник, отмечаемый перед Йулем (Jul, в поздней традиции — рождество), — день святого Мартина (по-норвежски — Mortensmesse или Mortensdag), 11 ноября. Этот праздник любят в Старом Свете. Традиционное блюдо, которое готовят почти в каждой семье — жареный гусь. В этот день на столе много различных яств. Такое изобилие не случайно — День святого Мартина — последний праздник перед долгим рождественским постом. Люди веселятся, едят много вкусной пищи, чтобы затем вплоть до 25 декабря (до католического Рождества) не есть пищи животного происхождения. Празднуют День святого Мартина во многих странах Европы одинаково. Во многих кафе и ресторанах подают жареного гуся и молодое вино. Источник: <http://www.calend.ru/holidays/0/0/667/39/>

С писателем Яцеком Комудой вы познакомились в сноске на стр. 8. «Писатель в вышиванке» — это наш «пан Автор», Анджей Пилипюк, который тем самым тонко стебется над собой. Кстати, у польских фантастов имеется еще один археолог по образованию, Артур С. Шрейтер, который рассказом «Вещуны» («Феникс» 1/1991) «породил» стиль «славянское фэнтези», но он пишет немного (около 15 рассказов), другие его книги и статьи, скорее, научно-популярные и литературоведческие.

Больше о Пилипюке (кстати, и содержание других томов эпопеи о «кузинах») можно почитать здесь (правда, по-украински): http://uk.wikipedia.org/wiki/Анджей_Піліп'юк — Прим. перевод.

Мед тройняк — питьевой мед, для производства которого сусло образуется из единицы объема меда, разведенного двумя объемами воды. Крепость: около 15–16 оборотов. Цена, приличная, около 24–26 злотых (более 100 гривен) за литр— Прим. перевод.

«Ланцутский дьявол» Я. Комуды вышел из печати в 2007 году. — Прим. перевод.

Скорее, не «святом», а «юбилейном». В связи с «круглой» датой в Ватикан приходили огромные пожертвования и дары. «Юбилеи» решили устраивать раз в пятьдесят лет. Теперь же «юбилеи» считают раз в десятилетие... Хотя своими ушами слышал, как какая-то фирмуля гордо отмечала свой «3-летний юбилей»... — Прим. перевод.

О чем ей нужно было догадываться? Что это иридий? Или какой-то другой тяжелый серебристый сплав? Что из Эфиопии (где «золота в Серых горах, как не было, так и нет» © Анджей Сапковский), а не, к примеру, из Канады, ЮАР, России...? Но Станислава сразу же догадалась и правильно сделала, что сплавila драгоценный металл церкви. В противном случае, куда и кому бы она его продала? А так, пускай в костёле ломают голову... — Прим. перевод.

Вот что хотел сказать этим Автор? Моника и сама могла завести себе «кошелек» с Web-money (вот только были ли они в 2006–2007 году?). Нет, она поступала правильно: заказ — товар в материальной форме (перевод на дискете) — реальные денежные знаки. А то знаем мы этих «ленивых студентов», желающих получить все на шармака... Опять же, эту реплику еще могла подать Катаржина, но никак не Станислава, не разбирающаяся в Нэте, о чем свидетельствует следующая фраза в тексте. — Прим. перевод.

Вот как-то буднично, неинтересно, вразрез с духом книги пан Автор расправился (чужими руками, заметьте) с одним из главных негодяев. Ладно, может он его на второй-третий том хранит? — Прим. перевод.

Хондриты — каменные метеориты, характеризующихся наличием маленьких шариков (хондр), диаметром около 1 мм. Примерно 82 % метеоритов — хондриты. Большинство хондритов имеет номер, обозначающий изменение хондр. «3» обозначает неизмененные хондры. Цифры больше 3 показывают увеличение степени метаморфизма. «7» обозначает полное затушевание хондр. Цифры меньше «3» обозначают степень низкотемпературных изменений. «1» показывает, что хондры полностью уничтожены низкотемпературными (водными) изменениями. Отсутствие номера означает, что характер и степень изменения трудно определить однозначно.

(<http://wiki.web.ru/wiki/%D0%A5%D0%BE%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B8%D1%82%D1>)

Ничего оскорбительного для евреев здесь нет. В польском (а еще и в чешском, словацком) языке слово «Żyd» (именно с большой буквы, как и все национальности) обозначает всего лишь национальность. И «ничего личного» © Масса импортных книг и фильмов... Так что непонятно, почему бармен-агент Бюро так реагировал... — Прим. перевод.

Марицкий костёл или Церковь Успения Пресвятой Девы Марии— католический приходской костёл готической архитектуры в Кракове (Польша). В настоящее время полное официальное наименование церкви — Архипресвитериальный костёл Вознесения на небо Пресвятой Девы Марии (польск.*Kościół archiprezbiterialny pw. Wniebowzięcia Najświętszej Marii Panny*). Марицкий костёл является одним из основных архитектурных доминант краковского Главного Рынка, выходя на него главным фасадом, но находясь по адресу Марицкая площадь, 5. Интерьер храма имеет полихромный характер, состоящий из различных архитектурных стилей от готики до барокко и модерна. Главным элементом внутреннего убранства церкви является алтарь Вита Ствоша. В сакристии, оформленной в барочном стиле XVII века, хранятся произведения средневековых ювелиров. — Материалы Википедии

Сеть магазинов розничной продажи товаров для культурного отдыха: книг, журналов, музыки и фильмов на кассетах и дисках. В Кракове (магазин находится метрах в двухстах от Марицкого костела), в магазине сети Empik часто проводятся концерты, встречи с писателями, художниками... Магазины этой сети появились и в Украине, в частности, в Днепропетровске Эмпик работает в комплексе Гран Плаза. Жаль только, что литературой из Польши они не торгуют. — Прим. перевод.

Сефер Йецира (ивр. ספר יצירה, Книга творения) — один из основополагающих текстов в учении Каббала, авторство которого традиционно приписывают Аврааму. В этом кратком сочинении содержится учение о сотворении мира, времени и душе человека посредством 22 букв еврейского алфавита и 10 скрытыми путями-сфирот. — Википедия

По одной версии «сфирот» (ивр. סְפִירוֹת) происходит от слова *сефер* (ивр. סֵפֶר, книга). По другой — от слова «сапир» (ивр. סַפִּיר), «светящийся». По иной — «сфирот», в буквальном значении — элементы счета («сфор» — на иврите «считать»); это корень слова «миспар», номер, см. «Сфират Аомер»). Этимологическая связь с греческим словом «сфера» остаётся неясной.

10 сфирот — 10 скрытий Высшего Света, существующих, чтобы творения смогли получить этот Свет.

Им соответствуют:

1 °Священных Имен Творца, упомянутых в Торе (Зоар, Ваикра п. 156–177).^[10] Действующие лица Торы. Иерархии ангелов. 5 бхинот (уровней): кетер, хохма, бина, тиферет (называемая также Зэйр Анпин) и малхут. Каждая из этих 5 бхинот, в свою очередь, состоит из своих собственных 5 бхинот. Однако в бхине тиферет уровни сфирот уменьшились с уровня ГА"Р, поэтому в тиферет сфирот называются не КаХа"Б Ту"М, а ХаГа"Т Н"А (хесед, гвура, тиферет, нецах и ход), а сфира есод, объединяет их всех. 5 миров.

Кетер (כתר)

корона

Эке

Адам Кадмон

Хохма (חוכמה)

мудрость

Йя

Адам

Ацилут, мир эманаций

Бина (בינה)

понимание

Авая

Ева

Брия, мир сотворения

Хесед (חסד)

милость

Эль

Авраам

Михаэль

Ецира, мир создания

Гвура (גבורה)

строгость, суд

Элохим

Ицхак

Габриэль

Тиферет (תפארת)

красота

Авая

Яков

Рафаэль

Нецах (נצח)

вечность

Цваот

Моше

Ход (הוד)

слава

Цваот

Аарон

Йесод (יסוד)

основа

Шадай

Йосеф

Малхут (מלכות)

царство

Адонай

Давид

Асия, мир действия

Приспособление для разделения жидкостей при фракционной перегонке. —
Викисловарь

Вот как это можно сделать в ступке — нэ понимай! Золото ведь металл, а не минерал!!!
Согласен, золото можно превратить в пыль осаждением, но механическим путем? Любые
шлифовальные смеси в силу исключительной мягкости и ковкости золота просто не
сработают. — Прим. перевод.

Полезно вспомнить, что по-гречески «азот» — это «отсутствие жизни», «не-жизнь». —
Прим. перевод.